

II 204 2043

В.Л. Семенов

Революция и мораль (Лбовщина на Урале)

Пермь 2003

10.

В.Л. Семенов

Революция и мораль (Лбовщина на Урале)

Пермь 2003

УДК 947

ББК т 3 (2 РОС – 4 ПЕР)

С 302

Семенов В.Л.

Революция и мораль (Лбовщина на Урале). – Пермь:
изд. Богатырев П.Г., 2002. – 224 с.

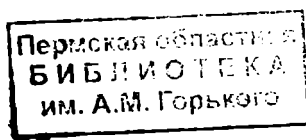
Научный редактор профессор М.Г. Суслов

В монографии освещаются некоторые проблемы революционной морали, которые проявлялись в период революции 1905-1907 г. на Урале, на примере деятельности «лесных братьев» и личной судьбы их руководителя А.М. Лбова. Книга предназначена для всех интересующихся проблемами этики, революционной морали и историей Пермского края.

//
—

2042043

РУНО

Введение

Руководитель пермских боевиков А.М. Лбов вызывал столько восхищения, удивления и восторга, что стал известен не только на Урале, но и во всей России¹. Гигантский выброс личной энергии вызывал положительные эмоции, смешанные со страхом и ужасом. Своими точно спланированными актами экспроприаций, своей личной изворотливостью и неуловимостью, своей личной храбростью он создал себе имидж удачливого героя многих тысяч мещан, живущих далеко от тех мест, где он находился и действовал.

Однако этот колоссальный выброс личной энергии, направленной у Лбова на убийство, на физическое уничтожение других людей, и прежде всего работников правоохранительных органов России, характеризовался тем, что он был нацелен непосредственно от него на них, а не опосредованно через массовую партию, как это было у харизматических вождей XX века, в результате чего у них получалось многократное усиление соответствующего социального действия.

У Лбова в силу его политической неразвитости была харизма личного непосредственного действия, а опосредованно он воздействовать на массы народа не мог. У него не было своего оригинального учения, своей идеологии, которая могла бы увлечь за собой пусть и самых неразвитых и политически неопытных участников революции 1905–1907 г. в России.

Он создавал смелые и напряженные конструкции актов экспроприаций на местном уровне, и благодаря им был популярен. Однако его деятельность, развернутая на закате первой русской революции, на фоне затухания массовой борьбы, ее постепенного свертывания своей экстраординарной активностью привлекала к себе внимание маргинальных элементов местного общества, решивших присоединиться к нему для того, чтобы хорошо пожить и пограбить. И все его попытки протестовать против этого, крутыми мерами навести порядок «в революционном отряде» были обречены на неудачу, потому что они противоречили ценностной ориентации значительной части этих людей.

Лбов представлял собой грандиозную фигуру своеобразной одиночки на фоне густого узора тех объективных факторов, которые его формировали, которые ему способствовали. Они

¹ Мамин-Сибиряк в воспоминаниях современников. Свердловск, 1962. С. 44. Мурашев П.В. У Д.Н. Мамина-Сибиряка. Беседа состоялась в сентябре 1907 года.

влекли его вперед и, в конце концов, поставили перед катастрофой. Условия, возникшие в России в период революции 1905–1907 г., были вызваны необходимостью дать выход скрытым, максимально запутанным причинам недовольства масс, которые требовали облачения его в простые и понятные им формы немедленного действия, дающего сиюминутный результат. И активистская деятельность Лбова удовлетворяла интересы и потребности наиболее экстремистских элементов революционного движения, которые на его исходе увидели во Лбове искомую фигуру лидера местного уровня. В особо трудные времена масса людей теряется, не зная, как решать сложные социальные проблемы, поэтому она передает их решение на усмотрение лидера мирового или местного масштаба, которому начинает доверять. Таким лидером боевиков в 1906–1907 г. в Пермской губернии был А.М. Лбов.

Книга о нем, названная «Революция и мораль», не является очередной попыткой его апологии, или наоборот, – его разоблачения, снятия с него ореола несуществующих заслуг. Мы не считаем, что биография – это скрытый, оправдательный маневр в жизни героя, в ходе всеобъемлющей стратегии, направленной на снятие его вины. Цель нашей монографии иная. Она заключается в том, чтобы показать, как меняются ценностные установки в отношении человеческой жизни в период революции, как резко падает в этот период значение человеческой жизни, какими условиями социально-экономического, правового, нравственного порядка это падение обуславливается и определяется.

Только тщательный анализ этих условий применительно к революции 1905–1907 годов на Урале позволяет вставить в данный социокультурный контекст портрет А.М. Лбова и показать, что он был подлинным и последовательным выразителем наиболее экстремистских люмпенско-маргинальных слоев российского общества, интересы которых он выражал и защищал. Возникает вопрос, каким образом он это делал в предреволюционные и революционные годы. Для того чтобы высветить содержание данного вопроса, рассмотрим содержание дефиниций «эволюция» и «революция», которые включают в себе характерные стороны поведения людей в периоды эволюционного и революционного развития общества, их ценностные ориентации.

Под «эволюцией» мы понимаем термин, под которым мыслится развитие одной формы из другой. В истории человеческого общества под эволюцией понимается процесс усложнения форм. Однако при этом имеется в виду оценка значения такого усложнения с точки зрения нашего понимания блага. Если мы

попытаемся выстроить систему ценностных ориентаций общества, находящегося в стадии эволюционного развития, то наивысшей ценностью будет жизнь человека. В период эволюционного развития общество характеризуется двумя особенностями: во-первых, известной постепенностью эволюционного процесса; а, во-вторых, представлением о нем как о процессе, совершаемом в силу действия общих законов социального развития, которым подчиняются те или иные категории явлений. В первом отношении «эволюция» есть нечто противоположное «революции» (понимаемой не столько в смысле насильственности, сколько в смысле внезапности), а внезапность, в свою очередь, сокращая время, необходимое для принятия решения, приводит часто к кровавым эксцессам. Революция – это коренной переворот в жизни общества, проявляющийся в насильственном низвержении отжившего общественного строя и утверждении нового, более прогрессивного.

Эволюция и революция производят в общественном развитии одно и то же, но различным образом, т.е. либо путем более или менее медленных и часто незаметных изменений, либо сразу, хотя, конечно, каждый внезапный переворот является лишь конечным моментом предыдущей эволюции.

С другой стороны, эволюция мыслится как процесс, закономерно завершающийся сам собою. И в этом смысле он является синонимом саморазвития, т.е. процесса развития, совершающегося в силу внутренних причин, а не какого-либо действия извне, – как это трактует экономический материализм.

В учении экономического материализма социально-культурная эволюция, всецело зависящая от экономической, происходит совершенно стихийно, роковым образом. Здесь мы имеем дело с тем же кругом идей, только иначе поставленных и требующих своего первоочередного разрешения.

Поэтому в периоды революций система ценностных ориентаций коренным образом меняется. Принятие необходимости реализации идей нового общественного строя становится в глазах малоимущих, маргинальных слоев населения сверхценностью, и в угоду его практической реализации приносится масса человеческих жизней.

Последнее происходит в основном по двум причинам. Во-первых, признается историческая необходимость перехода к новому более прогрессивному общественному строю, преимуществ которого, в смысле совершенства так велики, что они быстро окупают те человеческие жертвы, которые имели место в период борьбы за переход от одних общественных отношений к другим. Во-вторых, быстрый темп общественных преобразова-

ний лишает революционеров возможности всестороннего взвешивания всех «за» и «против» оптимальных путей, ведущих к практической реализации новых революционных идей. Смена внешних абсолютных ценностей в периоды революции принимает абсолютный характер и ведет к обесцениванию человеческой жизни. Последнее становится в социальной иерархии ценностей ниже идей Революции и приносится им в жертву.

В общественных науках появилась мысль о том, что рядом с каузальными законами, т.е. относящимися к связи причины с ее следствием, существуют особые эволюционные законы, указывающие на последовательность или порядок, в котором происходят переходы от одних форм общественного развития к другим. Все закономерности общественной детерминации, в конечном счете, служат оправданию тех жертв, с которыми сопряжена их практическая реализация в жизнь. Все человеческие жертвы на пути такой детерминации становятся не только естественными, но и необходимыми.

Конечно, А.М. Лбов, окончивший местное трехклассное училище, таких выкладок общественного развития не знал. Однако он трезво мыслил, что есть общественное неравенство, а, следовательно, и несправедливость, и во имя установления справедливости не только возможно, но и необходимо применение силы, следовательно, и снятия (убийства) тех людей, которые мешают установлению данной справедливости. Он действовал на основе принципа народной морали «око за око, зуб за зуб».

Существенное влияние на него оказала расстановка социальных сил в России и на Урале в период Первой русской революции 1905-1907 г. В отряде Лбова были и социал-демократы экстремистско-большевистского направления, и эсеры-максималисты, приехавшие из Петербурга в начале января 1907 года, и беспартийные рабочие, и крестьяне, которым просто хотелось побыть на воле, в лесу, попить и пограбить. Каждый из них внес в отряд частицу своего мировоззрения, своих партийных взглядов и хотел действовать в соответствии с ними. Однако первоначально над каждым из них довлела железная воля «вождя», руководителя отряда Александра Михайловича Лбова. С этим приходилось считаться каждому из приехавших из Питера боевиков. Поэтому они и вышли из отряда Лбова.

Перед нами встает вопрос: почему лбовцы в своих действиях односторонне ориентировались на террор, на экспроприации, на насильственные действия, что их толкнуло на этот путь?

Обстановка в стране после поражения декабрьских восстаний в ряде городов оставалась сложной: революция еще не была подавлена. Она отступала медленно, с боями. Это отступле-

ние революции опиралось иногда на вооруженную силу, матросские восстания в Свеаборге, Кронштадте, на Черном море — крейсер «Очаков», броненосец «Потемкин» и др., и приводило в правительстве России к возникновению общественно-политического направления, которое ориентировалось на то, чтобы крутыми мерами, опираясь на насилие (террор), подавить революционное движение.

Между большевиками и меньшевиками существовали значительные расхождения по отношению к насильственным формам борьбы и, в частности, к террору. По свидетельству А.В. Луначарского, В.И. Ленин был сторонником любых форм насильственных действий против царского правительства, если в них было хоть какое-то политическое содержание. Он поддерживал их, если средства от актов экспроприаций шли в фонд большевиков.

По свидетельству А.В. Луначарского, неудача декабрьского восстания «опять изменила политическую ситуацию». Сперва большевистский центр и сам Ленин не считали московскую победу правительства фактом настолько решающим, чтобы менять основную революционную тактику пролетариата. Наоборот, Ленин считал, что необходимо перестроить «на чисто боевой характер» тактику большевиков в революции. На Васильевском острове, в Петербурге, в начале 1906 года произошло большое партийное собрание, на котором Ленин впервые выступил с речью о необходимости партизанской борьбы против правительства, об организации троек и пятерок, которые в виде героических групп дезорганизовывали бы жизнь государства и давали бы, таким образом, гигантский арьергардный бой, перестраивая его, как мост к новому подъему революции. Мастер тактических переходов, внезапных и крутых, Ленин в данном случае резкостью перехода от недавно им провозглашенной тактики к новой — партизанско-террористической — добился того, что на различных собраниях и конференциях, по свидетельству Луначарского, «раздосадованные необходимостью отступления рабочие и старые революционеры делились чуть не пополам между тактикой, недавно еще провозглашенной самим Лениным, и новым курсом, который он стал постепенно брать на сохранение нелегальной партии во всей ее неприкосновенности...»¹.

Тактика признания террора и партизанской войны применительно к 1906 и 1907 г. была ошибочной. Революция постепенно отступала, и в этих условиях продолжение вооруженных форм

¹ Луначарский А. Человек нового мира. Издательство АПН. М., 1976. С. 72.

революционной борьбы приводило к усилению правительственных репрессий. В статье «Итоги и перспективы крестьянского движения» В. Веселовский писал: «Погромное движение, принявшее в настоящее время в деревне такие широкие размеры, коренится во всем строе крестьянской жизни. В стихийно-разрушительной силе аграрных волнений крестьянство подвело итог долго накоплявшемуся недовольству против пережитков крепостнической кабалы... И чем сильнее был гнет полукрепостнической кабалы..., тем более бурно должен был сказаться протест против этой кабалы... Неудивительно также, что протест этот выразился главным образом в разгроме и поджоге владельческих усадеб. Тщательно охраняемое от участия в политической и даже просто культурной жизни страны крестьянство должно было, конечно, обратиться к исконным, «самобытным» формам борьбы, т.е. прибегнуть к поджогам и разгромам помещичьих усадеб»¹. Репрессивные действия правительства России вызывали ответные действия революционеров. «Погромы 1906 года имеют одно существенное отличие от погромов 1905 года, – писал В. Веселовский, – это именно большее озлобление, с которым они совершаются в настоящее время. Уроки 1905 года так же, как и прежние, прошли для правительства бесследно. Оно ничему не научилось и ничего не позабыло. В усилении репрессий оно по-прежнему продолжало видеть спасительное средство»². А это вело к усилению ответной борьбы. Сопrotивление властям с каждым днем приобретало все более упорный характер. Публицист подчеркивает стихийный характер крестьянского движения. В нынешний бурный период развития крестьянских восстаний отсутствует сила, которая могла бы хотя бы идейно подчинить себе общий поток крестьянского движения. Основную причину крестьянских восстаний В. Веселовский видел в отсутствии в стране политических свобод, ибо в связи с этим возникали трудности воздействия на массы со стороны прогрессивных политических партий, благодаря этому в стране «страшно сгущалась атмосфера» благоприятная для стихийных крестьянских восстаний.

Меньшевистский публицист Л. Клейнборт в «Хронике русской жизни», опубликованной в этом же журнале, два года спустя давал критику правительственного террора, черносотенных погромов и также приходил к выводу о том, что нецивилизованная политика правительства по отношению к восстающему на-

¹ Веселовский В. Итоги и перспективы крестьянского движения // Образование. 1906. № 7. С. 2.

² Там же. С. 5.

роду и, в частности, крестьянству приводила со стороны последнего к ответным мерам в крайних формах. «Мы уже видели, – писал Л. Клейнборт, – при каких условиях элемент стихийности в русской революции принял небывалые размеры. Общественные организации либо разгромлены, либо ушли в подполье с его раскаленной атмосферой... Кто-то совершенно верно указал, – продолжал Л. Клейнборт, – что не случайно так называемые думские дни были в то же время днями, в которые было совершенно наименьшее количество террористических актов и грабежей. Было даже, как известно, сделано заявление о прекращении террора. Этот факт чрезвычайно характерен. Он показывает, как, в сущности, сама бюрократия толкает революционный народ от культурных форм борьбы к некультурным, от организации к стихии»¹.

«Как форма революционной борьбы, – указывал Александр Яблоновский, – террор всегда и неизбежно развращает слабых людей, и, идя по линии наименьшего сопротивления, вербует целые полчища наглецов, предателей, трусов, шпионов и всякой, с позволения сказать, человеческой нечисти»². Все это врываясь «целым ураганом страстей» в народную психику, «калечит, разрушает, уродует, развивает звериную злобу». Отметив развращающее влияние террора на неподготовленные к революции в теоретическом отношении народные массы, Л. Клейнборт большое значение придавал освещению вопроса о том, кто развязал террор. Для нас это принципиально важно при исследования истоков лбовского террора.

«Ни у кого из сколько-нибудь близких к революционному течению наблюдателей, – писал Клейнборт, – не было и тени сомнения в том, что гражданскую войну развязала, вызвала ответный красный террор царская власть, реакционные силы».

В «Хронике русской жизни» Л. Клейнборт писал: «Террор правительственный провоцирует террор революционный. Не проходит дня, чтобы на действия огнестрельным оружием против демонстрантов, на организованные погромы культурных слоев населения, на все неслыханные зверства, устраиваемые по распоряжению властей в России, не последовали ответные удары. Это та же война, которая вообще идет в стране. Смертная казнь настигает всех – от ответственных должностных лиц до безответственных, лишь спешащих выслужиться у начальства ретивым образом действий»³.

¹ Клейнборт Л. Хроника русской жизни // Образование. 1908. № 8. С. 118.

² Яблоновский А. Родные картины // Образование. 1906. № 3. С. 122.

³ Клейнборт Л. Хроника русской жизни // Образование. 1906. № 2. С. 40.

Л. Клейнборт полемизировал с П.Б. Струве, который в «Полярной Звезде» пытался оправдать правительственный террор «бесчинствами» революционеров. «Мы разождемся с почтенным «демократом», — подчеркивал Л. Клейнборт, — в одном отношении: он склонен думать, что «бесчинства» революции вызвали бесчинства реакции, между тем как мы убеждены, что бесчинства реакции явились бы и без всяких вооруженных восстаний»¹. Фактически так оно и было. Бесчинства реакции начались до вооруженного восстания. Они начались 18 октября 1905 года в виде целой войны черносотенных погромов, поддержанных властями. Меншевицкий публицист против террора видел одно средство, одну надежду — Государственную Думу.

«Реакция не может не видеть, — отмечал он, — что не одна она со стремительностью грозовой тучи идет к неизбежному страшному столкновению, что и народные силы, организуясь в ту самооборону, к которой вынуждает страну правительство (слепому очевидно, что сейчас открывает выступление не народ, а правительство), все более крепнут и крепнут около Думы»².

Александр Яблоновский, рисуя правительственный террор, сравнивал его с тем, что в глубокой древности творилось на арене Колизея. «Все описанные факты кровавой расправы, — писал он, — конечно, таковы, что их не потерпели бы даже в Римском Колизее, где лилась кровь, и летели клочья человеческого тела, но где все-таки не было личной мести, не было подлости и истязаний»³.

А. Яблоновский подчеркивает интересную мысль, которая заключается в том, что государственная власть ограничена законом, в котором в концентрированной форме выражается справедливость. Поэтому карательным органам государства нельзя нарушать законы, в противном случае исчезает всякое различие между государством и «притоном разбойников»⁴. Мысль, заложенная здесь публицистом, заключается в том, что правительственные органы правопорядка должны придерживаться строго буквы закона, не позволять никакого субъективизма и быть в этом отношении выше революционного народа, представители которого идут на прямое нарушение законов, в частности, применяя насильственные методы борьбы.

¹ Клейнборт Л. Хроника русской жизни // Образование. 1906. № 2. С. 44.

² Клейнборт Л. Хроника русской жизни // Образование. 1906. № 6. С. 58.

³ Яблоновский А. Указ. соч. // Образование. 1906. № 2. С. 70.

⁴ Там же. С. 71.

Подчеркивая ответственность правящих кругов в России за развязанный ими террор против революционного народа, Л. Клейнборт все-таки перегибал палку в том смысле, что не только осуждал его за террор, но и своими описаниями только его жестокостей объективно способствовал усилению ответных террористических мер со стороны революционеров. Александр Яблоновский об этом писал так: «Целых шесть месяцев газеты рисуют одну и ту же картину: беспощадные казни, массовые расстрелы, безумные убийства, ссылки, аресты, телесные наказания. Утром прочитаешь газету и кажется, что ты выпил полный стакан липкого, черного, густого яда, и что этот яд, как раскаленный металл, насквозь прожигает тебе душу и наполняет все твоё существо таким безысходным негодованием, что начинаешь бояться за свой рассудок». Это писал человек, который утром в своей квартире спокойно пил кофе, читал газеты, а что же переживали те, – вопрошал журналист, – на кого непосредственно обрушивался этот террор? Это попытка форсировать классовую ненависть и ту самую гражданскую войну, против которой он на словах выступает.

Не только марксистский, меньшевистского направления журнал «Образование» выступал против правительственного террора и сурово осуждал его, в таком духе выступала вся либеральная русская пресса. Орган либеральных народников «Русское богатство» в статье «Статистика арестованных» писал о том, что в стране идет уже не борьба, а война: «Идет война самого народа, еще не успевшему выяснить самому себе целей войны, уясняющего эти цели только во время военного действия»¹.

А меньшевистский публицист Л. Клейнборт в январе 1907 года писал о том, что «ни старая власть, ни революционный народ в том положении, которое создалось и для власти и для народа, не в состоянии отказаться от вооруженной борьбы... как бы это не было грустно с партийно-тактической точки зрения»².

Правоверный меньшевик, считавший вслед за Плехановым, что в декабре 1905 года рабочим не надо было браться за оружие, через год должен был констатировать историческую неизбежность красного террора. Он писал: «Я признаю объективную неизбежность» красного террора и «отказаться от него – значит сплошь и рядом отказаться от всякой борьбы». Л. Клейнборт

¹ Клейнборт Л. Белый террор и партизанские выступления // Образование. 1907. № 1. С. 162.

² Там же.

подчеркивает различие между народовольческим индивидуальным террором, который осуществляли одиночки-интеллигенты и современным террором, который является стихийным, массовым, и который осуществляют «рабочие и крестьяне». Это – массовый террор, это – гражданская война, в которой принял участие А.М. Лбов и его отряд «лесные братья»¹. Жестокость борьбы на закате революции была обусловлена отсутствием массового движения. Она вызывала ответные жестокие меры правительства, военно-полевые суды и т.п., на что правовые органы государства не имели права.

В это время в мае 1907 года в Лондоне на V съезде РСДРП решался вопрос о боевых организациях партии, об экспроприациях, т.е. о том, чем занималось лбовское движение в Прикамье. По этому вопросу также отчетливо проявилось две позиции, разделявшие делегатов съезда по всем вопросам повестки дня.

А.М. Горький, в тот период времени сочувствовавший большевикам, дал описание речи Ю.О. Мартова, из которой вытекала уязвимость и, в конечном счете, обреченность мягких, интеллигентных форм решения данного вопроса. Мартов в описании Горького говорил по-юношески пламенно. Казалось, что он особенно глубоко чувствует драму раскола, боль противоречий. Он весь содрогался, качался, судорожно растягивал воротник крахмальной рубашки, размахивал руками. Обшлага высказывали из рукавов пиджака, закрывали ему кисти рук. Он высоко поднимал руку и тряс ею, чтобы водрузить обшлаг на его законное место. «Мне казалось, – замечает А.М. Горький, – что Мартов не доказывает, а упраскивает, умоляет: раскол необходимо изжить, партия слишком слаба для того, чтобы разбиваться на две, рабочий прежде всего нуждается в свободах, надобно поддерживать Думу». Иногда его нервная речь звучала почти истерически, обилие слов делало ее непонятной, а сам оратор вызывал впечатление тяжелое. В конце речи и как будто вне связи с ее «боевым» тоном он все также пламенно стал кричать, выступая против боевых дружин и вообще работы, направленной на подготовку вооруженного восстания.

После его речи рабочие, в помещении перед залом заседания, урюмо беседовали:

– Вот вам и Мартов! А – «искрист» был!

– Линяют товарищи интеллигенты.

Перед нами две позиции по отношению к боевым дружинам и экспроприаторству, нарисованные рукой крупного художника.

¹ Клейнборт Л. Белый террор и партизанские выступления // Образование. 1907. № 1. С. 179, 181.

С позиций большевика содержание речи Ю.О. Мартова – это нечто чуждое, ненужное рабочему классу, который отвергает меньшевистскую позицию, и потому пролетарский писатель окарикатуривает выступление ее идеолога. Съезд РСДРП в отношении экспроприаций принял специальную резолюцию, в которой подчеркивалось, что, поскольку в настоящий момент у российской революции еще нет достаточных условий для победоносного всенародного восстания, при отсутствии условий для массового революционного взрыва партизанские выступления «не желательны», и съезд рекомендует «идейную борьбу с ними». «Все партизанские выступления, – отмечалось в резолюции V съезда РСДРП, – допустимы при условиях массовой революционной борьбы и могут быть совершаемы лишь по инициативе местных партийных комитетов с разрешения областных центров и под их строжайшим контролем»¹. Если на V съезде РСДРП указывались условия партизанских выступлений: 1) наличие массового революционного взрыва в стране и 2) подчеркивались формы контроля за ними со стороны областных комитетов РСДРП, то в резолюции IV Объединительного съезда РСДРП указывался состав тех социальных сил, которые принимали в них непосредственное участие, а именно: деклассированные элементы общества, уголовные преступники и подонки городского населения, которые всегда пользовались революционными волнениями для своих антисоциальных целей. Поэтому революционному народу приходилось принимать суровые меры против вахханалии воровства и разбоя.

В резолюции съезда содержалось предложение бороться против выступления отдельных лиц или групп с целью личной наживы под именем или под девизом социал-демократической партии. Однако в явном противоречии с этим, в конце резолюции предлагалось оружие и боевые снаряды конфисковывать при всех представляющихся возможностях². Это явно большевистская поправка, своим радикализмом находящаяся в резком противоречии с основным текстом резолюции. И если меньшевики имели на IV съезде большинство, то они и дали объективную характеристику тех социальных сил, которые принимали участие в революции в форме партизанского движения. Своим радикализмом меньшевистская резолюция направлена против лбовского движения.

¹ Пятый (Лондонский) съезд РСДРП. Протоколы. М., 1963. С. 638.

² Четвертый (Объединительный) Съезд РСДРП. Протоколы. М., 1959. С. 567. Резолюция съезда «О партизанских действиях».

Лбов и его дружина не были исключительным явлением в России 1906-1907 г. По всей стране в эти годы шла партизанская война, которую вели как партийные большевистские и эсеровские, так и внепартийные дружины и группы.

Большевик В. Соколов, сидевший в 1906-1907 г. в Бутырской тюрьме и имевший возможность получать газеты, производил «на досуге» подсчеты потерь революционных сил и правительства в той фактически гражданской войне, которая полыхала тогда в России. Они были сведены вместе в статье, которую удалось опубликовать в газете «Столичное утро» 7 сентября 1907 года. Эти данные охватывают период за 28 месяцев с февраля 1905 года и по июнь 1907 года. За это время было убито:

- министров, генералов и губернаторов – 87,
- офицеров, казаков, чиновников, судей – 2 029,
- полиции, жандармов, тюремщиков, шпионов – 1 907,
- помещиков, фабрикантов, купцов, арендаторов и попов – 1 493.

Всего было убито 5 516 представителей правительства, ранено разных представителей власти – 2 687 человек.

Общая сумма жертв со стороны власти – 8 263 человека.

В. Соколов привел эти цифры в заметке, озаглавленной им «Тюремные мысли о тюремных цифрах», которую он написал в конце 1907 года, а опубликовал значительно позднее, в 1933 году, в третьем сборнике «Старый большевик». Тогда, в конце 1907 года, он был настроен оптимистично. Он писал: «В течение двух с половиной лет кровавая война правительства с революцией унесла жертв:

	со стороны революции	со стороны правительства
в среднем в месяц	1772 – 86 %	293 – 14 %
а в сентябре 1907 г.	290 – 30 %	674 – 70 %

И он делал вывод: «Правительство устает, массы проникаются озлоблением, озлобление выливается в террор». Эти данные приводил Б.Н. Назаровский в подготовительных материалах в монографии о Лбове, которую он намеревался писать¹. Исторически оптимизм В. Соколова оказался несостоятельным. В течение 1908-1909 г. террористические дружины разных направлений и разной партийной принадлежности были разгромлены правительством, и террор резко пошел на убыль.

¹ ГОПАПО, ф. 25. Оп. 1, ед. хр. 87, л. 28-29.

От приговоров военной и гражданской юстиции пострадало за 5 лет (1905-1910 г.) 37 620 человек. За пять лет – с 17 октября 1905 года по то же число 1910 года судами России было вынесено 6 992 смертных приговора, тогда как за предшествующие 80 лет с 1826 по 1905 г. – 1 008 смертных приговоров. По официальным данным Министерства внутренних дел России к 1 января 1908 года в Сибирь было выслано 74 275 человек, не считая высланных в северные губернии европейской части России. Таковы были масштабы правительственного террора¹.

В 1906 – 1907 г. революционное партизанское движение было особенно широко развито в Прибалтийском крае, в царстве Польском, в юго-западных губерниях России, на Кавказе. Особенно широкие масштабы приняло партизанское движение «Лесные братья» в Прибалтике. О его масштабах некоторое представление дает количество жертв только в Латвии. Карательные отряды без суда и следствия расстреляли или повесили 1 200 человек. Тысячи причастных к движению «лесных братьев» были арестованы. Тюреммы Латвии оказались переполненными. В них оказалось в 3-4 раза больше заключенных, чем обычно. В 1906 году в тюрьмах Латвии содержалось 2 500 революционеров. Около 2 000 арестованных были убиты, якобы «при попытке к бегству». За период революции 1905-1907 г. в Латвии военно-полевыми судами было осуждено 1 308 революционеров, из них 595 было казнено, сослано на каторгу и поселения или заключено в тюрьмы 713 человек. В административном порядке было выселено из Латвии – 2 471 человек. Конечно, масштабы лбовского движения были не столь значительны. И оно испытало определенное влияние питерских боевиков, которые на начальном этапе активизировали его.

¹ Иохане Н.А. Руководство социал-демократией латышского края партизанским движением в революции 1905-1906 гг. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Рига, 1963. С. 8.

Глава I. Историография и источники

Лбовское движение на страницах современной ему печати

Изумительное по своим художественным и психологическим достоинствам описание экспроприации крупной суммы казенных денег на пароходе «Анна Степановна» было дано в рассказе писателя Б.П. Никонова «Гражданское мужество», опубликованном в июльском номере литературного и научно-популярного приложения к журналу «Нива» за 1908 г. Достоинством данного рассказа является то, что в нем с большой художественной силой и выразительностью высвечено отношение представителей разных социальных групп российского общества к процессу экспроприации на примере экспроприации казенных денег на пароходе «Анна Степановна».

Общественно-политическое звучание данного рассказа заключается в том, что он познакомил широкие круги российского общества с данным событием. Дело в том, что бесплатное приложение к «Ниве», выходившее в 1894-1916 годах, было распространено также как «Нива» миллионными тиражами, так что о случившемся происшествии на пароходе «Анна Степановна» стало известно широким слоям российской читающей публики. И это накладывает на нас обязанность социологического анализа данного факта общественной жизни России периода первой русской революции 1905-1907 г.

Описание бесед, диалогов и споров публики, едущей первым классом, дается автором на фоне величественной уральской природы. «Огромный почтовый пароход на всех парах несся вниз по реке Каме», — писал Б.П. Никонов.

«Темнело. Высокие гористые берега с зелеными шапками лесов и желтыми пятнами пашен потускнели и приобрели какой-то особый, загадочный вид в надвигавшихся сумерках. И горы, и речные дали словно накинули на себя синеватую вуаль и в ее дымке то здесь, то там замелькали огоньки». На фоне этого величавого спокойствия засыпающей природы на верхней палубе «Анны Степановны» собралось общество — человек 15-20. Среди них было несколько купцов с женами и детьми, молодой заезжий адвокат, немецкий офицер в штатском платье, старик, — профессор геологии с молоденькой дочкой-барышней, и молодой горный инженер.

Все интеллигенты заняты своими делами: немецкий офицер не вмешивался в разговор: он с серьезным видом курил сигары и пил белое вино со льдом. Адвокат сидел за отдельным столи-

ком, разложив бумаги, и что-то торопливо писал, не обращая внимания на своих соседей. Профессор, горный инженер и профессорская дочка сидели за отдельным столиком и громко, оживленно беседовали между собой. В их беседе принимал участие один из купцов – видный, красивый старик с широкой белой бородой, густыми «соболиными бровями» и волнистой полуседой шевелюрой на голове.

Горный инженер, красивый и импозантный мужчина с светлыми глазами навывате, рассказывал о своем путешествии по Уралу. Рассказывал он «очень красно». Цитируя стихи и литературные изречения, он заметно кокетничал и рисовался перед профессорской дочкой.

– Что же, тихо теперь там? – спросил его геолог.

– Представьте, абсолютная тишина! Я выехал из Петербурга в самый разгар всяких толков и криков о разгоне Думы и всяких экспроприаций... – Он рассказывает, как на его глазах ограбили почтовое отделение. Основное, что особенно травмировало его психику, он решил поведать слушавшей его публике, и это было выражено им в следующих словах: «В жизни моей я не видывал подобного ужаса... Выстрелы, кровь, стоны...» Определенная часть российской интеллигенции, выразителем мировоззрения которой в салоне первого класса на пароходе «Анна Степановна» явился горный инженер, не принимала насилия, поэтому, выехав из Петербурга, он рад той «вековой тишине», которая установилась «во глубине России», где говорят «про скотный двор», где как будто и не бывало никакого освободительного движения...

Профессор возражает ему:

– Устали... Апатия, реакция... Что ж вы хотите?

В разговор вступает купец – представитель деловых кругов страны, который выражает их отношение по поводу событий первой русской революции.

Он прямо опровергает мнение горного инженера о тишине в «глубине» России.

Ну, не очень-то у нас тихо! – заметил купец, – вы меня извините, что я вас перебиваю, но только тишина-то эта для кого как... Проезжающий, пожалуй, и не заметит, а нам (купцам – В.С.) это виднее. Намедни у меня под носом в соседнюю лавку явились какие-то... Наставили маузеры: – подавай деньги! – а лавочник человек смирный: об оружии и понятия не имеет... Что ж ему делать? Выдал господам маузерам кассу. Только не погубите! А те и кассу забрали, и его порешили! Вот она, тишина-то у нас! Живем с оглядкой! После этого экспроприаторы благополучно скрылись. Они следов «не оставляют».

2042043

17
Пермская областная
БИБЛИОТЕКА
им. А.М. Горького

Инженер возражает, — он целый месяц ездил по заводам и ничего не видел и не слышал...

Так, конечно, могло быть и являлось свидетельством значительного спада революционного движения к лету 1907 года, когда происходил описываемый разговор. (Экспроприация на «Анне Степановне» была произведена в ночь со 2 на 3 июля 1907 года.)

Дочка профессора геологии, прелестная барышня, воспитанная на рыцарских романах с их высокоразвитым чувством чести и достоинства, вступает в разговор и с возмущением говорит о том, что неужели, если явятся экспроприаторы и потребуют деньги — неужели их нужно опять-таки давать... Ведь это же позор — поднимать перед ними руки и не постоять за себя!.. В уста этой барышни писатель вкладывает взгляды той части интеллигенции русского общества, которая была за оказание сопротивления многочисленным экспроприациям, олицетворяя их с актами простого разбоя, которые достигали поставленных перед экспроприаторами целей благодаря недостатку или отсутствию мужества среди подавляющей части российского общества.

С нею соглашается горный инженер.

— Конечно, конечно! Оттого-то все эти экспроприаторы так и изнахальничались, что не нарываюся на надлежащий отпор! — воскликнул инженер. — Я сам удивляюсь, как мало у нас гражданского мужества. Ведь тут сплошь и рядом, все дело только в том, чтобы выдержать только первый момент. Вам кричат — руки вверх! — А вы в ответ: нет, вы руки вверх — и выхватываете револьвер.

Инженер уверен, что в случае такого отпора в девяносто девяти случаях из ста господа маузеры дают стрелкача, потому что «самому» попасть под дуло револьвера «отнюдь не весело». В числе причин, почему у нас такое не происходит, инженер называет две причины: 1) не все обладают правом на ношение оружия и 2) не имеют гражданского мужества. Обе эти причины являются несостоятельными. Революционеры также в своем подавляющем большинстве не имели права на ношение оружия. Они приобретали его нелегально. Официально разрешенное право на ношение оружия было бы использовано в своих интересах прежде всего ими, поскольку большинству крестьянства, части рабочего класса и интеллигенции, не принимающей участия в революционном движении, оно было не нужно.

А что касается гражданского мужества, то во время событий на «Анне Степановне», происходивших в ночь со 2 на 3 июля, горный инженер продемонстрировал его полное отсутствие.

Профессор-геолог по этому поводу заметил, что тут требуется «скорее военное мужество, чем гражданское».

На это купец, выразитель интересов российской буржуазии, заметил, что у нас «гражданское мужество строжайше запрещено на основании положения «об усиленной охране...». В данном случае купец выражал взгляды той части российской буржуазии, которая была против стеснения ее политической свободы со стороны царизма, одной из форм выражения которой было положение «об усиленной охране».

Дочка профессора геолога спрашивает красивого инженера: «Неужели вы подняли бы руки вверх?..»

— Надеюсь, что нет! — скромно ответил инженер.

— Стали бы защищать «священное право собственности», — улыбаясь, заметил геолог.

Горный инженер пояснил, что он стал бы это делать «не ради самой собственности», а ради того, чтобы не чувствовать себя бессильным и бесправным. Ему невыносимо тяжела мысль о том, чтобы над ним насильничали, хозяйничали, принуждали. Он всегда носит с собой оружие, и его трудно заставить врасплох.

Купец иронизирует над говорившими:

— Да ведь они, одно слово, герои! — Они, пожалуй, маузеров и не испугаются... Где уж нам маузерами сражаться! Смириться надо!

— Не все же так смотрят на это! — уронила небрежно барышня.

— А как на это смотрят в Германии? — обратился геолог к немцу.

Подумав, немец ответил, что у них в стране уважают священное право частной собственности, и если кто выступает против нее, то «тому капут». Он утверждал, что в Германии экспроприаций нет, они имеют место только в России, потому что в Германии порядок. «В России порядка нет, и поэтому здесь за шиворот возьмут и что хотят, сделают, и ничего не поделать, — сказал немец, — потому что они — сила».

Во время очередной остановки парохода инженер с барышней стояли рядом, облокотившись о перила. Он говорил ей о своей любви и о том, как он счастлив, что вскоре женится на ней... Он встречал с ее стороны взаимопонимание. Она с восторгом глядела на него, не спуская глаз. Он был для нее теперь все: рыцарь, умница, красавец, герой... — человек, лучше и милее которого нет никого на свете. Через некоторое время на пароходе послышались выстрелы, глухие взрывы, шум, крики, связанные с экспроприацией.

Опуская подробности действия экспроприаторов, сконцентрируем внимание на описании Б.П. Никоновым поведения пассажиров первого класса. Он писал, что хотя экспроприаторов здесь не было, тем не менее, пассажиры, полуодетые, растрепанные, метались с криками и плачем по коридору. Какая-то женщина лежала на диване в обмороке, и никто не обращал на нее внимания. Другая женщина в белой короткой юбке и с распущенными волосами, стоя на коленях, громко рыдала и молилась. Геолог-профессор, полуодетый, наливал дрожащими руками воду из графина и жадно пил ее, а его дочь, бледная как полотно, с блуждающими глазами, стояла молча, забившись в угол, и, по-видимому, не вполне понимала, что такое происходит вокруг нее?

А старик-купец в одном белье, массивный и грузный, как белая статуя, стал у дверей каюты, где помещался немецкий офицер, и громко вопил: «Карл Иванович! Хоть вы помогите... Выходите... Выходите... Христа ради!» Однако немецкий офицер, осведомившись из-за двери, — кто такое? — от волнения он перепутал слова «кто» и «что», — затих, дверь не открыл и «не подавал ни звука». Он решил не принимать участия в развернувшихся на пароходе событиях.

Адвокат решил защищаться. С бьющимся сердцем, чувствуя, что у него слабеют ноги, прошел он в общую каюту к своей койке, и стал доставать револьвер.

— Не поддамся, — мелькнуло у него в голове. Но страх, животный, физический страх, все-таки заливал все его существо какою-то холодной, зеленой волной, словно утопающего пловца. Сердце билось четкими, громкими ударами; в глазах ходили волны тумана, и сквозь этот туман он не сразу различил бледное, осунувшееся, перекошенное лицо горного инженера...

Румяное полное лицо его как-то сразу похудело и спалось. Усы беспорядочно торчали вверх, книзу, в разные стороны. И без того круглые глаза его теперь совсем вылезали из орбит. Он сидел в углу каюты, охватив колени руками, и буквально трясся.

Не попадая зуб на зуб и заикаясь, он лепетал: «Вы хотите защищаться!.. Да ведь это безумие. Я не понимаю, как можно... Когда сила на их стороне...» Адвокат сунул револьвер в карман и повернулся в выходу.

«Послушайте, — вдруг закричал инженер, соскакивая с койки. — Это невозможно! Вы погубите всех нас! Оставьте ваш револьвер!.. Борьба немыслима».

Он кинулся за адвокатом в коридор, но там ему дорогу загородил купец, который в ярости завопил, что он везет с собой 20 тыс. рублей и ни за что не отдаст их экспроприаторам, он им глаза «повыцарапает», он их «живыми проглотит», коли другие не помогут, он сам их дернет!

– Вы с ума сошли! – закричал инженер и на него. – Вы только нас погубите...

И он уже бежал к рубке, громко крича: «Господа, не сопротивляйтесь!.. Не делайте глупостей!..»

Адвокат стоял у дверей рубки и с недоумением созерцал всю эту необыкновенную картину и всех этих людей, метавшихся в ужасе пред неведомыми и все еще не появлявшимися здесь разбойниками. Внезапный ужас исковеркал и раскидал их в разные стороны, словно разорвавшаяся бомба, и каким-то чудом радикально изменил их убеждения, намерения, поведение.

Собственный страх стал у него теперь проходить. При виде безумной трусости инженера ему сделалось стыдно за свою трусость, и он уже спокойнее оценивал положение и даже успокаивал других. Он попытался поднять пассажирку-старуху, которая, сидя на полу с растрепанными волосами, хрипло и дико всхлипывала. Он убеждал ее: «Никто вас не убьет. Ступайте и лягте в постель! В каюте безопаснее!» Он поднял ее, а барышня, дочь геолога, быстро подошла и, взяв ее под руки, повела в каюту, предложив адвокату остаться на месте. Он одобрил ее поведение: «Вы не трусите! Вот и отлично! Нельзя же так терять голову!» В это время к ним подбежал инженер и предложил им дать сколько-нибудь денег для того, чтобы умиротворить экспроприаторов. Он уже собирал их в свою фуражку.

Дочь профессора-геолога недоумевающее взглянула на него и отшатнулась, словно не узнавая в этом обезумевшем и растрепанном человеке своего блестящего жениха. Вызывает омерзение дальнейшая сцена патологического страха горного инженера. Старик-купец с другого конца рубки продолжал кричать проклятия по адресу экспроприаторов тогда, когда они вошли в нее: они были восприняты ими как показатель его сумасшествия. Предупредив пассажиров не двигаться с места в течение четверти часа, бандиты сели на спущенную на воду шлюпку и отплыли к берегу. После этого инженер привел в порядок свою физиономию и стал предлагать к возврату пассажирам пять рублей, которые ему кто-то дал в порядке сбора, гарантирующего пассажиров от реквизиции со стороны экспроприаторов. Адвоката взбесил этот самодовольный тон горного инженера. И он сказал ему, что он опаснее разбойников. «Те пришли, понюхали и ушли прочь, а вы экспроприировали у пассажиров деньги и чуть было не убили меня». Инженер ответил: «В таких случаях трудно быть сдержанным». Тогда адвокат со всей силой сдерживаемого негодования сказал ему, что он не понимает одного, «как это вы не догадались предложить разбойникам такую и вашу невесту и всех здешних жен и детей». Инженер занял позу оскорбленного человека:

– Вы оскорбили меня и ее! И если вы не возьмете сию же минуту своих слов обратно, то я...

Адвокат холодно прервал его:

– Слов своих обратно я не возьму. А что касается вашей невесты, то не я оскорбил ее, а вы... Вашим гражданским мужеством.

Инженер оборачивается и ищет глазами свою невесту, чтобы встретить ее взгляд и прочесть в нем одобрение и восхищение его рыцарским поступком в защиту ее чести. Она стояла поодаль в сторонке и бледная, с блестящими глазами, наблюдала за ним. Он встретил ее взгляд и прочел в нем не восхищение, а ненависть.

«Вы можете оставить меня в покое! – резко отчеканила она, не обращая внимания на посторонних присутствующих. – Он говорит правду: вы были готовы отдать и меня вместе с теми деньгами, которые вы требовали у меня для них... Вы трус, трус, трус!» В этом троекратно повторенном рефрене заключается большое содержание.

Во-первых, русская техническая интеллигенция (в рассказе – горный инженер) в большинстве своем не выступала против революционеров-экспроприаторов, вела себя трусливо и двурушнически, за текстом рассказа остались многочисленные случаи подготовки разрывных снарядов, бомб, изготовление динамита, содействие рабочим в устройстве динамитных мастерских. Во-вторых, часть технической интеллигенции, особенно студенческая молодежь, пополняла ряды экспроприаторов, бомбометателей, террористов. Конечно, фигура горного инженера в рассказе Б.П. Никонова – художественный образ, и он не может отвечать за все поступки представителей данного социального слоя. Однако это вместе с тем и художественный тип, это обобщение, и в качестве такового писатель запечатлел и отразил определенные позиции данной общественной группы.

Наиболее последовательно противостояла экспроприаторам российская буржуазия, выведенная в рассказе Б.П. Никонова в образе старика-купца. Данный социальный слой был против революционного движения в России, против вооруженных восстаний, грабежей и экспроприаций. Российская буржуазия не хотела расставаться с нажитыми капиталами, однако делала она это не всегда, с точки зрения писателя, наиболее рациональным образом, отсюда и бессмысленные крики купца при появлении экспроприаторов в каюте первого класса.

Наиболее последовательную позицию в отношении к экспроприаторам в рассказе Б.П. Никонова занимал адвокат. Он даже намеревался применить против них оружие, но передумал.

Адвокат оказывает помощь старухе, он ободряет дочь профессора, осуждает трусливое поведение горного инженера. Несомненно, значительная часть интеллигенции, служившая в государственных органах царской России, добросовестно стояла на службе режиму и делала все от нее зависящее для защиты его интересов. Однако с точки зрения писателя, она делала это непоследовательно. Взял револьвер, но не пустил оружие в действие и тем самым дал возможность экспроприаторам творить зло.

Невеста горного инженера в социальной иерархии России того времени в никоновском рассказе занимает общественную позицию своего отца – профессора-геолога. Ученые России в период революции 1905-1907 г. занимали по отношению к революционному движению взвешенную и двойственную позицию. С одной стороны, ученые нравственно осуждали крайности революционных методов борьбы, в том числе различного рода «эксы», с другой, – принадлежа политически в основном к либеральной партии кадетов, они отдавали приоритет рациональным способам борьбы – это, прежде всего, избирательные урны и бюллетени. Экспроприациям, считали они, должно быть противопоставлено гражданское мужество, в недостатке которого в обществе Б.П. Никонов видел одну из причин широкого развертывания различного рода насильственных действий. Рассказ Никонova, не называя по имени Лбова и питерских боевиков, совершивших экспроприацию, тем не менее, в яркой художественной форме познакомил широкие слои русской читающей публики с одной из наиболее удачных экспроприаций на закате первой русской революции, и в этом заключается его общественное значение. Об этом же писал в очерках «По Каме», опубликованных в солидном научном журнале «Исторический вестник», Андрей Фирсов. Однако в отличие от Б.П. Никонova, он концентрировал внимание читателей не на пространном диалогах, ведущихся между пассажирами первого класса, а на реальных фактах, связанных с конкретными действиями экспроприаторов.

В этом же смысле необходимо рассматривать статьи И. Ларского в «Современном мире»² и Н. Чердынцева в «Современнике»³.

Статья И. Ларского, опубликованная в «Современном мире», имела не только информационное, но и политическое значение. Она знакомила либеральную общественность России с

¹ Фирсов А. По Каме // Исторический вестник. 1910, кн. XII. С. 1126-1131.

² Ларский И. На родине. Анархизм простонародный // Современный мир. 1908. № 6. С. 128-142.

³ Чердынцев Н. Лбов (Из уральской хроники) // Современник. 1911. № 11. С. 196-220.

крахом лбовщины как одного из направлений «простонародного анархизма». Информирова либеральную общественность России о том, что 22 апреля в Вятке судили «уральского и даже российского героя Александра Лбова», И. Ларский подчеркивает, что подвиги вольницы и ее атамана не столь замечательны, чтобы выделить их из массы однообразных, хотя и более мелких событий».

И. Ларский отмечает тот необычный ореол славы, который окружал пермского экспроприатора, пытаясь связать его с интересами российского простонародья. «Возбуждает вообще, – писал он, – ошеломляющую впечатлительность тот ореол массовых сказаний, легенд, который повсюду сопровождал Лбова, и как к непостижимому фокусу, обращался к нему отовсюду, ото всех слоев населения». Это происходило потому, что «народные массы группировали около имени известного экспроприатора свои мысли, с явным сочувствием следили за его подвигами, и, как свидетельствует действительность, легендарная неуловимость Лбова отчасти связана именно с этим массовым сочувствием»¹. И. Ларский выделяет верхушечный интеллигентский большевистский анархизм и низовой народный, одним из представителей которого он считает Лбова. Распространение «народного анархизма» явилось несомненным результатом «победы реакции», а никак не проникновением анархистских идей «сверху». Время поражения революционного движения дает здесь, в народных массах, особую форму неорганизованной спайки, когда боль каждого представителя народных низов вызывает у всех один и тот же стон, одно и то же потрясение, создавая, таким образом, почву для взаимного сочувствия. Лбов явился «типичным выразителем настроения части уральских рабочих». В рабочем движении на Урале как раньше, так и теперь, элемент стихийности преобладает над сознательностью. В то же время рабочее движение на Урале всегда «выделялось» своими анархистскими тенденциями, для которых тут существовала богатейшая почва. А события последующего времени, поражение революции 1905-1907 г., и особенно «реакционная волна», закрывшая все клапаны для проявления инициативы и самостоятельности рабочих, еще более усилили этот рост анархистских тенденций².

Поэтому ореол, созданный вокруг имени уральского атамана Александра Лбова, был ореолом, созданным из горя и страданий каждого из задавленных жизнью и общественным строем

¹ Ларский И. Указ. соч. С. 128-129.

² Там же. С. 132.

рабочих. Однако дальше пассивного сочувствия, которое иногда переходило в укрывательство «лесных братьев», дальше молчаливого любования своим героем отношение масс «не шло»¹.

И. Ларский считает, что простонародный анархизм «скуден и бесплоден». Политически его трудно «прояснить» и отнести к какой-либо политической партии. С его точки зрения, «простонародный анархизм – это протест разбитых революционных рабочих и в его задачу не входит поднять, привести в порядок потерпевших поражение». Меньшевик И. Ларский констатирует недостаток культурного фундамента и навыков организованной жизни у масс, делая отсюда вывод о том, что успехи простонародного анархизма (Лбовщины) равноценны гибели культивированного, понимая под последним большевизм.

Партия меньшевиков устами своего идеолога Ю.О. Мартова заявила, что «русский терроризм есть одно из следствий доведенного до крайности противоречия между пережившими себя формами политического и правового строя и далеко переросшим его гражданским сознанием населения. Сознание этого противоречия неизбежно вызывает террористические проявления, когда объективные условия или достигнутая теми или иными слоями населения степень сознательности не дают последним возможности организовать планомерное социально-политическое движение». Поэтому «живучесть русского терроризма, – считал Мартов, – в социально-политической отсталости, раздробленности, а поэтому и беспомощности народа»². Лидер меньшевиков очень четко, содержательно и глубоко анализирует условия возрождения террора в революционном движении России и отмечает, что «через 20 лет после 1 марта 1881 года террористическая тактика только «дезорганизует и деморализует» революционное движение рабочего класса России. Задача русской социал-демократии заключается в вовлечении в прямое революционное движение рабочих масс для участия в классовой борьбе пролетариата. Только в ней заключается выход для тех, увлеченных терроризмом элементов, которые способны понять урок краха революционного романтизма»³. Меньшевистская концепция стратегии и тактики революционного движения в России была свободна от той тактической всеядности большевистского субъективизма, который нашел наиболее последовательное выражение в редактируемых Лениным статьях в большевистских газетах «Вперед» и «Пролетарий», в которых лбовское движение характеризуется как политический

¹ Там же.

² Мартов Л. Крах революционного авантюризма // Социал-демократ. 1909. № 2.

³ Там же.

бандитизм «шаек», а с другой стороны, на местном уральском уровне большевики не брезговали принимать в нем участие и на первых порах сотрудничать с лидером «лесных братьев», и только процесс далеко зашедшего разложения лбовщины заставил их публично отмежеваться от данного общественного движения.

Пользуясь фактическим материалом, получаемым им у очевидцев, Н. Чердынцев устанавливает, что Лбов был не революционером, а «просто разбойником»¹.

В этом же духе дана корреспонденция в журнале «Новое слово», который выходил как приложение к либеральной газете «Биржевые ведомости». Корреспонденция написана на основе фактического материала, собранного Н. Чердынцевым, на который автор неоднократно ссылается и прямо указывает на это в тексте статьи. Давая оценку социально-политической направленности движения «Лесных братьев», в корреспонденции отмечается, что поднятая на Урале лбовщина была лишена всякого определенного социального содержания. «Экспроприации и мелкий террор», — вот две основные ее формы. «Эксы» дополнялись поборами, которыми Лбов облагал в пользу своего дела население. В этом смысле террор развивался лишь как форма самозащиты Лбова и его отряда, то есть играл второстепенную роль в деятельности «Лесных братьев». Лбов наполнил два года своей деятельности кровавой эпопеей борьбы за деньги и целостность своего отряда. В этой борьбе, не воодушевленной политической идеей, среди участников его отряда должны были развиться шансы вырождения и деморализации, перехода «к ушкунничеству и бандитизму». Эти слова, выражающие реальную эволюцию в деятельности лбовского отряда, были подчеркнуты в конспекте подготовительных материалов Б.Н. Назаровским, который против них на полях с возмущением написал: «Врет»². Так буржуазная печать оценивала социально-политическую сторону лбовского движения.

Особый интерес представляет освещение деятельности Лбова на страницах третьего тома воспоминаний члена Исполнительного комитета «Народной воли», видного деятеля партии социалистов-революционеров Веры Николаевны Фигнер «После Шлиссельбурга». После двадцатилетнего заключения в Шлиссельбургской крепости, поправив свое здоровье на лучших курортах Европы, В.Н. Фигнер принимала активное участие в пропагандистской деятельности партии эсеров.

¹ Государственный архив общественно-политических движений Пермской области (ГОПАПО), ф. 25, оп. 1, ед. хр. 95, л. 45.

² Там же.

Освещающая деятельность Н.В. Чайковского в период первой русской революции, она писала о том, что он в это время «был в высшей степени увлечен» идеей А.М. Лбова об организации партизанской войны на Урале. «Он требовал, – писала Вера Николаевна, – чтобы ЦК социалистов-революционеров издал манифест от имени партии, который объявил бы партизанскую войну против самодержавного правительства»¹.

К этой идее Н.В. Чайковский пришел благодаря сообщениям с Урала об успехах лбовского движения. Сведения эти страдали рядом неточностей, были значительно преувеличены, на страницах буржуазной прессы Лбов изображался выдающейся, легендарной личностью, неуловимой для ищеек царского правительства. Освещающая деятельность Лбова, В.Н. Фигнер подчеркивала его выдающийся дар оратора: «Он выдвинулся впервые на митинговых страстях» осенью 1905 года. «Человек сильной воли и революционного темперамента, Лбов обладал тем естественным красноречием, которое покоряло слушателей, его выступления были замечены полицией, и когда его должны были арестовать, он ушел в леса»².

Подъем революции в разных уголках России нашел «подражание» у Лбова, питавшего неудержимую, стихийную ненависть к жандармам и чинам полиции. Его «дерзкие» нападения на винные лавки, на почты, на заводские конторы создали ему большую популярность среди местного населения, которое поддерживало его, а эта поддержка сделала его «неуловимым». Рассказы об опасностях, которым он подвергался и с честью невредимым выходил из них, делали его героем. Рабочий «с Мотовилихи», с которым В.Н. Фигнер «случайно» встретила в 1928 году, говорил ей о том, что Лбов отличался «отчаянной» храбростью и был способен биться «до конца», даже если бы против него одного было сто человек солдат. Первоначально Лбов считался человеком идейным, но после первых шагов своего движения он стал называть себя «анархистом» и «крестить» в анархистов тех рабочих, которые «бежали» к нему в лес. Постепенно увлекательная сила его революционного темперамента, ввиду отсутствия идейности, перестала действовать на рабочих, и лбовское движение выродилось в «простых грабителей», а крестьяне и рабочие Мотовилихи, когда их стали сажать в тюрьму «за укрывательство» лбовцев, перестали поддерживать его и «предложили уехать», что он и сделал³.

¹ Фигнер В. Полное собрание сочинений в семи томах. Т. 3. После Шлиссельбурга. М., 1932. С. 213.

² Там же. С. 211.

³ Там же. С. 212.

Эта новая мысль, которая принадлежит Вере Фигнер, в источниках нигде больше не встречается. В основе ее лежит утверждение, что по предложению Азефа и уральского руководства партии эсеров Лбов вынужден был перебраться в Вятку, где сработал механизм тщательно скрытой провокации, и А.М. Лбов был схвачен, судим и казнен. Мы не располагаем сведениями о том, знала ли В.Н. Фигнер о том противоречии, которое существовало по этому вопросу между руководителями партии эсеров, стремившихся сохранить Лбова для дальнейшей террористической борьбы, и свивших в партии свое гнездо провокаторов в лице Азефа. Департамент полиции требовал от Азефа выдачи Лбова, и он это сделал. В.Н. Фигнер, с одной стороны, идеализирует Лбова за его личные качества и за его революционный темперамент, однако она также критикует его за то, что он, сближаясь с эсерами, не был ортодоксальным социалистом-революционером. Последнее тщательно спрятано в глубоко подтексте ее воспоминаний.

В монографии И. Подшивалова «Гражданская война на Урале 1917-1918 (Опыт военно-исторического исследования)», написанной с троцкистских позиций, отмечается, что лбовщина — «типичное явление» революционно-боевых переживаний Урала 1905-1907 г. Уральские заводы, включавшие в себя дикую энергию крестьянского типа («власть земли») и моменты классового осознания и настроений рабочего характера в 1905-1907 г., «были будирующими революционными центрами для всей мещанско-крестьянской массы края»¹. Поэтому крайнее напряжение рабочего экстремизма, крайнее напряжение революционной энергии нашло себе выражение «в дружинном строительстве» и боевой деятельности. И. Подшивалов писал о том, что в конце концов лбовщина, как пугачевщина, возглавляла и объединяла начатки широкого массового боевого подъема; тем же, но в меньшем масштабе была и бузаковщина, развернувшаяся на Южном Урале.

Боевые дружины на Урале в 1905 году организовались при партийных организациях в противовес полиции и черной сотне, начавшей действовать после 17 октября. Поэтому первоначально дружины являлись «чем-то вроде» «красной милиции» со всеми особенностями, которые были последней присущими. В процессе углубления борьбы эта милиция сформировалась в подпольные боевые дружины.

¹ Подшивалов И. Гражданская война на Урале. 1917-1918 (Опыт военно-исторического исследования). Государственное военное издательство. М., 1925. С. 36.

И. Подшивалов подробно описывает структуру боевых, военных дружин, их функции, их распространение по Уралу и, наконец, их практическую деятельность. Он подчеркивал, что в силу общих особенностей уральского революционного движения, она протекала преимущественно в форме экспроприаций и одиночных актов террора. Основу их составили действия эсеровских организаций, к которым А.М. Лбов был близок. Задачи социал-демократических боевых организаций, несмотря на их участие в актах экспроприации, были более широкими, большевики рассматривали их как средство для подготовки и начала нового вооруженного восстания.

Спад революционного движения приводил к тому, что «взаимопредставительство» партийных комитетов и боевых организаций уже в конце 1907 года теряется. А с 1908 года боевые организации фактически являются совершенно самостоятельными и действующими независимо, хотя и находятся в известной взаимосвязи с партийными комитетами. И. Подшивалов подробно информирует читателей своей книги о состоявшемся в июле 1909 года на Южном Урале близ города Златоуста съезде Уральских боевых дружин. На этом съезде было решено официально организовать особую организацию под названием «Уральская Боевая Организация РСДРП», перед которой ставилась цель совершить ряд актов экспроприаций, и затем всем участникам ехать на остров Капри в Италию, где учиться в инструкторской школе, имеющей задачу подготовки офицеров для вооруженного восстания¹.

А.П. Гайдар и его повести об уральских революционерах

С присущим ему большим писательским талантом Аркадий Гайдар в яркой художественной форме выразил свое субъективное отношение к ценности человеческой жизни в форме афористического заглавия повести «Жизнь ни во что». Освобожденное от художественной афористичности, оно означает отсутствие в сравнительном плане всякого иерархического варианта ценности человеческой жизни. В буквальном смысле слова это означает, что жизни лбовцы не придавали никакой ценности, не ставили ее в сравнительную позицию ни с какими другими ценностями земной жизни человека. И это верно как в отношении чужих жизней, так и особенно своей собственной.

¹ Там же. С. 47.

Причем здесь получилась своеобразная накладка мировоззренческого экстремизма А.М. Лбова на тоталитарную систему методологических подходов, характерных для поколения большевиков, делавших Октябрьскую революцию и Гражданскую войну. Последнее нашло отражение в системе изобразительных языковых средств повести, отсюда легкий налет романтичности, искусно наложенный на окружающую человека природу. Она тоже, как общество в определенной мере, сочувствует революционерам. «У Пермских лесов, в зеленом шелесте расцветающих лужаек, над гладкой скатертью хрустящего под ногами снега, под мерный плеск седоватых волн молчаливой гордой Камы, при ярких солнечных бликах зимних дней и при темных тревожных шорохах летних ночей, охваченных кольцом ингушей и казаков, *было все это*»¹.

В действительности природа не сочувствовала лбовцам, а составляла тот фон, богатством которого они умело пользовались. По свидетельству И.С. Тургенева, природа выступает с общечеловеческих позиций. Она равнодушна ко всем своим детям, она обязательно дает что-нибудь полезное каждому из них и одновременно равнодушно губит. Каждый человек для природы ее дитя, а поскольку у нее их много, — она всем им щедро приоткрывает свои богатства, и уже от них самих зависит, как они себя поведут, и как они себя погубят. Такая точка зрения, лишенная узко понимаемого классового эгоизма, как нам представляется, ближе к истине, чем односторонне понимаемая классовая интерпретация.

Уже здесь начинаются элементы субъективной и пристрастной односторонности, которая выражается в том, что природа как бы сочувствует «разбойничьим» акциям Лбова. Причем эти акции, эти действия знаменитого «разбойника», по свидетельству А.П. Гайдара, совершаются не во имя нового счастливого будущего, которого он не знает, как не знает и путей, ведущих к нему, а во имя ненависти к старому, во имя чисто нигилистического отрицания его и во имя чисто патологической ненависти к тем людям, которые стояли на страже интересов существующего в России общественного строя. Гайдар их третирует от имени Лбова «как сторожевых собак самодержавия». Своеобразная форма восхищения Лбовым и его соратниками у Гайдара обусловлена тем самозабвением, с которым он (Лбов) боролся против царизма, не жалея собственной жизни и жизней своих товарищей. В этом Лбов напоминал ему тысячи и миллионы рабочих

¹ Гайдар Аркадий. Лесные братья. Ранние приключенческие повести. М.: Издательство «Правда». 1987. С. 3.

и крестьян, которые шли за Лениным и его партией во имя лучшей жизни, не понимая, к чему это, в конечном счете, приведет.

Однако большевики, и в том числе А.П. Гайдар, отрицали и ненавидели старое во имя новой, пусть и несостоятельной, ложной идеи социализма, а у Лбова не было и этого, и за это Гайдар осуждает его.

Повесть А.П. Гайдара, работавшего тогда в окружной газете «Звезда», лишена документальной основательности из-за недостатка свободного времени. Он и сам знал об этом. Однако и в чисто источниковедческом плане она представляет значительную ценность. Все дело в том, что тогда, когда он писал ее (в 1926 г.) были живы еще многие участники лбовского движения, его очевидцы, которые своими свидетельствами позволили А. Гайдару внести в нее такие факты, подробности, детали, которых мы теперь уже нигде в другом месте не найдем. По свидетельству Л.Л. Соломянской, первой жены А.П. Гайдара, учившейся тогда в Пермской совпартшколе, длинными зимними вечерами они вместе с Гайдаром отправлялись в Мотовилиху за рассказами очевидцев о Лбове. «Хотя Гайдар и ходил в архивы, однако сильнее всего он тянулся «к живым участникам» событий Первой русской революции».

«Отчетливо помню, — вспоминала Л.Л. Соломянская, — наши путешествия по крутым холмам Мотовилихи. Дома на косогорах стояли как попало, вразброс, словно и не взрослыми людьми построенные, а нарисованные детьми — обязательно все разные, покосившиеся в ту или иную сторону. Седые и еще не совсем седые мотовилихинцы рассказывали «про пятый год». Гайдар пытался вывести все, даже самые мелкие подробности. Кто как выглядел, кто что говорил? Если собеседник что-то забыл, он тут же посылал нас к соседу, который и дополнял рассказ. Иногда Гайдара провожали до следующего дома, как бы передавая эстафету из рук в руки»¹. В этом несомненное значение повести Гайдара «Жизнь ни во что» как исторического источника, как произведения, написанного на основании свидетельств живых очевидцев.

Однако повесть Гайдара является художественным произведением, а не историческим исследованием, не научной монографией. Поэтому он вводит в ее фабулу три дополнительные сюжетные линии, которые носят вымышленный характер, хотя существуют данные, известные Гайдару, позволяющие предполагать, что в основе некоторых из них не напрямую, а как в кри-

¹ Никитин Александр. Послесловие. Дорогою поисков. Интервью Соломянской Л.Л. Никитину 1882 года // Гайдар Аркадий. Лесные братья. С. 405.

вом зеркале, в трансформированной форме отразились реальные факты биографии самого Лбова и руководимого им движения.

Первая приключенческая линия – это местная аристократка, дочь руководителя канцелярии губернатора Рита Нейберг и влюбленный в нее хорунжий Астраханкин, командир казачьей сотни. Вторая сюжетная линия – «жидовка» и Лбов. Ей, жене обреченного на смертную казнь революционера, было дано обещание пощады ее мужу, если она сумеет выдать полиции Лбова. Жидовка проникает в отряд Лбова, становится его любовницей и предает его. Лбову удается ускользнуть от полиции благодаря... Рите Нейберг. Третья сюжетная линия – это поведение в разных ситуациях при встрече с лбовцами почтового чиновника, титулярного советника Феофана Никифоровича Небутыкина. Она вводится для того, чтобы показать отношение к Лбову простого народа.

Общность классовых позиций и марксистско-ленинской идеологии, умноженная на десятилетия жизненного опыта, привели коллегу А. Гайдара по работе в редакции окружной газеты «Звезда» Б.Н. Назаровского к критическим выводам как в отношении сюжетной канвы повести Гайдара, так и в отношении ее окончательной судьбы. Возражая против гипертрофированной роли Риты Нейберг, «взбалмошной аристократки», оказавшейся активной натурой в повести, Б.Н. Назаровский писал: «Согласитесь, невелика честь – стать героем взбалмошной аристократки и невелик результат – возбудить у нее ненависть к окружающему, которая реализуется, впрочем, всего лишь в том, что Рита уезжает за границу. К такому печальному итогу привел неопытный автор своего любимого героя. Он взял его изолированно от рабочей массы, увел от сопоставлений, от критики и вот – погубил, уготовил ему разоблачение даже более страшное, чем тот заслуживал»¹.

Однако согласиться с основным выводом Б.Н. Назаровского в отношении повести А. Гайдара не представляется возможным: «Повесть рушилась, можно сказать, изнутри. В ней были заложены противоречия – противоречия между намерением автора безоговорочно восхвалить центрального героя и материалом, который плохо позволял это сделать, противоречия между материалом, на котором строилась повесть, и притянутым со стороны сюжетом»². Без сюжетных линий, открываемых по способу

¹ Гинц С., Назаровский Б. Аркадий Гайдар на Урале. Пермское книжное издательство. 1968. С. 145.

² Там же.

их разрешения социалистической цензурой, против которых, кстати, Б.Н. Назаровский по понятным причинам не протестует, повесть Гайдара превратилась бы в сухое историческое исследование, чего автор не хотел.

В своем месте мы покажем, что Лбов сломался психически от бесконечных облав, от ожиданий очередной схватки с жандармами, казаками и ингушами. Он был уже готов ко всему, и уже не надеялся на то, что ему еще удастся хотя бы в течение года заниматься экспроприациями в этих условиях. Разрядка с другой женщиной, не аристократкой Ритой Нейберг, а подsunутой охранкой, помогла ему продержаться в лесу еще некоторое время в условиях кризиса лбовского движения... а затем... провокация, переезд в Вятку и Нолинск, задержание, суд и казнь.

Повесть А.П. Гайдара «Жизнь ни во что» является талантливо написанным художественным произведением, посвященным данному вопросу. Она по набору своих художественных средств, по способу компоновки исторического материала, по искусству введения в него явных (Лбов и его сподвижники) и неявных действующих персонажей является важной вехой формирования художественного таланта ее автора. Многое здесь дано не прямо, а нарисовано намеками, вытекает неумолимо из самого разворачивания хода действия повести, и Б.Н. Назаровский, пропитанный догматами социалистической этики, ее классовыми атрибутами, не пытаясь выйти за их рамки, не смог их рассмотреть критически, хотя он интуитивно ощущал, что Лбов занимался теми же делами, что и боевые дружины большевиков, только вторые делали это во имя светлого будущего, а первый не видел его и пытался улучшить положение бедняков в настоящем. Эту политическую близорукость своему герою Гайдар не простил. Он нарисовал его в своей повести как яркую, колоритную личность, но не понявшую единственно верное всепобеждающее марксистско-ленинское учение.

Успех повести «Жизнь ни во что», ее обсуждение, а затем издание отдельной книгой, быстро разошедшейся, побудил Гайдара к написанию историко-революционной приключенческой повести «Лесные братья» (Давыдовщина). Впервые повесть была напечатана в свердловской газете «Уральский рабочий» – с 10 мая по 12 июня 1927 года, тогда же повесть печаталась в усьловской газете «Смычка».

Для сбора материала А. Гайдар выезжал в Александровск. Повести было предпослано следующее предисловие А. Гайдара: «Предлагая эту повесть вниманию читателей «Уральского рабочего», автор должен сделать оговорку. Повесть эта написана на исторической канве, и главные дейст-

вующие лица ее – действительно существовавшие люди, все же второстепенные персонажи – вымышлены и введены исключительно с тем, чтобы сделать повесть более занимательной и интересной. А поэтому некоторое расхождение написанного с действительно происходившим не должно смущать товарищей, которым когда-либо приходилось встречаться с «лесными братьями». Саких боевиков – Алексея и Ивана Давыдовых – автор, насколько мог, старался вывести без излишних прикрас по тем материалам и воспоминаниям, которые удалось достать».

К числу фантастических сюжетов повести «Лесные братья» следует отнести «удивительные приключения Али Селяма». Сюжет позволил А. Гайдару оживить повествование о «лесных братьях». Повесть примыкает по своему содержанию, по методам получения и способам обработки фактического материала к повести «Жизнь ни во что». Давыдовы получали от Лбова на первоначальном этапе своего движения помощь оружием и деньгами. Поскольку повесть писалась позднее, чем «Жизнь ни во что», то Гайдар пытался учесть в ней те критические замечания, которые были высказаны при обсуждении первой повести.

Это нашло свое выражение в описании отношения рабочих к деятельности боевиков Давыдовых. Оно показывало историческую бесперспективность данной формы борьбы.

«А в это время Алексей (Давыдов – В.С.) получил последний и самый тяжелый удар, – писал Аркадий Гайдар, – как-то вечером к нему вместе с братом пришли несколько рабочих. Долго говорили они то о том, то о другом; по-видимому, хотели сказать что-то важное, но не решались. Заметив это, Алексей даже рассердился и крикнул:

– Что вы вихляетесь, говорите прямо, что вам нужно.

– Вот что, Алексей Иванович! – сказал старший из них. – Видишь, какое дело! Конечно, знаем мы, что ты за нас, да только измучился народ больно через все это!

– Ни собратыся потолковать про свои дела, ни книжку какую прочесть, ничего! Брось ты это свое дело! Ей богу, брось! Передохни сам малость и дай народу поправиться! Многие тебя об этом просят! Свои же ребята, рабочие, и не в обиду, а просто как товарища! Устали очень, Лексей Иванович, а пользы никакой.

Долго, долго сидел молча Алексей, и горькая улыбка не сходила с его плотно сжатых губ. Потом встал и ответил, но ответил как-то глухо и не глядя никому в глаза:

– Хорошо... Хорошо, пусть будет по-вашему, я уйду!

Затем он, повернувшись, скрылся в чаще и не возвращался оттуда до самого утра.

Когда он вернулся, то глаза его горели сухим лихорадочным блеском.

– Мы уезжаем, – сказал он, – уезжаем отсюда, кто хочет, тот уедет со мной!

– Далеко?

– Далеко, – ответил он, – очень далеко!

– Когда? – спросил лбовец, тот самый, предупредить о котором торопился Штейников. И следующими словами, сам того не зная, Алексей произнес себе смертный приговор:

– Через три дня!...»¹

Провокация сыграла важную роль в разгроме движения братьев Давыдовых и предопределила отход массы рабочих от этого движения.

С.М. Петров в статье «Боевик», опубликованной в «Уральской советской энциклопедии», характеризовал лбовщину как «анархистское», «полубандитское» движение. По своим политическим взглядам группа Лбова примыкала к «марксистам-максималистам». По свидетельству С.М. Петрова, большевистские организации «сторонились» деятельности этой группы, как чуждой идее подготовки масс к вооруженному восстанию, не верившей в массовое революционное движение. Однако «в отдельные моменты», когда этого требовали интересы движения, большевистские комитеты поддерживали со лбовцами «некоторую связь», позволяя «лесным братьям» в отдельных случаях пользоваться «конспиративным партийным аппаратом» и одновременно пытаясь направить их деятельность в русло «массовой революционной борьбы»².

С.М. Петров довольно подробно описывает мероприятия партии, связанные с необходимостью прекращения деятельности боевых дружин. Он пишет о том, что ряд уральских боевых отрядов не подчинились решению V конференции РСДРП и «Общеуральской конференции», состоявшейся летом 1908 года, вынужденной объявить боевые организации партии, не свернувшие свою боевую работу, находящимися «вне партии» и предложила им не называться социал-демократами. Деятельность этих боевых дружин служила нравственной подпиткой лбовского движения. Пермская организация РСДРП с большим запозданием, только в августе 1907 года, дала принципиальную,

¹ Гайдар А. Лесные братья. М., 1987. С. 168.

² Петров С.М. Боевик. Уральская советская энциклопедия. Т. 1. Свердловск-Москва, 1933. С. 434.

политическую оценку лбовскому движению. В это время деятельность «лесных братьев» уже подходила к своему трагическому финалу, однако листовка РСДРП от 2 августа 1907 года имела политическое значение, поскольку предупредила определенную часть социал-демократов об опасности поддержки «движения лесных братьев», которое терпело поражение со стороны правительства России.

Б.Н. Назаровский о Лбове

Товарищ Гайдара по совместной работе в редакции газеты «Звезда» Б.Н. Назаровский в изменившихся условиях построения социализма пытался показать, насколько это было возможно в тех условиях, объективную роль Лбова и лбовского движения на Урале в 1906-1907 г. Колоритная фигура А.М. Лбова в течение нескольких десятилетий привлекала к себе внимание Б.Н. Назаровского. Плодом этих размышлений явился его очерк, посвященный знаменитому уральскому экспроприатору, помещенный в книгу «Революционеры Прикамья», вышедшей из печати в 1966 году. Эту книгу Б.Н. Назаровский считал «лучшей» из всех монографий, в которых дается оценка Лбова.

В письме к Б.И. Накарякову от 24 августа 1971 года он писал: «Не думаю, чтобы в ближайшее время можно было сказать о Лбове и Давыдовых больше, чем удалось сказать о них в «Революционерах Прикамья», книге, которая мне все больше нравится, по мере того, как она уходит в прошлое»¹. Очерк о Лбове в этой книге написан Назаровским с объективных позиций, конечно, с учетом того, насколько это было возможно в условиях того времени².

О своем отношении к лбовскому движению Б.Н. Назаровский подробно писал в цитированном выше письме Б.И. Накарякову. «Мне кажется, – отмечал он, – следует максимально подчеркнуть: партизанские вылазки боевиков в период отступления революции и годы реакции были ответом на реакционный террор, на полицейские и административные преследования, на предательство, доносы и шпионаж».

Боевой формой этих вылазок было сопротивление (полицейский термин), т.е. вооруженное сопротивление полиции. Это был ответ преследуемых участников революционного движения. Собственно террористические акты носили у Лбова и Давыдо-

¹ Назаровский Б.Н. – Накарякову Б.И., 24 августа 1971 года // ГОПАПО, ф. 25, оп. 1, ед. хр. 150, л. 9.

² См. Революционеры Прикамья. Пермь, 1966. С. 325-332.

вых эксцитативный характер, они не были рассчитаны на гибель существующего строя, а лишь на то, чтобы возбудить массы, поднять их к действию. Экспроприации имели мизерный размер. Они были преимущественно казенными. А как было прожить без экспроприаций «людям, загнанным, как звери»? Б.Н. Назаровский пишет о том, что если на Южном Урале экспроприации продолжались и в 1909 году, то это объясняется тем, что там боевики действовали под руководством большевиков, точнее, той части их, которая отошла к бойкотистам-отзовистам, к группе «Вперед». «Большевики Прикамья, — подчеркивает Б.Н. Назаровский, — не находились ни под каким партийным руководством». В связи с этим Борис Никандрович подвергает критике руководителя Пермских социал-демократов Артема. «Партийное руководство в лице Артема и его товарищей игнорировало партизанское движение, только открещивалось от него. В этом была, по моему убеждению, ошибка Артема. Его большевизм в эти годы для меня сомнителен. Он вообще наделал в Прикамье порядочно ошибок. Надо признать слабость партийного руководства, которое оказалось не в состоянии взять в свои руки движение во всех его формах. Это, разумеется, было обусловлено и террором, преследованиями, которые вели к частой смене руководства. Надо учитывать, что Мартовская 1907 года Уральская областная конференция РСДРП приняла по вопросу о партизанском движении резолюцию конференции военных и боевых организаций, прошедшей в 1906 году»¹. Таким образом, неудачу лбовского движения, его теоретическую беспомощность, его недостаточный размах Назаровский видел в том, что пермские социал-демократы не смогли взять его под свой контроль. Думается, что это более чем спорные мысли, высказанные пермским журналистом. Получается противоречивая картина, вытекающая из тех предположений, которые высказал Назаровский. С одной стороны, он сожалеет о том, что пермские социал-демократы не взяли под контроль партизанское движение в Прикамье, в том числе и лбовское, с другой — пермские социал-демократы в своей листовке (август 1907 г.) отмежевались от лбовской анархистчины и осудили ее. И осудили правильно — с точки зрения того, что она дискредитировала социал-демократов.

Б.Н. Назаровский осуждал лбовские экспроприации за их незначительные масштабы, в то же время он не проявлял подобного критицизма по отношению к экспроприациям на Южном

¹ Назаровский Б.Н. — Накарякову Б.И., 24 августа 1971 года // ГОПАПО, ф. 25, оп. 1, ед. хр. 150, л. 10.

Урале (Миасс и др.), которые проводились боевиками, находившимися под контролем отзовистской группы «Вперед». С одной стороны, пермские социал-демократы не захотели или, вернее, не сумели взять под контроль лбовское движение, с другой — оно возникло сразу же по своему характеру анархистским из-за состава своих руководителей и иным быть не могло. Пермские социал-демократы не могли взять под контроль А.М. Лбова, бывшего очень жестоким, ригидным человеком. Характер лидера накладывал решающую печать на движение и делал его не трансформируемым.

Несколькими годами раньше Борис Никандрович пытался поместить в журнале «Урал» большую статью (объемом в 3 п.л.) под названием «Гайдар и Лбов (страницы к биографии Аркадия Гайдара)». В архиве Назаровского сохранилась переписка по данному вопросу. Она имеет принципиальное значение, поскольку раскрывает подоплеку тех исторических расхождений, которые имелись у него и у редколлегии журнала «Урал», которые, в конце концов, вынудили Б.Н. Назаровского отказаться от своего замысла публикации статьи в журнале. Поскольку в основе расхождения позиций Б.Н. Назаровского и редакции журнала «Урал» лежали принципиальные вопросы освещения лбовского движения, рассмотрим данные вопросы подробнее.

В первом письме от 31 мая 1964 года Б.Н. Назаровский информирует редакцию журнала «Урал» о том, что его статья о «Гайдаре носит вполне «самостоятельный» характер и она не будет повторением того, что он намерен поместить в книге о «Гайдаре на Урале», которая им готовится совместно с Савватеем Михайловичем Гинцем. Он считал, что материал о лбовском движении заинтересовал Гайдара, и он написал об этом повесть не случайно, а потому что для этого у него имелись серьезные основания». С пониманием относясь к мотивам А.П. Гайдара, Назаровский информирует редакцию журнала «Урал» о том, что он готов в случае возникновения необходимости «личных объяснений приехать в Свердловск»¹. Однако потребность в этом не возникла, поскольку взгляды редакции журнала «Урал» и Б.Н. Назаровского существенно разошлись по вопросу об освещении истории лбовского движения.

Редактор журнала «Урал» Нина Андреевна Полозкова направила статью Назаровского на рецензию к профессору Федору Павловичу Быстрых. Последний увидел в статье пермского журналиста попытку «обелить Лбова» и лбовщину. С этим

¹ Назаровский Б.Н. — в редакцию журнала «Урал», 31 мая 1964 года // ГОПАПО, ф. 25, оп. 1, ед. хр. 150, л. 57-58.

Б.Н. Назаровский согласиться не мог. Он писал Н.А. Полозковой: «Если считать, как считает Ф.П. Быстрых, что безоговорочно отрицательную оценку лбовщины нечего пересматривать, то не стоит и писать о повести Гайдара; тогда она – сплошная ошибка, которую не стоит вспоминать». Борис Никандрович сожалеет, что Н.А. Полозкова присоединилась к позиции Ф.П. Быстрых и предложила Назаровскому обойти вопрос о лбовщине в историческом аспекте. «Вот этого, – подчеркнул он, – я принять не могу. Я уважаю Федора Павловича, он сделал многое для развития исторической науки на Урале. Но в данном случае он несколько заблуждается. «Я не хочу сказать, – продолжал Назаровский, – не критикуйте Лбова, а только критиковать Лбова надо правильно – за беспартийность, за продолжение вооруженной борьбы после третьеиюньского переворота, а не просто за формы борьбы, которые были якобы другими, чем у боевиков социал-демократов». Борис Никандрович не решился, однако, поставить все точки над i. Он не сказал о том, что В.И. Ленин и большевики поддерживали экссы (акты экспроприации), считали возможным получать часть денег, которая перепадала им, и не раз, пытались защищать их исполнителей через Международное социалистическое бюро.

Б.Н. Назаровский отказался от своего замысла публикации статьи в журнале «Урал»¹. Он считал, что в критике Лбова «нужна мера и справедливость», в особенности в критике того человека, который отдал свою жизнь в борьбе с самодержавием. Все замечания Ф.П. Быстрых можно было бы учесть и, как писал он, приехать в Свердловск и договориться. Но ему «расхотелось» это делать.

Последнее объяснялось тем, что четырехмесячная задержка с рецензированием статьи привела к тому, что они с Гинцем закончили книгу «Гайдар на Урале», а одновременная публикация статьи в журнале «Урал» и отдельной книги, в которой будет глава о том же самом, будет не совсем удобной. «Это неприятно, писал Назаровский Н.А. Полозковой, – и для вас и для меня». Поэтому он и резюмировал, заканчивая письмо к ней: «Будем считать дело несостоявшимся»². Так закончилась попытка одного из самых умных и в то же время осторожных пермских журналистов дать более объективную оценку лбовскому движению.

¹ Назаровский Б.Н. – Полозковой Н.А., 24 декабря 1964 года // ГОПАПО, ф. 25, оп. 1, ед. хр. 150, л. 60.

² Там же. Л. 62.

Борис Никандрович учел расхождение своих взглядов на Лбова с общепринятой позицией по этому вопросу, существовавшей в советской историко-партийной науке, и его глава «Гайдар и Лбов» в книге «Аркадий Гайдар на Урале» свидетельствует об этом.

Эта книга, особенно в ее втором издании 1968 года, содержит, в основном, те теоретические постулаты, которые были устоявшимися в советской науке. В главе много критики по адресу А. Гайдара, соседствующей с утверждениями о его молодости, неопытности и личной симпатии автора к нему, основанной на тех далеких временах, когда он вместе с ним работал в редакции окружной газеты «Звезда».

Пермским журналистам и историкам на долгие годы запомнился высокий худой старик с неторопливой, и в то же время четко артикулированной интеллигентной речью, который своими советами и суждениями по вопросам развития краеведения способствовал поиску объективной истины, насколько это тогда было возможно. И конечно, он остается одним из лучших интерпретаторов лбовского движения, хотя его книга о Лбове так и не была написана. Однако она готовилась, и обширные подготовительные материалы убедительно свидетельствуют об этом.

Руководящие установки партии в области исторической науки были всегда строго определенными, хотя они на протяжении семи десятилетий странным образом изменялись. И эти изменения своеобразным образом преломлялись в той части творчества Б.Н. Назаровского, которая касалась интерпретации отряда Лбова и движения «Лесных братьев».

Как хотелось этому умному, интеллигентному человеку, а еще в большей мере считавшему себя таковым, восстановить справедливость в этом вопросе, как возмущало его то, что экспроприаторы, которые были в партии после Октябрьской революции, получали моральную реабилитацию за свои участия в «эксах» далекого прошлого, а Лбов – нет, и только потому, что лично он был беспартийным, хотя его отряд в основном состоял из рабочих Мотовилихинского завода, и в нем было много социал-демократов, так же как и представителей других левых партий, в частности, эсеров. В основе такой позиции Б.Н. Назаровского лежало непонимание, с одной стороны, экстремистского всеядия партии большевиков, с другой – их монополии на истину, исходя из принципа – «партия не ошибается». Если члены партии принимали участие в «эксе» (например, Камо), то этот экс был необходим, и его участников надо было защищать, используя для этих целей Международное социалистическое бюро и его секретаря Гюисманса.

Что касается А.М. Лбова, то он не был социал-демократом и, следовательно, не получил нравственной реабилитации, во-первых, потому, что не принадлежал к партии большевиков, а во-вторых, потому что вследствие политической малограмотности и близорукости приобретенные лбовцами путем экспроприации средства не шли, по крайней мере официально, на укрепление большевистской партии – основного теоретического субъекта будущей социалистической революции. Средства, приобретенные «лесными братьями», шли в основном на приобретение оружия и для оказания помощи бедным и малоимущим индивидам. И то и другое не было освещено «великим и всепобеждающим марксистско-ленинским учением». Следовательно, это была борьба во имя ее самой, во имя ближайших группировок корпоративных интересов малой экстремистской, по формам своей борьбы, локальной группы. Это отсутствие будущего со «всеми его достоинствами» и недостатками служило для большевиков основанием для разведения партийных и беспартийных экспроприаторов, причем при отсутствии понимания человеческой жизни как наивысшей ценности, с той и другой стороны.

Б.Н. Назаровский не понимал истинного характера большевистского режима и его партии. Они не были и не могли быть справедливыми по самому своему существу, хотя руководители партии считали себя таковыми, и это, между прочим, вытекало из того, что только они имели монополию на истину. А Назаровский ошибочно считал, что он тоже ее имеет. Поскольку он эту мысль высказал лояльно и достаточно осторожно по отношению к правящей верхушке, его терпели и не призывали к «порядку», а если бы он посмел дерзнуть и покуситься «на устои», тогда бы на него обрушилась вся сила партийного пропагандистского аппарата. А что это значило, он хорошо знал...

Будучи опытным журналистом, Борис Никандрович решил использовать в своей готовящейся к изданию книге о Лбове метод отдаленных ассоциаций. Он решил воспользоваться заметкой И. Андреева, опубликованной в газете «Правда» за 14 октября 1966 года, «Реабилитирован через 700 лет». В заметке сообщалось о том, что в Шервудском лесу, где жил легендарный Робин Гуд со своими соратниками, на днях произошла «интересная церемония». Шериф Ноттингема Элиоот Даркхэм развернул в чаще красочно оформленный в старинном стиле свиток и громко огласил собственный указ о том, что он снимает все обвинения в действиях, противоречащих законам и порядкам прошлого с Робин Гуда и его лучников.

Даркхэм – дальний преемник шерифа Ноттингемского, преследовавшего в XIII веке отряд Робин Гуда, который отнимал

богатства у людей состоятельных и раздавал их беднякам. Шериф сказал, что, хотя у полиции не сохранилось никаких документов, обвиняющих Робин Гуда, он счел необходимым амнистировать последнего, поскольку некоторые все еще считают робингудцев бандитами. «Таким образом, — писал И. Андреев в своей заметке, — хотя и через 700 лет, Робин Гуд все же дождался официальной реабилитации».

Приклеив листок с заметкой Андреева к большому листу, Б.Н. Назаровский написал на полях единственное слово «Молодцы!», выражающее его отношение к поступку шерифа Ноттингема. В подтексте данного одобрения лежало несомненное желание Б.Н. Назаровского, чтобы в конце концов нечто подобное было бы совершено и в отношении А.М. Лбова и его отряда «лесных братьев». Однако Борис Никандрович ошибался — «гнилой либерализм» не был характерен для работников партийного аппарата любого уровня. Поэтому моральной реабилитации Лбова он не дождался, не последовало ее и в последующие времена. Политика партии при всех ее изменениях была партийной, и она в первую очередь защищала своих членов, что не давало никаких индульгенций на снисхождение в памяти потомства тем деятелям революционного движения, которые позволяли колебания в сторону других политических партий, в частности, эсеров. Проблема ценности человеческой жизни в годы первой русской революции Б.Н. Назаровского не занимала, так как он в этом вопросе стоял на партийных позициях, согласно которой все жертвы революции сторицей окупятся счастливым будущим человечества, за которое боролись большевики, и к которым он себя причислял.

Историография лбовского движения в 40-80-е года 20 века

Если в 20-е годы, когда существовала своеобразная теория общего революционного потока, когда можно было писать о различных направлениях выступлений против царского самодержавия, то в период 30-40-х годов, а затем, правда, в меньшей мере, и в последующее время вплоть до 1986 года писать обо всех других, кроме марксистско-ленинского революционного направления, можно было только в плане их разоблачения, вскрытия их ошибочности, а то и враждебности большевистско-марксистско-ленинскому революционному направлению.

В соответствии с тем, что в этот период сформировалась другое отношение к различным направлениям революционной

мысли и революционной практики в России, согласно которой только большевики обладали знанием стопроцентной истины в революционном движении, только они правильно действовали и боролись – все другие революционные направления, в том числе и движение лбовцев, были теоретически несостоятельными и практически вредными. В соответствии с этим Г.П. Рычкова в своей книге «Военно-боевая работа большевиков Урала в период Первой русской революции» писала о том, что «экспроприации» периода 1908-1910 годов «превращались иногда в мелкие и случайные нападения», которые почти не отличались от простых грабежей, «что восстанавливало население против боевиков». Такого рода извращения были не только на Южном Урале, они имелись и на Среднем Урале.

В Мотовилихе небольшая часть боевиков из распущенных социал-демократических дружин примкнула к анархистско-мелкобуржуазной боевой группе Лбова, участвуя вместе с нею в ряде актов экспроприаций. Лбовское движение носило ошибочный и практически вредный для работы социал-демократических организаций характер. Местные власти на каждый такой «экс» отвечали градом репрессий, вся тяжесть которых обрушивалась на рабочих и мешала «нелегальным большевистским организациям развернуть планомерную работу», что заставляло большевиков Урала вести в этот период решительную борьбу с партизанщиной¹. Это, однако, не мешало тому, что большевики пользовались денежными средствами, полученными от «экспроприаций». На средства, добытые южно-уральскими боевиками, была организована поездка делегатов на V Лондонский съезд партии. По воспоминаниям Э.С. Кадомцева, от уральских большевиков было передано центру около 60 тысяч рублей. Эти средства пошли на созыв I конференции военных и боевых организаций РСДРП, проведенной большевиками в ноябре 1906 года в Таммерфорсе, на эти же средства было осуществлено издание протоколов этой конференции. Средства уральских боевиков были использованы на содержание школы боевых инструкторов в Киеве, школы боевиков во Львове, на «содержание» границ в Финляндии и в Западной России. На средства уральских боевиков содержалась школа боевиков и химическая лаборатория в Куоккалла, издавалась газета «Казарма» тиражом в 20 тысяч экземпляров². Таким образом, разбойные экспроприации составляли значительную часть финансовых

¹ Рычкова Г. Военно-боевая работа большевиков Урала в период Первой русской революции ОГИЗ. Свердловскгиз. 1946. С. 56.

² Там же. С. 38-41.

средств партии большевиков, и без их подпитки она не могла бы существовать в том виде, в каком она была в годы Первой русской революции 1905-1907 г.

В этом же плане освещалась деятельность лбовской дружины в солидной по размерам монографии Ф.П. Быстрых. Он прямо подчеркивал, что с начала 1907 года «большую опасность для рабочего движения на Урале стала представлять так называемая лбовщина». Ф.П. Быстрых характеризует Лбова как беспартийного рабочего, который работал на Мотовилихинском заводе, в 1905 году участвовал в декабрьском вооруженном восстании. После поражения мотовилихинского восстания он и некоторые другие рабочие Мотовилихи, которым угрожала жестокая расправа со стороны царизма, ушли в лес и создали вооруженные отряды. Первое время существования этих отрядов могло быть оправданным, поскольку в 1906 году можно было ожидать нового революционного подъема. Но в 1907 году, особенно после третьеиюньского переворота, тактика вооруженных столкновений с силами царизма была бессмысленной авантюрой.

«Вокруг Лбова, — пишет Ф.П. Быстрых, — сгруппировались анархистствующие, деклассированные и даже уголовные элементы». Вооруженные отряды лбовцев делали набеги на почтовые отделения, винные казенные лавки, заводские конторы, забирали деньги и ценности в казенных учреждениях, частных конторах, а также у отдельных богатых лиц. Это могло вызвать сочувствие лишь у деклассированных анархистствующих элементов, но не у пролетариев, которые понимали бесплодность борьбы одиночек и готовили силы для новой народной революции. Выступления лбовцев наносили реальный вред партии пролетариата. Они дезорганизовывали работу социал-демократических организаций, так как после каждой операции лбовцев полиция хватала первого попавшегося, проводила обыски (очень часто в Мотовилихе) и иногда наталкивалась на нелегальную работу социал-демократов. Они должны были расплачиваться за действия лбовцев.

Выступления анархистствующих и эсерствующих элементов осуждались социал-демократами. В августе 1907 года пермский комитет РСДРП выпустил специальную листовку, разъясняющую вред тех способов борьбы, к которым прибегали «лесные братья», анархисты и т.п. Главная работа социал-демократов, отмечалось в листовке, это работа в массах. Для расширения своего влияния РСДРП считает необходимым, чтобы вся повседневная работа, вся агитация, пропаганда и организация масс были неразрывно связаны с нуждами и запросами местного на-

селения. Только в этом случае пролетарская партия найдет поддержку в широких народных массах и выполнит свою историческую роль вождя рабочего класса¹.

Вся книга Ф.П. Быстрых, несмотря на время ее выхода после XX съезда КПСС, открывшего некоторые, хотя бы незначительные возможности для более объективного, чем раньше, освещения событий Первой русской революции 1905-1907 г., пропитана старыми ортодоксальными ленинскими оценками. Она ни на йоту не выходила за их рамки и не дает по интересующему нас вопросу об оценке лбовского движения в нашей историографии ничего нового.

Определенный шаг в этом отношении делает книга Ф.С. Горового «Очерки революции 1905-1907 годов на Урале (по материалам Пермской губернии)». Новое содержание в книге Ф.С. Горового нашло свое отражение, во-первых, в лучшем знании конкретного материала лбовского движения; во-вторых, в тех данных, которые свидетельствуют о связях Лбова с эсерами. Общий вывод, который сделал Ф.С. Горовой, сводился к тому, что отряд Лбова из поддерживающего силы революции превратился в эсеровско-анархистский отряд, мешавший организованному отступлению революционных сил, приносящий вред рабочему движению².

Попытку более содержательного анализа лбовского движения в рамках марксистско-ленинской исторической парадигмы предпринял И.С. Капцугович в монографии «История политической гибели эсеров на Урале». В книге сделана попытка последовательно провести ленинскую мысль о том, что в период отступления революции партизанские вылазки лбовцев утратили свой смысл. «Объективно они приносили рабочему движению больше вреда, чем пользы: каждое выступление приводило к усилению репрессий и порождало в массах пассивное созерцание героизма одиночек». Автор ссылается на большевистскую газету «Путь правды», которая писала о том, что там, где экспроприаторство было особенно сильно, как в Баку или в Перми («лбовщина»), рабочее движение было придушено так, как нигде не могли бы придушить его полицейские преследования. Весной 1907 года V съезд РСДРП по предложению меньшевиков принял резолюцию «О партизанских выступлениях». В ней говорилось, что «в текущий момент сравнительного затишья партизанские

¹ Быстрых Ф.П. Большевистские организации Урала в период революции 1905-1907 годов. Свердловское книжное издательство. Свердловск, 1959. С. 322-323.

² Горовой Ф.С. Очерки революции 1905-1907 годов на Урале (По материалам Пермской губернии). Молотовское книжное издательство. Молотов, 1955. С. 164.

выступления неизбежно вырождаются в чисто анархистские приемы борьбы». В этих условиях партизанские выступления нежелательны, и съезд рекомендует идейную борьбу с ними¹.

Эсеры оказывали лбовской дружине всяческую поддержку. Отряд устанавливает прочные контакты с Пермским комитетом партии эсеров, получает от него эсеровские издания, сближается с Мотовилихинской боевой дружиной партии эсеров. Лбовцы нашли общий язык с террористами из Тюменской боевой дружины эсеров. Все это усиливало стихийность и сохраняло бессмысленный боевизм «лесных братьев». Лбовщина идейно и практически, — пишет И.С. Капцугович, — сомкнулась с эсеровской доктриной, которая демократическую борьбу с царизмом приносила в жертву действиям одиночек-террористов. Лбовщина стала синонимом анархистских выступлений и разбоев². Осенью 1907 года это так и было фактически, поэтому А.М. Лбов вынужден был распустить свою дружину. В отношении того, как это было, будет рассказано ниже, в своем месте, поскольку никакого роспуска дружины Лбовым фактически не было, а она развалилась: от лидера отошли ее остатки в связи с его действиями, носившими угрожающий для них характер.

Довольно объективно рисует лбовское движение Ф.Е. Мельников в монографии «Западный Урал в революции 1905-1907 годов»³. В духе политических требований того времени он сводит движение «лесных братьев» под руководством А.М. Лбова к мелкобуржуазному крестьянскому движению. Лбов сохранял связь с деревней, работая на Мотовилихинском заводе, он был совершенно неграмотным и отсталым в культурном отношении человеком. Основной деятельностью «лесных братьев» стало ограбление почт, винных лавок и магазинов. Это привело лбовщину впоследствии к бандитизму.

Пермские большевики при Я.М. Свердлове делали попытки проникнуть в среду лбовцев и овладеть этим движением, однако Лбов не признавал партийного руководства, и эти попытки результатов не дали. Лбов признавал только один способ борьбы с самодержавием — непосредственное вооруженное нападение на слуг царизма и на учреждения российского государства.

Ф.Е. Мельников отмечал, что в шайку Лбова проникли эсеры, которые пытались подчинить его своему влиянию. Из них

¹ Капцугович И. История политической гибели эсеров на Урале. Пермское книжное издательство. 1975. С. 70.

² Там же. С. 71.

³ Мельников Ф.Е. Западный Урал в революции 1905-1907 г. Пермь, 1946. С. 127-130.

наиболее известным был Дементьев. В партии эсеров значительных масштабов достигла провокация, которая была связана с деятельностью Е.Ф. Азефа. Именно через Азефа, который по свидетельству Дементьева специально приезжал в Мотовилиху, был организован провал Лбова, его поездка в Вятскую губернию, где он был арестован, судим и казнен¹. Приезжал Азеф по указанию министра внутренних дел, которого об этом просил Пермский губернатор А.В. Болотов. Для нас это свидетельство особенно ценно, поскольку мемуары Дементьева в 1948 году из Пермского областного музея были переданы в архив МВД и практически стали недоступными для исследователей. Факт поездки Азефа в Мотовилиху стал дискуссионным, и нам придется его доказывать с помощью других источников.

В двухтомной «Истории Урала», (Пермь, Пермское книжное издательство, издание второе, том 1, 1976 г.) лбовское движение освещается в контексте выступлений пролетариата, не связанных с забастовками. Во время столыпинской реакции на Урале было осуществлено более 10 экспроприаций, наиболее крупной из которых была миасская, произведенная в ночь на 26 августа 1909 г. местной боевой организацией РСДРП, отказавшейся выполнить решения вышестоящих партийных органов о недопущении таких актов и роспуске боевых дружин.

В районе Перми широкий размах приобрели действия «лесных братьев», руководимых мотовилихинским рабочим А. Лбовым. Лбовцы не только производили экспроприации, но и физически уничтожали полицейских и других представителей власти. Несколько таких отрядов действовало в других районах Урала. Не будучи подчиненными партийному руководству, партизанские отряды неизбежно вырождались и скатывались к уголовщине. Большевики боролись против «лбовщины». Пермский Комитет РСДРП в 1907 году выпустил специальную листовку, разъяснявшую вред неорганизованных террористических актов и экспроприаций².

Издание, вышедшее в период, который позднее назвали «Периодом застоя», характеризуется повторением старых оценок и положений относительно лбовского движения. Инерция старого набора характеристик лбовского движения была так значительна, что сохранялась даже тогда, когда создались условия для более объективного освещения лбовского движения.

В фундаментальном труде «История Урала в период капитализма», изданном в Москве издательством «Наука» в 1990

¹ Там же. С. 129.

² История Урала. Том 1. изд. 2-е. Пермское книжное издательство. 1976. С. 333.

году, дается следующая оценка лбовского движения: «После перехода царизма к подавлению революции вооруженными средствами уральские рабочие в ряде мест ответили на репрессии партизанской борьбой. С весны 1906 года в Прикамье действовал отряд «лесных братьев», который возглавлял беспартийный мотовилихинский рабочий А.М. Лбов. Отряд Лбова совершал дерзкие экспроприации денег в заводских конторах, почтовых отделениях, убивал полицейских и провокаторов. Стихийная партизанская борьба лбовцев постепенно выродилась в обыкновенный разбой. В конце 1907-начале 1908 г. полиции удалось выследить и арестовать как «лесных братьев», так и самого Лбова, который был казнен в Вятке 2 мая 1908 г. Другой партизанский отряд под руководством братьев Давыдовых действовал в 1907-1908 г. в районе Березников – Александровска. Этот отряд был связан с группой эсеров в Пашии и с Пермским комитетом Уральского боевого союза. В сентябре 1908 года отряд братьев Давыдовых был также разгромлен полицией»¹.

Ленин высоко оценивал значение партизанской борьбы как формы гражданской войны и подчеркивал, что деморализует социал-демократию не партизанская война, а неорганизованность, беспорядочность, беспартийность партизанских выступлений². Он призывал революционных социал-демократов взять в свои руки партизанские действия, подчинить их другим средствам борьбы, облагородив просветительным и организующим влиянием социализма³. Как будто можно убийство облагородить?! Это возможно только с точки зрения преступного тоталитарного режима.

В последние годы над историей лбовского движения работает ряд пермских журналистов, среди которых наиболее результативно трудится В.И. Аборкин⁴. Его подходу к оценке лбовского движения возражали историки А. Нерослов и В. Коробейников⁵. Несколько страниц посвятил личности Лбова в своей монографии «Ревнителю революционного нетерпения»

¹ История Урала в период капитализма. Отв. Редактор Д.В. Гаврилов. М.: «Наука». 1990. С. 306-307.

² Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 8. С. 7.

³ Там же. С. 9.

⁴ См. Материалы по Пермской области к Уральской исторической энциклопедии. Вып. 2. Пермь, 1994. С. 47-48; его же. Генеральная репетиция: Готовясь к грядущим боям // Слово о Мотовилихе. Годы. События. Люди. Пермь, 1974. С. 187-272; его же. Человек-легенда (К 115-летию со дня рождения А.М. Лбова) // Вечерняя Пермь. 1991. 11-13 марта.

⁵ Нерослов А., Коробейников В. Хватит легенд // Вечерняя Пермь. 1991. 4 июня. См. их же очерк «Лесные братья Прикамья» // Молодая гвардия. 14 января 1991 г.

известный кировский краевед В.Д. Сергеев¹. Однако монографического исследования о лбовщине еще не написано.

Источники

Комплекс сохранившихся источников по истории лбовского движения значителен и разнообразен. Это, прежде всего, материалы органов государственного управления и порядка, существовавших в то время в России. Слежка за Лбовым и «лесными братьями» велась очень интенсивно, ибо именно они в 1906-1907 г. представляли наибольшую опасность существованию официального порядка в Пермской губернии. Слежка была внешней, осуществляемой стражниками, городскими и т.п., освещавшими внешнюю жизнь его отряда, его перемещения, его террористические акты, экспроприации и т.д., и внутренней, результаты которой передавали властям провокаторы и шпионы. Эти сведения концентрировались в охранном отделении. Источники этого рода давали охранному отделению представления о планах, о замыслах «лесных братьев» и их руководителя А.М. Лбова. Это имело большое значение для организации своевременных контрмер против лбовских боевиков, организации засад, подтягивания к соответствующему месту войсковых частей и т.п. Особенно много сведений о намерениях, планах «лесных братьев» охранка получала от тех лбовцев, которые, попадая в руки полиции, «раскалывались» и становились на путь сотрудничества с ней (Д. Худорожков, М. Двойнишников и др.). С ними «лесные братья» вели беспощадную борьбу, и как только провокаторы разоблачались, то есть их осведомительная функция становилась ясной, их обычно убивали.

Значительный материал по данной теме дают следственные документы арестованных лбовцев. Эти документы находили свое логическое завершение во время судебных процессов. Они концентрировались в материалах военно-полевых судов, которые судили участников данного движения. Конечно, надо учитывать специфику данного вида источников, – большинство подсудимых, понимая, чем им грозит полное признание, стремились скрывать ту часть своих преступлений, которая была неизвестна следственным органам, всячески маскировать и утаивать ее.

В отдельных исключительных случаях они не делали этого, а наоборот, стремились «очистить свою душу», пытались оп-

¹ Сергеев В.Д. Ревнители революционного нетерпения. Вятка (Киров), 2000. См. главу «Дуло бессменного маузера». С. 76-83.

равдаться перед потомством, объяснить ему истинную цель своих действий. Эта исповедальная форма показаний нашла своего классического представителя в лице Александра Михайловича Лбова. Присужденный военно-полевым судом к смертной казни, понимая, что жить ему осталось немного, не надеясь на помилование, испытывая мучительные перепады настроения, характеризующие жадой жизни и желанием действия, а с другой стороны, – мучительными приступами раскаяния за многое из того, что было совершено, он просит перо и бумагу и пишет «исповедь» о том, как он жил, что он делал, и главное, – излагает мотивы своих поступков и действий. Это не религиозная форма исповеди, и данный термин в ее тексте Лбовым не употребляется. Это своеобразный отчет его перед людьми.

Исповедальная форма изложения душевных переживаний действующих лиц получила широкое распространение в художественной литературе, например, в романе Достоевского «Подросток», в повестях «Записки из подполья», «Кроткая». В произведениях Достоевского в диалогах исповедального характера герой раскрывает себя, свои новые убеждения непосредственно перед читателем, помогает ему вникнуть в глубинный смысл своего существования, своего восприятия событий, и тем самым познает и себя, и, насколько это возможно, и автора.

В исповеди самораскрытие личности героя является именно этим композиционным принципом, а его организующим началом является монолог. Лбов пытался придать характер исповеди своим «искренним», как он это считал, показаниям перед казнью. Исповеди подобает скорее интимный, тихий, застенчивый тон, а не декламация. Лбовская исповедь – это все-таки скорее декламация. Это четкое и твердое изложение своих жизненных поступков, а также того, что к ним привело. Напряженный, почти риторический тон, подчеркнутая уязвленность размышлений героя характеризует стиль единственного письменного документа, оставшегося от него. В центре внимания исповеди Лбова стоит пристрастие человека, бывшего «подпольным», к самораскрытию, к самообнажению. Лбов стремится в своей «исповеди» собрать свои мысли «в точку». Его побуждает к раскрытию истины близкая и неизбежная смерть. Он ставил перед собой задачу в исповедальной форме определить смысл и цель своей жизни, показать свое стремление к самоутверждению как к расчистке пути от всего того, что мешало счастью простого народа. Поэтому здесь особенно необходимо критическое отношение к данному типу источникам, их сопоставление с другими видами источников, в частности, мемуарного характера.

Хотя, с другой стороны, специфика источников по данной теме исследования заключается в том, что свидетельства мемуарного характера по ней имеют относительно меньшее значение, чем по другим темам истории революционного движения в России. Дело в том, что в силу острого характера борьбы с правительством значительная часть «лесных братьев» погибала в стычках с полицией, жандармами, казаками, ингушами. Другая часть попадала в руки правоохранительных органов, и в соответствии с характером их преступлений приговаривалась к смертной казни или длительным срокам тюремного заключения, т.е. так или иначе не могла оставлять после себя мемуаров. Поэтому воспоминания о Лбове и «лесных братьях» оставили только те участники лбовского движения, которые, во-первых, участвовали в нем временно, а после его неудач своевременно покинули его ряды, а, во-вторых, занимали в нем неруководящие посты, играли незначительную роль (Белобородов, Миков, Ваганов и др.).

Достаточно содержательным источником по данной теме является пресса того времени, в особенности официально-либеральная газета «Пермские губернские ведомости». Газета является ценным источником в плане освещения реакции общественного мнения на террористические акты «лесных братьев». На страницах данной газеты находили отражение противоречивые чувства пермского обывателя, его благоговейный ужас перед таинственностью и неизвестностью этих «злодеев-заговорщиков», скрывающихся в лесах Мотовилихи и внезапно совершающих налеты на мирные города и села Пермской губернии, убивающих ни в чем не повинных людей. Со страниц газет в неприкрытой форме звучало то человеческое сочувствие к жертвам пострадавших и членам их семей, которое вызывали террористические акты лбовцев на беспартийных пермских обывателей, – их осуждение жестокости, идущей в логике рассуждений христианской морали, суть которых сводилась к тезису – кто имел право лишать человека его жизни, жизнь – это божье дело. «Бог ее дал и Бог ее взял». Такое, на первый взгляд отстраненно-гуманистическое осуждение террористических актов «движения лесных братьев», в конечном счете, способствовало формированию негативного отношению к нему со стороны широких слоев пермского общества, к отходу от поддержки его части тех обывателей, которые первоначально видели в лбовцах не без изрядной доли своеобразного романтизма своих будущих освободителей.

Последнее существенным образом отразилось на боевых операциях «лесных братьев». Они стали чаще, чем раньше,

терпеть неудачи. А бесконечные случаи экспроприации денежных средств, о которых писала газета, способствовали формированию со стороны широких слоев пермского общества отношения к ним, как к обычным грабителям, а не революционерам. При критическим сопоставлениям с другими источниками, как будет показано в тексте монографии, свидетельства пермской прессы дают возможность проследить отношение пермского общества к Лбову и движению «лесных братьев», а последнее имело существенное значение для выживания лбовского движения.

Ценным источником об истории ареста Лбова и военно-окружного суда над ним является вятская пресса. Вятский официальный «Вятский вестник» и либерально-народническая газета «Вятская речь», издаваемая Чарушиным, посвятили данной проблематике несколько десятков различных корреспонденций, в которых с разных социальных позиций, с разной степенью объективности давали информацию, знакомили население Вятской губернии с подробностями жизненного пути знаменитого пермского экспроприатора и казанского военно-окружного суда над ним.

Различие социальных позиций вятских газет в освещении последних месяцев жизни Лбова выразилось в подборе фактов, в их различной интерпретации, в эмоциональном чувстве личного неприятия данного социального феномена («Вятский вестник» – газета общественно-политическая и литературная консервативного направления), или, наоборот, мягкого сочувствия и даже деликатно выраженного сожаления о том, что пермский экспроприатор избрал неверную смысловую перспективу и, в особенности, средства ее практической реализации (Чарушинская «Вятская речь»).

О социально-политической позиции данной газеты на приеме вятской делегации в Зимнем дворце 14 февраля 1909 года, по свидетельству С.С. Липягова, П.А. Столыпин выразился так: «Это самая революционная провинциальная газета в России, где тщательно собирается и преподносится вся грязь читающей публике, правительство называется не иначе как кровавое» (Сергеев В.Д. Из истории вятских газет (1838-1917). Вятка (Киров), 2002. С. 68.). Однако данное утверждение российского премьера представляет несомненное преувеличение. По авторитетному утверждению вятского краеведа В.Д. Сергеева, Н.А. Чарушин – в прошлом народник 70-х годов – фактически являясь издателем газеты, решительно выступал противником каких бы то ни было насильственных мер. Негативные явления в

общественной жизни он хотел исправить путем ненасильственных действий, к числу которых он относил и критику их в печати.

Содержательным источником, свидетельствующим об отношении большевиков к лбовскому движению, является большевистская пресса. Большевистские газеты «Вперед», «Пролетарий» освещали отношение отзовистов, большевиков и меньшевиков к экспроприациям и влиянию движения «лесных братьев» на Урале на социал-демократическое движение.

Монография написана с использованием местного архивного материала. По значимости здесь необходимо назвать материалы Государственного архива Пермской области (ГАПО); фонды Пермского губернатора (ф. 65); Охранного отделения (ф. 160); Уральской исторической энциклопедии (ф. Р-732); Государственного архива общественно-политических движений Пермской области (ГОПАПО), фонд 25 (Б.Н. Назаровского); Государственного архива Кировской области (ГАКО), фонд губернского жандармского управления (ф. 714). В этих фондах сохранилось много материалов, которые позволяют во многом по-новому осветить историю лбовского движения.

Автор монографии считает, что самый подробный и достоверный фактический материал формируется в месте прохождения любого общественного события, т.е. там, например, где имел место террористический акт либо экспроприация. Документы следственных органов – жандармского управления, охранного отделения, губернатора, исправников и т.п. на местах содержат самую полную и достоверную информацию о событиях. Эта информация является первичной. В отличие от нее, та информация, которая этими органами передавалась в центр, в Департамент полиции, Министру внутренних дел, в Министерство юстиции и т.п., являлась вторичной. Как правило, она страдала рядом недостатков. Во-первых, неполнотой содержащихся в ней сведений. Происходило это потому, что местные органы правопорядка и власти всегда и сознательно какую-то часть негативной информации (а информация о лбовщине носила именно такой характер) о террористическом акте, о крупной экспроприации не передавали в центр, а по возможности стремились, если не утаить, то хотя бы как-то смягчить, прикрыть, уменьшить промахи и недостатки в деятельности местных органов охраны общественного порядка. Происходило это в силу ряда причин. Во-первых, они умалчивали о тех фактах, которые свидетельствуют о разгильдяйстве местных органов правопорядка, об их неоперативности, медлительности, неразворотливости и т.п., во-вторых, о тех упущениях по поимке экспроприаторов, самого Лбова и его ближайших сподвижников, которые были допущены,

и которые они надеялись в будущем исправить и в дальнейшем не допускать. Эти моменты, безусловно, имели место, хотя их не надо абсолютизировать, не надо представлять, что вся информация о движении «лесных братьев» в Департаменте полиции представляет не объективный материал, однако кое-какие факты подобного рода в ней, безусловно, имеют место.

Существенное значение для исследователей имеет ответная реакция работников высшего уровня управления, идущая на периферию, в данном случае в Пермскую губернию, прежде всего губернатору и органам охраны общественного порядка и безопасности. Соответствующие документы отложились в местных архивах. Все это свидетельствует о том, что приоритет перед центральными архивами в исследовании на местную тему с точки зрения полноты источников лишен серьезных оснований. Однако это не значит, что источники, находящиеся в Централь-ных архивах, должны быть проигнорированы. Они могут быть нужны в том случае, если какие-то документы передаются в центр, а на месте их остаются в лучшем случае копии, а чаще ничего не остается, а так же в том случае, если документ в местном архиве в силу каких-либо обстоятельств утрачен, но сохранился в центральном архивном хранилище. Только комплексное использование материалов, сохранившихся в местных и центральных архивах, способно обеспечить полноту и объективность исторического исследования, только такой подход обеспечивает максимальную возможность передачи аутентичного исторического материала. А последнее, в свою очередь, приводит к тому, что позволяет воссоздавать во всех подробностях исторически достоверную картину прошлого нашего края.

Глава II. Жизненный путь анархиста

Жизнь и деятельность известного террориста, рабочего Мотовилихинского завода Александра Михайловича Лбова в свое время привлекала к себе внимание широких слоев русского общества, печати и правительства. Молва сделала Лбова еще при жизни легендарным героем, богатырем-атаманом, чем-то вроде уральского Кармелюка, человека-легенды. Друзья и враги называли его за храбрость и неуловимость уральским Робин Гудом. Об его приключениях слагались целые мифы, в них он рисуется почти сказочным героем, которому провидением уготована необыкновенная судьба, и который всю свою жизнь посвятил достижению счастья и процветания простого народа. Какими путями он хотел это делать и делал, каких результатов при этом достиг, мы и попытаемся показать в этой книге.

Задачу предлагаемой читателю монографии автор видит в том, чтобы снять эти фантастические наслоения, смыть густой слой ретуши, ненужный в исторических сочинениях, и показать подлинный облик А.М. Лбова – такого, каким он был в действительности, такого, каким он рисуется в аутентичных исторических документах при критическом подходе к информации, сообщаемой в них о мотовилихинском освободителе.

Прежде чем говорить о том, в чем А.М. Лбов видел неустройство и зло в окружающей его жизни, и о том, какими путями и способами он хотел его устранить, необходимо хотя бы кратко осветить ту семейную и общественную атмосферу, в которой он рос, в которой формировался его характер, в которой выкристаллизовались его нравственные ценности. Дело в том, что начало жизненного пути закладывает основополагающие нравственные ценности, и очень редко бывает так, что человек в последующем меняет их радикальным, коренным образом.

С Лбовым этого не произошло. Его основные нравственные ориентиры не менялись, они только были доведены до логически мыслимых пределов в период событий 1906-1907 годов, когда он, можно сказать, получил волю и возможность действовать в соответствии с ними, не считаясь и не останавливаясь ни перед чем во имя их практической реализации. Таким образом, мы можем утверждать с определенной долей уверенности, что Лбов – это результат и продукт среды и воспитания, к рассмотрению которых мы теперь и переходим. Жизнь, отданная за счастье трудового народа, заслуживает того, чтобы она была объяснена. И это объяснение мы начнем с начала его жизненного пути.

Александр Михайлович Лбов родился 11 марта 1876 года в Мотовилихе. Он был первым ребенком в многодетной семье

Михаила Ильича Лбова и его жены Марии Григорьевны, у которых было 27 детей, большинство из которых умерло во младенчестве. Кроме Александра, остались в живых еще три брата: Павел, Василий и Иван. Обратим внимание на ригидный характер выросших братьев Лбова. Павел был убит в 1906 году в пьяной драке, причем об этом пишет сам Александр Михайлович Лбов. Василий был убит в 1899 году. Брат Александр рисует очень непривлекательный его образ. «Его следовало убить, — писал он в «Исповеди», которую написал за несколько дней до казни, — так как он постоянно старался подставить ногу первому попавшемуся и положительно не имел никакой доброты»¹. Сам Александр, по его свидетельству, рос также достаточно жестоким человеком. Он любил быть коноводом юношества, и если кто-то из его товарищей нарушал в чем-то его установления, то он немедленно «задавал ему жестокую трепку».

Это свойство его натуры проявлялось в течение всей последующей жизни. Мальчик окончил Мотовилихинское трехклассное приходское училище и оказывал помощь своему отцу, который в течение нескольких лет занимал должность сотского, и, поскольку был неграмотным, то Александр выдавал жителям Мотовилихи различного рода справки по указанию своего родителя.

Отец Лбова Михаил Ильич был крестьянином. Лбовы в течение 106 лет владели пятью десятинами земли. Но землю отобрали в пользу казны. В разных судебных инстанциях это дело разбиралось до двадцати раз. Восстановить подлинную подоплеку этого события трудно. Однако скорее всего Лбовы захватили в XVII веке неиспользуемую землю, принадлежавшую заводу, и стали ее обрабатывать. Первоначально земля заводу не была нужна, однако по мере его расширения он предъявил свои права на нее, а Лбовы стали отстаивать свои права, используя право давности. Думается, что дело обстояло именно таким образом, потому что многочисленные судебные процессы разного уровня не присудили им землю. Все это происходило на глазах юного Лбова и послужило причиной его ненависти к царским властям.

«В последнее время это дело вел я лично, хотя от имени отца, — вспоминал А.М. Лбов в своей «Исповеди» перед казнью. — На покосах при захвате нашей земли я очень часто вступал в спор и даже в драку с теми, кто хотел воспользоваться землей. И мне удавалось пользоваться землей только тогда, когда силой прогонял своих противников. Были такие случаи, например: помощник лесничего Лебедев накошенное мною сено продал, но у

¹ Аборкин Вл. Человек-легенда // Вечерняя Пермь, 11 марта 1991 года.

тех, кому он продал, я свое сено силой взял с дракой, затем другой лесничий, — Лбов не помнит его фамилии, — вздумал похитить сено, узнав это, я обратился к защите прежде всего старшины, затем старосты, сотского и станowego пристава, и никто мне не оказал помощи. Желая предупредить намерения упомянутого лесничего, я решился убить его топором, но отец мой не дал этого сделать». Так у молодого Лбова формируется своеобразный синдром силы как наиболее эффективного способа разрешения всех сложных жизненных коллизий.

Озлобленность Лбова против правительства и властей вообще вылилась «в элементарную порчу станков»¹, когда он стал работать в сталелитейном цехе Мотовилихинского завода. Наждак, подсыпанный в машину, незаметно вынутый откуда-нибудь винт, керосин, налитый куда не следует, были для него столь же приемлемы, как традиционные на Руси «поджоги», в которых находила свое выражение бессильная ярость народных протестантов против несправедливостей царских властей, — отмечают А. Нерослов и В. Коробейников. Они резонно указывают на ярко выраженное сочетание в действиях молодого А. Лбова стихийного крестьянского протеста с методами английских луддитов, «разрушителей машин», которые получили широкое распространение в Англии в начале XIX века.

«Одного только старался избегать, — вспоминал Лбов, — не сжигать хлеба, соломы, сена, даже отобранного кем-либо моего собственного сена, так как понимал, что через это может повыситься цена на эти предметы, что неприятно отразится на благосостоянии бедняков». Своеобразный комплекс справедливости у Лбова дополнялся ярко выраженной заботой о бедняках. Впоследствии забота о них будет, на первом этапе движения «лесных братьев», одной из постоянных его забот. И наоборот, у Лбова очень рано сформировался на основании многочисленных судебных процессов с «казной» отчетливо выраженный синдром ненависти к российскому государству, ставший впоследствии одним из оснований его анархистских взглядов.

Стремление всюду властвовать, заставлять считаться с собой находило выражение во время кулачных боев на масленицу, которые тогда проводились ежегодно и были традиционными. На них А.М. Лбов — высокий, статный и сильный — показывал свою удаль и спортивную сноровку. Хорошие физические данные Лбова сыграли определенную роль во время призыва в армию: он был взят в лейб-гвардию гренадерского полка, в роту

¹ Нерослов А., Коробейников В. Хватит легенд! Полемиические заметки по поводу очерка о Лбове «Человек-легенда» // Вечерняя Пермь, 4 июня 1991 года.

его императорского величества. По долгу службы ему пришлось неоднократно видеть Николая II. Однако он не подпал под чары его императорского величества. Он решил заняться изучением стрелкового оружия и научиться хорошо владеть им. Посвящая этому значительное время, он достиг выдающихся результатов, за что был произведен в унтер-офицерское звание, и его часто стали ставить часовым ночью на башню Петропавловской крепости. Подверженная открытым морским ветрам, эта служба явилась причиной ревматизма, которым Лбов болел всю последующую жизнь, и который он лечил в Вятской земской больнице осенью 1907 года.

После смерти брата Василия А.М. Лбов, прослужив немногим более года в армии, был уволен в запас и вернулся в Мотовилиху.

Здесь он занялся сельским хозяйством и разведением пчел, количество которых довел до 80 семей и, кроме того, активно занимался садоводством. Сохранились свидетельства очевидцев, в которых они рассказывают о том, как подробно с ними беседовал А.М. Лбов по вопросам, касающимся пчеловодства. Лбов отмечает в «Исповеди», что «родовая моя земля, из-за которой я испортил свой характер, оказалась за мое отсутствие (службу в армии – В.С.) окончательно отобранной» у семьи Лбовых. Однако гвардейский солдат, в течение года служивший в столице, повидавший людей, решил не уступать и показать свой характер. Несмотря ни на что, он снова в 1904 году силой взял землю у своих противников, но пользоваться ею ему уже не пришлось в связи с тем, что он вступил на путь участия в рабочем движении, а затем и в связи с организацией отряда «лесных братьев». В эти годы сам образ его жизни исключал всякую возможность любой производительной деятельности.

В 1899 г. Лбов женился на Елизавете Васильевне Штенниковой и имел от нее двух сыновей – Михаила и Константина. Жену и детей Лбов очень любил. В «Исповеди» перед казнью он называет ее «бедной женщиной-мученицей», которой пришлось из-за него перенести массу «оскорблений, унижений, побоев», изнасилований со стороны стражников, будучи «решительно ни в чем неповинной».

С 14 лет и до службы в армии, в течение 8 лет, Лбов работал в Мотовилихинском заводе в сталеплавильном цехе. В 1904 году Лбов вновь поступает на этот завод, в оружейную фабрику № 2. В начале XX века Россия быстро шла навстречу революции, всюду на заводах и в учреждениях возникали революционные кружки. Возвратившись со службы в армии, Лбов познакомился с местным революционным комитетом, которому был по-

лезен только тем, что «давал свою лошадь для переездов революционеров из одного места в другое»¹.

Упрямство Лбова, его жестокий характер, с одной стороны, и относительная малограмотность, с другой, — помешали ему вникнуть в сущность социал-демократического, да и эсеровского движения, и оставили его на обочине возникающих и быстро растущих в России политических партий.

Некоторое время после службы в армии Лбов работал лесобъездчиком. Последнее ему очень пригодилось в период 1906-1907 г., поскольку хорошее знание лесов, прилегающих к Мотовилихе, позволяло ему долго и умело скрываться от полиции и ингушей.

В.И. Аборкин, пытаясь обелить Лбова и доказать, что он не был уголовником, ссылается на мнение старых большевиков. «И никто из них неуважительно не отзывался о предводителе «лесных братьев», — писал он. — Отмечали, правда, старшие товарищи безыдейность Лбова, его аполитичность, небольшую грамотность и политическую близорукость, но буквально никто из названных коммунистов (Аборкин называет 5 фамилий старых Пермских большевиков — В.С.) не сказал ни одного плохого слова о Лбове. Никто не говорил об Александре Михайловиче как об уголовнике»². Вдумаемся в аргументацию В.И. Аборкина. Если А.М. Лбов, по свидетельству старых большевиков, был аполитичен, следовательно, он убивал людей не во имя идей, не по идейным мотивам, тогда по каким же еще, кроме уголовных? Это не значит, что деятельность Лбова может быть рассматривается как деятельность простого уголовного преступника — в ней была близорукая революционность, которая основывалась на его эмоциональном раздражении против представителей власти, на его «личной озлобленности» на людскую несправедливость. «Озлобленность на людскую несправедливость из-за земли, которую Лбовы потеряли, против казны и правительства привели к тому, что при каждом удобном случае он пытался «вредить» им. На это личное недовольство наслаивались мотивы тех людей, которые присоединялись к нему, в том числе и тех из них, которые хотели погулять и пограбить». Они понимали и чувствовали, что это близкий им человек по духу, не заикленный на политике и на длительной подготовке к революции, обещанной им политическими партиями.

Однако деятельность Лбова, приведшая его к уголовному финалу, когда он должен был в октябре 1907 года «распустить»

¹ ГОПАПО, ф. 25, оп. 1, ед. хр. 85, л. 4.

² Аборкин Вл. Человек-легенда // Вечерняя Пермь, 11 марта 1991 года.

свою боевую дружину, была в общественном смысле неоднозначной. В 1905 году он начинал ее в рядах революционного рабочего движения. Именно это оказывало в последующем влияние на оценку его деятельности. Однако неравнозначность его деятельности свидетельствует не только об определенной «идейной» эволюции А.М. Лбова, но и о сложности тех процессов революции 1905-1907 г., через которые она проходила на Урале.

Лбову было присуще чувство элементарной человеческой справедливости. В качестве примера, свидетельствующего об этом, В.И. Аборкин приводит такой факт: после первого политического митинга на Вышке, когда был убит Лука Иванович Борчанинов, именно Лбов спрятал труп Борчанинова в бане. Он сторожил его от полиции, надеясь возбудить уголовное дело против убийцы, хорунжего Астраханкина, ударившего Луку Ивановича шашкой плашмя по голове. Однако труп Л.И. Борчанинова был отобран полицией. «Надо было, – пишет В.И. Аборкин, – иметь Лбову смелость и гражданское мужество, чтобы пойти на такой поступок!» Да, несомненно, с одной стороны это так. Но с другой, Лбов был преисполнен особого понимания собственного достоинства, собственной завышенной самооценки и презрения к представителям власти, определенная сдержанность которых, их нежелание и неумение идти в своих действиях до конца воспринимались им как трусливая и подлая жестокость, ограниченная какими-то правилами игры, какими-то законами. И то и другое А.М. Лбов знать не хотел, поэтому и действовал более эффективно.

Любые формы протеста рабочих против представителей местных заводских властей вызывали у него внутреннее чувство удовлетворения, своеобразной личной мести за отобранный казной у его семьи участок земли, поэтому он неизменно присоединялся к ним. 20 сентября 1905 года Лбов возглавил «вывод» ненавистного инженера П.М. Сеппайна с Мотовилихинского завода.

19 сентября 1905 года рабочие снарядных цехов бросили работу и устроили собрание, на котором решили удалить инженера Сеппайна, заведовавшего тогда заводским снарядным цехом. Рабочие требовали в цех начальника Мотовилихинского завода Стрельмана для переговоров. Однако вначале Стрельман не хотел идти и просил прислать к нему рабочих депутатов. Но толпа рабочих депутатов не пустила, они вновь требовали горного начальника, как тогда официально назывался директор Мотовилихинского пушечного завода. Стрельман пришел. В 3-м отделении снарядного цеха он увидел огромную плотную толпу рабочих, к центру которой шел узкий проход по рельсовому пу-

ти. По обе стороны стояли рабочие. С.А. Строльман остановился. Но его просили идти дальше, ближе к депутатам.

Он прошел к центру толпы и заявил, что здесь разговаривать бесполезно, так как ничего не слышно, и прибавил, что собрания во время работы запрещены. Рабочие начали говорить о неправильных увольнениях с завода и требовали принять Коровина, указывая на то, что сам Коровин здесь. Строльман ответил, что «Коровина ему не надо». «Как это не надо?», – раздались крики рабочих. Строльман оборачивался по сторонам, желая рассмотреть, кто кричал, но вдруг получил удар в затылок – кто-то бросил в него свернутым пиджаком.

С криком: «В меня бросают, я ухожу», – он едва ушел через узкий проход, который наполнялся свежими группами рабочих. Строльман мог бы пострадать сильнее, но тут вмешался «в дело» его величество случай. От напора толпы в решительный момент разговора Строльмана с рабочими с лязгом рассыпались «снарядные корпуса», которые в цехе складывались «поленицами».

После этого рабочие сами пришли в управление и предъявили требования, выработанные на общем собрании: они требовали удаления инженера Сеппайна, а также требовали принять уволенных рабочих: Коровина, Ястребова, Королева, Носкова и др. 20 сентября, когда Сеппайн пришел в канцелярию цеха, к нему подошли уволенные им рабочие Косяков и Ильиных и просили принять их на работу, но безрезультатно. Сеппайн, посмотрев на них, вышел из инструментального цеха и увидел большую толпу рабочих, которые вначале как бы расступились, пропуская его.

Однако один из рабочих, Лбов, крикнул: «Чего вы стоите!» И тотчас после окрика рабочие насильно взяли Сеппайна под руки и повели к Малой Проходной¹. Дальше события развивались таким образом.

Появился откуда то мешок... С Сеппайна сбили фуражку... Бросили в лицо грязью... сняли с него калоши, одели откуда-то появившиеся лапти и вытолкали из проходной. Сами рабочие спокойно ушли назад в завод. В это утро помощнику горного начальника грозила та же участь, а возможно и кое-что похуже в смысле жестокости расправы. Но Шафалович вовремя заметил настроение рабочих и успел скрыться. Рабочие путем угроз заставляли уйти с завода мастера Крапивина.

– Уходи подобру-поздорову, а то на тележке выкатим, – кричали ему рабочие.

¹ Борьба за власть. Т. 1. Дни неоконченной борьбы. Пермь, 1923. С. 52.

«Настал час возмездия», — послышался чей-то голос вслед убежавшему Крапивину. Лбов кричал: «Ребята, дадим мы еще ему мятку». Толпа рабочих с криком проводила Крапивина из завода. В таких формах рабочие проявили свою ненависть к наиболее ретивым представителям заводской администрации.

На собраниях, которые устраивались уже и во время работ, без разрешения начальства, рабочие, обсуждая результаты «июльских дней», пришли к заключению, что бастовать больше не будут, потому что «надо брать силой».

Силу было решено применить и по отношению к высшей администрации. Рабочим понравилось насильно изгонять с завода наиболее усердных представителей администрации и мало-помалу вводить свои порядки управления заводом.

Результаты событий 19, 20 и 30 сентября были неожиданными для рабочих. Администрация завода связалась с Петербургом и постановила завод закрыть и объявить рабочих распущенными по домам. Виновников забастовки не выявили, однако 8 рабочих отсидели по 8 месяцев. Завод стоял. Группы рабочих не раз обращались к администрации, настаивая на его открытии. Однако дирекция была глуха к подобным просьбам. Вскоре была объявлена перерегистрация рабочих; вырабатывались условия найма. Несмотря на то, что завод стоял, брожение среди его рабочих продолжалось. Скудность рабочих поселка помогала общению рабочих и вне стен завода.

Наступили дни октябрьской свободы. Повсюду начались собрания, митинги. Рабочие кружки в день опубликования манифеста 17 октября в организованном порядке выступили с красными знаменами, с пением революционных песен, сошлись на «Вышке», прошли по Большой улице и этим закончили манифестацию. 18 октября на станции Пермь II был впервые прочитан Манифест «о даровании народу свобод». Железнодорожники толпой двинулись в город. Подъехавшие казаки были остановлены приставом Буровым.

Толпа манифестантов требовала удаления с улицы полиции и казаков. По приказу губернатора это было исполнено. В тот же день толпы мотовилихинцев во главе с кружковым собранием пошли в Пермь «освобождать своих пленников». Шли под лозунгами «Долой самодержавие!», «Да здравствует Учредительное собрание!». Впереди толпы с красным знаменем шел рабочий Мотовилихинского завода А.М. Лбов.

Манифестация вначале направилась было к тюрьме, но затем пошла к дому губернатора, требуя от него лично немедленного освобождения «политических преступников». Именно Лбов грубым окриком не позволил вышедшему к рабочим губернатору Наумову вернуться домой, чтобы надеть калоши. И, фактически

арестованный рабочими, губернатор пошел по грязи, без шляпы, под красным знаменем, к тюрьме освобождать политических заключенных¹.

Настроение рабочей манифестации было крайне нервное. На каждый топот лошадей толпа отвечала тем, что «шарахалась в сторону». При одном крике с чьей-то стороны: «Казачи!», — толпа в панике рассыпалась. Во время освобождения политических заключенных губернатор Наумов, улучив удобную минуту, скрылся. Начальник тюрьмы от имени прокурора окружного суда объявил политическим заключенным еще в тюрьме, что они могут быть свободными. С пением революционных песен из тюрьмы вышли тридцать человек. Освободив «пленников» — политических заключенных, манифестанты до позднего вечера ходили по городу, распевая революционные песни, организуя по пути митинги-летучки. Полиции на улицах не было. Однако настроение рабочих в эти дни характеризовало какое-то чувство неуверенности. Слишком уж неожиданными были объявленные политические свободы. Как-то не верилось, что такое может быть прочным и долговечным.

И действительно, спустя несколько дней в Перми и Мотовилихе стали появляться листовки с погромными лозунгами. Рабочие Мотовилихи, получив информацию о том, что черносотенцы уже второй день расхаживают по Перми, решили дать знать о себе, о том, что «революционное настроение среди рабочих не ликвидировано»².

22 октября рабочие Мотовилихи вновь пошли в Пермь с манифестацией под революционными лозунгами. По пути следования им дали знать, что под влиянием черносотенцев возчики у станции Пермь I готовятся «смять» манифестантов. Среди рабочих несколько человек шедших впереди были вооружены. Проходя мимо возчиков, около станции Пермь I передняя часть манифестации замедлила шаг и дала пройти вперед всем манифестантам, закрывая собой и охраняя тыл шествия. Возчики заметили этот маневр и, испугавшись многочисленности шествия, не тронулись с места. В Перми манифестанты пошли по Сибирской улице, затем по Оханской, потом вновь вышли на Сибирскую. Навстречу им показалась манифестация черносотенцев с большими портретами царя с пением: «Боже, царя храни». Не желая столкновения, мотовилихинская манифестация свернула на Екатерининскую улицу, — черносотенцы приняли этот маневр за трусость и с гиком бросились на «красно-

¹ Революционеры Прикамья. С. 326.

² Борьба за власть. Т. 1. Дни неоконченной борьбы. Пермь, 1923. С. 55.

флажников», бросали в рабочих камнями и открыли стрельбу. На стрельбу рабочие ответили стрельбой, — поднялась перестрелка... Черносотенцы разбежались, манифестация мотовилихинских рабочих также значительно поредела.

Свернув флаги, рабочие разошлись.

При перестрелке оказалось несколько раненых. В Мотовилихе также состоялась небольшая черносотенная манифестация, во время которой проходящему мимо рабочему А. Туркину разбили камнем голову за то, что он не снял шапки.

В Городской Думе социал-демократами и социалистами-революционерами был поднят вопрос о создании рабочей милиции, для предотвращения подобных столкновений¹. Однако гласные Думы все же отвергли предложение партийных организаций. Это послужило поводом к тому, что рабочие, члены организации социал-демократов, а также группа социалистов-революционеров стали вооружаться и организовывать дружины. Дружины рабочих стали нести, по постановлению руководителей организации, охрану города. В Перми дружиной руководил Берштейн, а в Мотовилихе — Александр Борчанинов. Рабочие «пятки» организованным порядком отправлялись в Пермь, где в продолжение целой недели «были начеку». Для нас боевые дружины, время и формы их образования важны потому, что часть их бойцов в последующем войдет в дружину А.М. Лбова.

Выйдя из подполья, социал-демократы устраивают ряд открытых собраний и митингов. На них Пермский комитет РСДРП спешит разъяснить рабочим сущность Манифеста 17 октября и его значение для борьбы рабочего класса с самодержавием. В Народном Доме в Мотовилихе в Октябрьские дни шли беспрерывные митинги. На них выступали выдающиеся ораторы Пермской организации РСДРП Н. Трапезников, В. Владимирский и др.

Здесь же происходили ожесточенные схватки с эсерами, рабочие знакомились с теорией партийной борьбы, которая до сих пор была доступна им только во время занятий в рабочих кружках, которые проводились нелегально. Рабочие узнают теперь подробно о политике, тактике и стратегии партии, знакомятся со всеми течениями в ней и вне ее, с другими направлениями общественно-политической мысли в России. К этому времени вновь приехал на завод Андрей Юрш и стал вновь отдавать много времени работе среди подростков и работников завода. Постепенно молодежь втягивается в активную политическую жизнь. Раньше партийные организации не обращали на молодежь должного внимания. Поэтому она, предоставленная

¹ Там же. С. 56.

самой себе, обычно в свободные от работы часы «билась палками на полях». Здесь издавна вырабатывались смелые характеры из среды рабочих. Здесь впервые стал проявлять свою физическую силу Александр Лбов.

К началу 1905 года в Перми и Мотовилихе, уже вполне оформившись, существовали две самостоятельные организации РСДРП – большевиков и меньшевиков. Мотовилихинские большевики органически не «переваривали» местных меньшевиков, особенно И.И. Карякина. Меньшевики платили им тем же. Было короткое время, когда большевики и меньшевики объединились, однако потом вновь разъединились. В дни октябрьских свобод обстоятельства диктовали необходимость сплотить все наличные силы, способные к революционной борьбе и к руководству все нараставшим революционным движением. После того как удалось добиться «свобод», большевики и меньшевики решили вновь объединиться. Состоялось несколько собраний в доме Мешкова, был избран объединенный комитет. Вместе они проработали немного. После декабрьского вооруженного восстания в Мотовилихе между большевиками и меньшевиками вновь произошел раскол.

Лбов не примыкал ни к большевикам, ни к меньшевикам, однако по характеру своей деятельности, по тяготению к радикальному решению общественных вопросов он был ближе к первым, поэтому отнюдь не случайно после роспуска боевой дружины социал-демократов некоторые из них, в частности «Костя» (Миков), не подчинившись решению партии, перешли в его дружину и находились некоторое время в ней.

Мотовилихинский завод работал полным ходом все октябрьские дни вплоть до декабрьского восстания. Положение рабочих депутатов, которых раньше преследовали, изменилось. Теперь в стенах завода создается Совет старшин во главе с Андреем Юршем. Авторитет совета старшин был очень значителен. Он в ряде случаев повышал зарплату рабочим, и администрация завода соглашалась с ним. Министерство внутренних дел России настаивало на том, чтобы принять решительные меры к ликвидации «означенных союзных организаций», не прекращая работы до полного их уничтожения.

Постепенно революционное настроение рабочих созревает до попытки прямого сопоставления себя с господствующей в обществе силой. Особую роль в этом отношении играли большевики. Рабочие спешно вооружались. Отряды по пять, десять, двадцать человек открыто проходили по улицам Мотовилихи. В кузницах ковали оружие, ножи, шашки. В декабре в Мотовилиху доносятся отклики петербургских событий. Москва поддержала Петербург и объявила всеобщую политическую стачку, к ней

примкнули железнодорожники 29 дорог. Пермские железнодорожники к движению не присоединяются, поезда продолжают ходить под охраной полиции и жандармов. Пермский комитет РСДРП призывает рабочих присоединиться ко всеобщей стачке и насильно прекратить движение поездов, а в случае применения правительством вооруженной силы дать отпор с оружием в руках. Вечером 8 декабря рабочие Мотовилихинского завода знали, что завтра они уже не работают. 9 декабря электричество на заводе выключили, рабочие толпами шли в снарядный цех № 5 – на сходку. Члены Пермского и Мотовилихинского комитета РСДРП указывали рабочим на политическую стачку как на одно из могучих средств борьбы рабочего класса. Рабочие приняли резолюцию о присоединении к всеобщей политической забастовке. В тот же день служащие завода ста шестьдесятю голосами против пятидесяти восьми присоединились к рабочим.

Депутаты рабочих Рудаков, Карякин и Бессонов пошли к Стрельману, требуя открытия цехов завода для сходов рабочих и организации митингов. Под напором ожидавшей многочисленной толпы Стрельман дал на это согласие.

10 декабря рабочие решили идти к губернатору – требовать немедленного освобождения арестованных членов железнодорожного комитета с удостоверением от имени 6 тысяч рабочих за подписями Юрша и Безолуцких. В волостном правлении Мотовилихи рабочие устроили митинг, на котором постановили: 1) образовать народную милицию; 2) выдать две тысячи рублей на ее нужды; 3) выдать ей из волостного правления оружие, сданное на хранение; 4) обложить все население Мотовилихи налогом в 10 копеек на нужды содержания милиции; 5) прекратить выдачу жалованья становым и полицейским; 6) предоставить милиции арестантское отделение.

12 декабря боевая дружина рабочих под руководством Лбова произвела нападение на керосиновый склад братьев Нобель и отобрала там девятнадцать револьверов, предлагая рабочим склада идти на митинг.

Помощник Пермского уездного исправника Правохенский 23 декабря 1905 года в составленном им протоколе отмечал, что после «ограбления револьверов, нападавшие ушли в бондарное помещение, где, как слышал Таранов Д.Я. (заведующий керосиновым складом Нобеля – В.С.), что-то читали. Затем, когда находились у разливной, вышел к ним высокий брюнет в черном полушубке, который называл себя Лбовым, он велел поставить два бочонка, на один сам встал, а на другой велел встать ему, Таранову. Называвший себя Лбовым, стоя на бочонке, говорил о 8-часовом труде, о неувольнении рабочих в случае забастовки и приглашал всех в Мотовилиху 12 числа на собрание в цех № 5,

куда в тот день уходило до 15 рабочих; причем он говорил – работу не смей начинать до тех пор, пока они не скажут, а продлится это не больше трех дней»¹.

Уже в это время Лбов зарекомендовал себя как человек с хорошими организаторскими способностями и одновременно – как участник революционных событий в Мотовилихе, склонный к самым радикальным методам действий (вооружение рабочих). Его «грубый окрик» и внушительная фигура в целом ряде случаев производили желаемое действие. Это, однако, не означает, что Лбов был руководителем декабрьского вооруженного восстания в Мотовилихе. Общего плана восстания у него не было, он проявлял себя как руководитель при проведении определенных операций (захват оружия на керосиновом складе, разборка железнодорожной линии, строительство баррикад на Вышке и т.п.)

На митинге в цехе № 5 члены Пермского Комитета Трапезников и Владимирский призывали рабочих к всеобщему вооружению, к сопротивлению войскам, указывая на необходимость остановить движение поездов. С митинга рабочие толпой пошли на вокзал, вышли на рельсовый путь. Подошедший почтовый поезд № 4, не доходя до станции, остановился. Рабочие с криками бросились к поезду и окружили паровоз. Стащили машиниста и взяли с него слово, что поезда «он не поведет». Рабочие пытались выпустить пар из паровоза, однако побоялись жандармской охраны. Захватив с собой машиниста и его помощника, рабочие уходили на митинг с угрозами: «У нас есть боевые дружины, они справятся с вами и с казаками, если они сунутся».

Рабочие развинчивали гайки на рельсах. Инициативу в этом отношении подал А. Лбов. Его грубый окрик значил в эти дни много. Жандармский унтер-офицер, сопровождавший поезд, осмотрел путь и нашел стрелки испорченными.

В это время на полотне железной дороги показались казаки 7-го Уральского полка под командой хорунжего Астраханкина. Казаки въехали в завод. Здесь их встретили оружием залпом: стреляли со стороны завода, из домов, с улицы. Казаки такого приема не ожидали. В завод казакам преградила путь толпа подростков. Один из них, побольше ростом, вооруженный шашкой, кричал: «Не расходитесь! Стойте дружнее!..»

Рабочие, отстреливаясь, рассеялись.

¹ Вооруженное восстание в Мотовилихе в декабре 1905 года // Красный архив, 1940, т. 6 (103), с. 94-95, протокол помощника Пермского уездного исправника Правохенского, 23 декабря 1905 года.

У Малой Проходной казаков вновь встретили залпами. Одного казака высадили из седла... Они опешили. Ответной стрельбой все-таки рассеяли толпы рабочих. Вскоре они вернулись обратно в Пермь. С темнотой улицы Мотовилихи вновь оживились. Группы вооруженных рабочих разоружали полицейских — отбирали у них оружие.

В рабочем клубе под видом милиции А. Борчанинов инстинктивно организовывал боевые отряды, распределял их по участкам.

Первая, самая сильная, засада была организована у Малой Проходной, ее составлял десяток Пташинского. На углу Камской улицы «засел» эсеровский десяток. Третий десяток засел у Сунцева моста. Лбов строил баррикаду на Висиме. 13 декабря губернатор дал приказ подавить восстание вооруженной силой. Перепалка с казаками произошла у Сунцева моста. Баррикады оставались неиспользованными, казаки туда не поехали. Наиболее острое столкновение произошло у Малой Проходной. Рабочие в столкновении с казаками и солдатами потерпели поражение, после чего в Перми начались аресты. Арестовали членов Пермского комитета РСДРП и ряд рядовых работников, всего — до 20 человек¹.

Опасаясь ареста, А.М. Лбов ушел в лес вместе с М. Стольниковым. Началась новая глава его жизни, связанная с созданием им дружины «Лесные братья», с многочисленными экспроприациями и вооруженными стычками с полицией, т.е. с той деятельностью, которая создала ему скандальную славу и подготовила его гибель.

Пермская охранка, как пишет В. Аборкин, сожалела о тех упущенных временах, когда у нее была возможность схватить Лбова и расправиться с ним. Это было после манифеста 17 октября 1905 года.

Уволенный с завода Лбов на свои средства накопил социалистическую литературу и отправился по селам и деревням Оханского уезда, пропагандируя идею восстания и свержения царя. На одном из таких собраний он был схвачен полицией, избит и брошен в тюрьму, в которой он просидел около месяца, прежде чем его выпустили. Вернулся Лбов из Оханска в родную Мотовилиху еще более озлобленным. Он стал выступать с антиправительственными речами на базарной площади, на вокзале, у проходной завода, в любом месте, как пишет Владимир Аборкин, где собиралась хоть небольшая толпа людей. В ту пору он часто встречался с руководителями большевиков, не проводя водораздела в своей практической деятельности с ними,

¹ Аборкин Вл. Указ. соч. // Вечерняя Пермь, 11 марта 1991 года.

что, конечно, не относилось к его взглядам. После того как он ушел в лес, у него находили временный приют многие большевики, которые скрывались от преследований полиции за свои действия. Однако даже и в этот период, находясь в дружеских отношениях с рядом большевистских руководителей, Александр Лбов не разделял их взглядов. Он мог часами, как пишет В. Аборкин, слушать молодых большевистских агитаторов, таких как Клавдию Кирсанову и Владимира Урасова, однако, он предпочитал говорить с ними «о разных вещах», но только не о политике. К тому же он предпочитал больше слушать, чем говорить.

В этом сказывался его предельный прагматизм. В основе его лежало положение, которым он неукоснительно руководствовался: я послушаю, что вы говорите, но решу сам и сделаю только то, что мне нужно. Рассматривая жизненный путь Лбова, невозможно опустить то, как он сам его оценивал, какие цели он ставил, когда возглавил движение «лесных братьев», поскольку это представляет, пусть и во многом субъективную, однако, смысловую канву его деятельности. Особый интерес в этом отношении представляет период 1906-1908 г., когда он был руководителем лбовщины, специфического социального феномена, названного его именем.

Прежде всего, Лбов подчеркивает свою личную честность. Он пишет: «Все разбои, учиненные по моим планам, имели целью взять казенные деньги и потратить их на революционные надобности. Я лично никогда не имел денег, а все, что добывалось нами, употреблялось частью на приобретение оружия, и частью отсылалось в разные революционные комитеты, и очень много тратил на нужды бедняков крестьян, покупая им обувь, одежду, лошадей, коров и даже дома». Как подробно будет показано дальше, первоначально так оно и было. Однако чем дальше шла эволюция его отряда, тем больше это становилось не так. Вначале это коснулось рядовых членов отряда, которые, чем дальше развивались события, тем больше просто хотели хорошо пожить и пограбить. Лбов боролся с такими ценностными ориентациями. Однако с приходом в его лагерь А. Беляковой он изменил свою позицию и стал скупко делить награбленное с партнерами, а большую часть добычи оставлял в своем распоряжении. Иначе как объяснить тот факт, что при аресте в Нолинске у него в сапогах были зашиты «хорошие деньги», и еще сумма денег поменьше была зашита в брюках. Об этом он сам пишет в своей «Исповеди», очевидно, волнуясь и не помня, о чем писал ранее. А, скорее всего, он пишет об этом для того, чтобы еще раз попытаться блеснуть перед органами порядка, намекая им: опять вы прозевали. Опять я вас обманул...

Второе, чем был озабочен бывший экспроприатор в конце своей жизни, заключалось в том, чтобы показать, что он не допускал никакого недетерминированного насилия. Он писал: «Шайка таких же людей, как и я, у меня была очень велика и оперировала в разных местах, но все, что ни делалось, — делалось с моего ведома, никто из моих сподвижников при ограблении не позволял себе убивать женщин или детей. У нас было поставлено: при ограблении винных лавок прежде всего сказать продавцам, чтобы они уходили из помещения. А в противном случае будет брошена бомба. Не исполнивших наши приказания были только две женщины, которые и поплатились жизнью»¹.

Для нас в данном случае важно то, что, во-первых, Лбов прямо называет свой «революционный отряд» шайкой воров, поскольку они, как пишет он сам, «грабили» винные лавки. В контексте он употребляет и то, и другое понятие. Ему в данном случае важно показать и доказать, что его «шайка» не убивала женщин и детей, и «коли есть где-либо в газетах, что нашими убиты дети, то это неправда и суцая ложь, я сам лично в ограблениях не участвовал, но всеми руководил»².

Здесь опять-таки содержатся два несоответствия истине. Во-первых, как будет показано дальше, он и сам участвовал в ограблении ряда винных лавок; а во-вторых, там, где он не участвовал, он и не знал обо всех безобразиях, которые творили люди его отряда. Они хорошо знали Лбова и поэтому информировали его только о тех делах, которые он одобрял. Последнее было особенно характерно для последнего периода деятельности «лесных братьев».

Лбов раскрывает некоторые свои планы, которые не были реализованы в виду неудач, настигших «лесных братьев» вследствие провокации. Не удалось лбовцам «овладеть всем Богословским округом», как это они намечали. Не удалось им реализовать план «взятия всего города Перми, для чего, по его свидетельству, было сформировано 5 отрядов»³. План не удалось реализовать, потому что из двух отрядов, посланных для реализации этой цели, «второй испортил все дело и план пропал»⁴. Отряд, выданный провокатором, напоролся на засаду и был арестован.

Александр Михайловичу перед лицом близкой смерти хотелось похвалиться своей храбростью и порядочностью. Так, он пишет, что «при ограблении Надеждинской конторы я сражался

¹ ГОПАПО, ф. 25, оп. 1, ед. хр. 85, л. 4.

² Там же.

³ Там же. Л. 4 и 5.

⁴ Там же. Л. 5.

с 70 вооруженными, а моих было 17 человек, и нами было взято все, что нужно, но один из моих товарищей по своей глупости понес мелкую серебряную монету открыто в шляпе и был задержан на 4-ом квартале от конторы». Жадность его и неумение скрыть ее и погубила все дело.

Отмечая все эти факты, Лбов хочет подчеркнуть свою руководящую роль. Так, он отмечает, что хотя «при ограблении» парохода «Анна Степановна» он лично не участвовал, но «все делалось по выработанному моему плану», в убийстве начальника главного тюремного управления Максимовского он участвовал, в доставке динамита в количестве 15 фунтов. В этом он сыграл решающую роль. «До последнего времени» (т.е. до своего ареста в Нолинске – В.С.), он с гордостью отмечает, что состоял «главным членом» в «Уральском боевом союзе» и подписывал смертные приговоры от исполнительного комитета этого союза².

Исследователи лбовщины (В. Аборкин и др.) обычно подчеркивают мужественное и благородное поведение Лбова во время следствия и суда над ним. Они это усматривают в том, что он никого из своих сподвижников не выдал, и этот факт соответствует истине. Действительно, и мы в этом имели возможность убедиться на основе его «Исповеди», – а это единственный письменный документ, оставленный Лбовым. Краткие распоряжения по отряду, обращения к купцам и другим состоятельным людям с требованием дать денег по своему смысловому и нравственному содержанию не могут быть сопоставлены с этим документом.

И все-таки говорить о том, что Лбов был до конца искренним в своей исповеди перед казнью, не приходится. В этом документе он ставил перед собой и перед будущими читателями своего «жизненного отчета» две взаимосвязанные проблемы: 1) подчеркнуть свою руководящую роль в наиболее крупных акциях своего «Первого революционного отряда» (экспроприациях и террористических актах); 2) отмежеваться от наиболее одиозных фактов, которые их сопровождали (убийство женщин, детей, стариков). Акцентируя внимание читателей «Исповеди» на социальном аспекте своей деятельности, Лбов ничего не пишет об эволюции своих взглядов и взглядов своих сподвижников. Он ничего не пишет о последних неделях существования «лесных братьев», о том, каким путем можно было бы сохранить отряд, и было ли это возможно в тех условиях. Ничего он не пишет о том впечатлении, которое на него лично произвело известие о за-

¹ Там же. ГОПАПО, ф. 25, оп. 1, ед. хр. 85, л. 5.

² Там же.

крытии Надеждинского завода, после убийства его директора Прахова. В «Исповеди» ничего нет о его личной судьбе в последние дни существования «лесных братьев». Эти и многие другие стороны лбовщины как социального явления на завершающем этапе первой российской революции не нашли в этом документе никакого упоминания. Попытаемся высветить значение этих проблем на основании тех архивных документов, мемуаров и публикаций, которые имеются в нашем распоряжении. Разумеется, мы далеки от мысли о том, что, во-первых, все документы, свидетельствующие об этом, сохранились, а, во-вторых, все они известны нам и найдены нами. Это, конечно, имеет определенное значение для полноты исторической картины существования лбовщины на Урале.

Однако для нас в данном случае важно то, что нарисованная нами картина данного социального феномена является наиболее полной из всех существовавших до настоящего времени. Это служит оправданием подготовки монографии по данной теме. В свою очередь подготовка и выход в свет данной монографии рассматривается ее автором как толчок, как своеобразный стимул к дальнейшему изучению данного вопроса, что, несомненно, должно будет способствовать расширению наших представлений о тех революционных процессах, которые происходили на закате первой русской революции на Урале, о той трансформации нравственных ценностей, которая была присуща участникам революционного движения, в том числе «первому революционному отряду», как называл А.М. Лбов движение «лесных братьев».

Глава III. Знаменитый экспроприатор (Социальный портрет без ретуширования)

Деятельность Лбова нуждается, во-первых, в объективном освещении с учетом достоверных фактов. А во-вторых, в вытекающей из них, а не надуманной спекулятивной интерпретации. Реализовать эти задачи придется, продираясь через сложившийся налет мифов и легенд, который окружал легендарного пермского экспроприатора.

В народном сознании о Лбове сложилось представление как о знаменитом разбойнике, который вел беспощадную борьбу с администрацией и полицией, чиновниками и купцами, со всем социально-экономическим строем тогдашней России, который нападал и грабил казенные винные лавки, облагал данью богатых купцов, сурово карал жестоких чиновников и полицейских, оказывал щедрую материальную помощь беднякам, сиротам и вдовам, всем представителям социального дна Прикамья. Своеобразный апофеоз Лбова, описание его жизни и деятельности в легендарных тонах и красках со стороны народных низов основано на том, что он своей властной рукой, своей справедливой волей мог моментально разрешить тяготы жизни, несправедливости социального уклада местного уральского населения, его гнетущую бедность, несправедливое давление и преследование властей¹. Лбов остался героем легенды, вплетенной в местный фольклор, в которой народ мечтал о будущей счастливой жизни, рассматривая его как могучего избавителя от тех наиболее острых контуров горя и разного рода несчастий, которыми изобиловала жизнь пролетаризированных люмпенов, для которых он был сладкой сказкой, дающей скорое избавление от невзгод жизни.

С другой стороны, в сознании образованного российского общества Лбов был и остался на долгое время исключительно удачливым разбойником, который своими экспроприациями навел ужас на состоятельные слои населения.

Пробираясь через противоречивые архивные источники, сопоставляя показания одних со свидетельствами других, отодвигая и не доверяя тем из них, которые не выдерживают критики, мы попытаемся объективно, «без гнева и пристрастия» взглянуть на лбовщину как на особое социальное явление периода окончания первой российской революции, как на симптом

¹ Веселовский В.А. Камская вольница // Пермский краеведческий сборник. Выпуск III. Пермь, 1927. С. 64-79.

и продукт ее упадка, а также тех социально-экономических и культурных условий, которые тогда сложились на Урале.

Наша задача будет заключаться в том, чтобы высветить систему основных смысложизненных ценностей А.М. Лбова и лбовщины, т.е. его окружения. Жизненные ценности Лбова и лбовцев – бойцов его отряда не совпадали полностью, и противоречия между ними выступали движущей силой данного социального явления. Если на первом этапе движения Лбов выступал как эталон чистоты этих принципов, как выразитель и властный блюститель социальной ориентированности производимых «лесными братьями» экспроприаций, то на заключительном этапе движения, на этапе его распада и гибели жизненные ценности Лбова изменились. К этому добавилось его моральное разложение под влиянием Апполинарии Беляковой и ее дружка «Карпа» (Егора Мельникова – В.С.)

В этих условиях дальнейшие действия «лесных братьев» были невозможны ни под какими бы то ни было социальными лозунгами. Экспроприации становились средством перераспределения личной добычи, а это уже был настоящий грабеж государства и богатых представителей населения. Это ускорило гибель движения, поскольку его участники не захотели жертвовать своими жизнями во имя обогащения своего руководителя и лиц из его ближайшего окружения. Несомненно, что это внутреннее противоречие лбовского движения ускорило его конец.

Однако наряду с этим нужно иметь в виду и внешнее противоречие – между лбовским отрядом, поддерживающей его частью населения и официальным уральским обществом и государственной властью России, оказывающей ему (обществу) существенную и все возрастающую поддержку.

После роспуска II Государственной Думы правительство России приступило к решительному наведению порядка во всей Российской империи. В результате все анархистские боевые дружины и группы, действовавшие на Кавказе, в Прибалтике, в центральной России и на Урале были разгромлены, а большинство их участников предстали перед судом.

Лбовское движение, лишенное поддержки окружающего населения, очень чутко реагировавшего на подвижки и изменения, которые происходили внутри отряда, опасаясь все более строгих полицейских преследований, перестало оказывать помощь отряду, а замена кадров в полиции и охранке сказалась на результативности деятельности «лесных братьев». Они стали терпеть поражения и неудачи, которые привели к окончательному краху движения.

К недостаткам всех попыток анализа лбовского движения следует отнести то, что они обычно строились на априорных, заранее заданных схемах его развития, определяемых не состоянием источниковедческой базы исследуемой проблемы, а возможностями и потребностями политических условий, которые накладывали решающую печать на подбор и интерпретацию источников или просто заменяли их умозрительными спекуляциями, вытекающими из потребностей общества в самоутверждении. Отвергая в принципе такой подход как ненаучный, попытаемся дать объективный анализ деятельности Лбова и «лесных братьев», руководствуясь прагматическим принципом «как это было в действительности» *без всяких субъективных привнесений*.

Почти за два года его существования лбовское движение прошло различные этапы своего развития. Если считать время от бегства Лбова в лес после вооруженного восстания в Мотовилихе в декабре 1905 года до его поездки из-под Мотовилихи в Вятскую губернию в октябре 1907 года, то отчетливо можно выделить следующие этапы движения «лесных братьев».

Первый этап. Лбов живет в лесу один, начиная с конца декабря 1905 года, затем весной 1906 года к нему присоединяются два беглеца – Василий Пищулев и Михаил Стольников, а в начале лета прибавилось еще несколько человек. Весной Лбов приобрел оружие, первым экземпляром которого была солдатская винтовка, купленная у боевой дружины эсеров. Винтовку Лбов не замедлил пустить в «дело». Мотивы мести сыграли и здесь решающую роль. Однажды, сидя под Мотовилихой на горе, недалеко от которой находились кирпичные сараи купца «Ш.», который раскрыл полиции роль Лбова в декабрьском восстании в Мотовилихе, и он (Лбов) знал об этом, он увидел там его самого. Будучи отличным стрелком, он тщательно прицелился, и несмотря на большое расстояние, около версты, пуля раздробила доносчику правую руку. «Это был первый шаг, – писал Н. Чердынцев, – в смысле перехода от слов к делу, он произвел на жителей Мотовилихи сильное впечатление и положил начало грозной силе Лбова»¹. Однако в течение всего 1906 года набеги Лбова и террористические акты были сравнительно редкими и носили, в основном, характер мести различным чинам полиции и городской администрации, которые «наиболее крепко» досаждали рабочим.

¹ Чердынцев Н. Указ. соч. С. 200.

Второй этап в развитии лбовского движения наступил в начале весны 1907 года и продолжался все лето. Это был расцвет движения «Лесные братья», когда оно стало массовым, а масштабы его деятельности приковали к себе внимание всей России. Начало этого этапа было связано с приездом в Пермь боевиков из Петербурга в январе 1907 года. Они внесли заметное оживление в активизацию движения «лесных братьев» своей необычайной смелостью и дерзостью нападений на чинов полиции, администрации и своими расправами с провокаторами.

Наконец, третий этап в развитии движения «Лесные братья» – август-сентябрь 1907 года – поражение движения, его разгром и самоликвидация отряда.

Прежде чем анализировать деятельность «лесных братьев» и их руководителя, необходимо хотя бы кратко остановиться на их идеологии, поскольку какие-то зачатки ее у них должны были быть, для того чтобы составить представление об основных формах их деятельности и о том, чего они хотели добиться в будущем, т.е. каков был их общественной идеал, на основании анализа которого можно составить представление о политической направленности движения и о его названии.

В конце 1904 года Лбов вошел в кружок, организованный в Мотовилихе партией эсеров, и проникся социалистическими понятиями в духе этой партии. Особенно понравился ему тезис эсеров о социализации земли, о том, что земля должна принадлежать тем, кто ее обрабатывает, а также эсеровское положение о распределении земли по трудовой норме. Это положение прямо лило воду на его личные отношения с казной по поводу участка земли, отнятого у семьи Лбовых. Через призму этого конфликта Лбов рассматривал все общественные отношения и свою личную социальную позицию. В свете эсеровского учения он стал критически относиться к собственному положению и к положению рабочих и крестьян вообще. Однако он смутно понимал противоречивые положения программы эсеровской партии. Положение о коллективизме он отрицал в принципе, считая, что без хозяина, без руководителя на крупном предприятии не будет порядка, и оно не сможет эффективно работать. Именно поэтому он установил единоличное командование и жесткую дисциплину в своем отряде.

Смутность, расплывчатость и неопределенность общественно-политических взглядов Лбова выразились в его политической близорукости, в предельном прагматизме, который, обеспечив на некоторое время успех движения «лесных братьев», делал это движение политически бесперспективным и с неизбежностью вел его к превращению «экспроприаторов» в шайку

воров и грабителей. «Мы политикой не занимаемся», — любил повторять Лбов, не понимая, что стояло за этими словами. Если они не занимались политикой, то чем тогда убийства и грабежи, а сам Лбов так и называл экспроприации и террор, отличались от обыкновенного бандитизма? Он считал, что это отличие заключалось в том, что бандиты присваивают награбленное себе, а его отряд распределяет экспроприированные средства среди нуждающихся слоев населения, существуя, однако, за счет этого «грабежа». А последнее вызывало желание у бойцов отряда увеличить долю, идущую на свое собственное содержание, т.е. тенденция к превращению «лесных братьев» «в шайку воров и грабителей» была заложена в слабой мировоззренческой и идеологической проработанности теоретических взглядов Лбова, а вернее, в отсутствии таковой. Со всей очевидностью это видно из лбовской фразы о том, что «наше дело бить царскую свору, винтовки да деньги для большого восстания запастись». А если большого восстания не будет, тогда что? Такой вопрос Лбов не ставил, а если его ставили, то он отмахивался от тех, кто его задавал, как от назойливой мухи, давая понять, что оно все равно будет, и к нему надо быть готовым.

Возникает вопрос о том, как он представлял себе будущее России после переворота, после свержения царя. Обычно он называл себя «анархистом-коммунистом». Отсюда необходимо сделать вывод о том, что он отрицал роль государства, относился к нему негативно, поэтому лбовцы и грабили прежде всего государственные учреждения: винные лавки, почтовые конторы, банки, государственные (казенные) заводы. Грабеж отдельных богатых лиц, прежде всего купцов, был связан с тем, что они чем-либо не угодили «лесным братьям», а также с тем, что они очень нуждались в это время в деньгах, а достать их было нелегко. Таким образом, этот вид грабежа для них имел второстепенное значение. Будущее России Лбову представлялось как федерация самоуправляющихся общин, в которых будет соблюден принцип равенства при распределении земли. Каждый крестьянский двор будет обеспечивать свой достаток и благополучие. Все вопросы, касающиеся общины, будут решаться на сходке ее членов; что же касается фабрик и заводов, то тут взгляды Лбова были еще более расплывчатыми и неопределенными. И здесь, несомненно, сказалась его связь с землей, с крестьянством. Он считал, что фабрики и заводы должны принадлежать тем рабочим, которые работают на них. Рабочие должны выбирать для управления заводами самых крепких и умных руководителей, которые должны обеспечивать порядок на предприятии во время работы и демократию во время решения важ-

нейших вопросов их жизни и деятельности. Идеал анархо-коммунизма, развиваемый в России в конце XIX – начале XX веков П.А. Кропоткиным и другими представителями данного учения, конечно, был не осуществим, потому что носил откровенно утопический характер. В этом пункте кроется основной пункт расхождения Лбова с социал-демократами, благодаря которому он, несмотря на тесные связи с ними, отказался войти в их партию.

Основными формами лбовского движения были экспроприации и индивидуальный террор. Экспроприации дополнялись поборами, которыми Лбов облагал население в пользу своего дела. Террор развивался в основном как форма самозащиты Лбова и его отряда.

О масштабах лбовских экспроприаций свидетельствуют данные, приводимые в статье А. Нерослова и В. Коробейникова «Хватит легенд!». Они пишут о том, что из 39 «эксов», организованных «лесными братьями», только 11 из них носили «частный характер», причем половина из них пришлось на июль 1907 года¹. По нашим подсчетам, «лесными братьями» было произведено свыше 40 экспроприаций. Состояние источников таково, что оно не позволяет проводить строгое различие, кем проводилась экспроприация – «лесными братьями» или теми авантюристами, которые выступали от имени Лбова и не имели к нему и к «лесным братьям» никакого отношения.

Боевая деятельность лбовцев не сводилась только к экспроприациям и террору, которые в своей совокупности обеспечивали максимальное воздействие на ситуацию в тех местах, в которых они действовали, к чему они, собственно говоря, и стремились.

Формы эти были следующими:

1. Вооруженное сопротивление чинам полиции, казакам, жандармам и некоторым воинским частям, от преследования которых Лбову и его сподвижникам приходилось уходить еще до свершения каких-либо экспроприаций. Это хронологически первая форма борьбы, которая сохранялась на всем протяжении существования лбовского отряда, как отмечал Б.Н. Назаровский².

2. Террористические акты против доносчиков, шпионов и предателей, помогавших полиции в розысках членов дружины и других участников революционного движения.

¹ Нерослов А., Коробейников В. Указ. соч. // Вечерняя Пермь, 4 июня 1991 года.

² ГОПАПО, ф. 25, оп. 1, ед. хр. 87, л. 69.

3. Террористические акты против чинов общей полиции, жандармерии и военных чинов.

4. Террористические акты против особо ненавистных рабочим лиц заводской администрации.

5. Экспроприации вооружения и боеприпасов, которым лбовцы придавали исключительно большое значение.

6. Денежные экспроприации: средств казначейства, казенных винных лавок, финансовых и материальных средств, пересылаемых по почте, за которые казна несла полную ответственность. «Лесные братья», особенно на первых порах своей деятельности, уделяли значительное внимание уничтожению принадлежавшего казне имущества, в частности той его части, которую они не могли унести с собой. Они бросали бомбы в казенные винные лавки, били посуду с водкой, чтобы нанести казначейству ущерб.

7. «Лесные братья» проводили экспроприации у частных лиц – в заводских конторах (на частных и государственных заводах – без различия), у торговцев, владельцев предприятий сферы обслуживания.

8. Они активно преследовали черносотенцев за их деятельность, предъявляя им ультиматумы, рассылая письма с угрозами вооруженной расправы, налагая на них «штрафы» за их черносотенную деятельность.

Лбов не утратил связей (он никогда их не утрачивал – В.С.) с революционным движением в стране, и формы его борьбы были в основном теми же, что и у других боевых дружин и отрядов политических партий левого спектра.

Экспроприации, проводившиеся Лбовым в казенных винных лавках, не носили характера грабежей. Они представляли революционные партизанские вылазки. Это были наиболее доступные для небольших отрядов места, где находились казенные деньги. И их изъятию лбовцы стремились придать, по крайней мере внешне, революционный характер. На экспроприацию в «казенке» лбовцы выходили с развернутым красным знаменем, и оно развевалось все время, пока данное село находилось фактически в их руках. Так было в селах Троица, Лобаново, Кольцово Пермского уезда, в деревне Коптеевке Екатеринбургского уезда. «Лесные братья» забирали всю выручку «казенки», срывали вывеску и уничтожали запасы вина. Поскольку это было в деятельности лбовцев наиболее часто повторяющимся явлением, рассмотрим его более обстоятельно и подробно не только с точки зрения отработанной технологии уничтожения винных лавок, но и с точки зрения тех «доходов», которые от таких акций они получали.

26 апреля 1907 года в селе Троица Пермского уезда лбовцы взяли в винной лавке 78 рублей деньгами и разбили посуду с вином. Более 1000 рублей денег, находящихся в запертом ящике, лбовцы не нашли. Поискав деньги в разных местах и ничего не найдя, кроме дневной выручки, лбовцы начали бить посуду с вином, разбивая бутылки двумя топорами. Разгромом винной лавки руководил сам Лбов, стоявший около окна лавки на улице и кричавший продавцу: «Давайте нам вина, крестьяне хотят пить».

В Хохловке в винной лавке было похищено лбовцами 631 рубль, уничтожено вина на 705 рублей и разбито посуды на 183 рубля¹. Это была сравнительная удача, – в других «казенках» такие суммы лбовцам удавалось получать не всегда.

Так, например, при нападении на казенную винную лавку № 95 в селе Сенькино 14 июня 1907 года была взята только дневная выручка 10 рублей, сберегательные марки и книжки на 25 рублей. «Затем один из грабителей потребовал у продавца ключ от дверей, выходящих на улицу, после чего отворил двери, грабители распорядились выносить вино на улицу, где к тому времени собралась большая толпа народа»². Однако поживиться им не пришлось. Лбов вплоть до осени 1907 года не пил и не курил и не разрешал пьянствовать своим бойцам.

Все бутылки с вином, вынесенные на улицу, были перебиты. По справке управляющего акцизными сборами видно, что «в селе Сенькинском злоумышленниками похищено сберегательных марок на 25 рублей, ограблено и уничтожено вина на 412 рублей, стеклянной посуды на 66 рублей. При осмотре судебными следователями казенной винной лавки № 95 обнаружено, что «место кругом ее усыпано осколками битого стекла, вполне похожего на стекло казенного вина». Уничтожение лбовцами вина в казенных лавках вызывало негативную реакцию местного крестьянского населения. Они не понимали, зачем нужно уничтожать такое добро. Поэтому, когда нападения на винные лавки лбовцами производились по его указанию, но без его личного присутствия, лбовцы били не всю посуду с вином, а предлагали присутствующим крестьянам брать вино. Так было при нападении на винную лавку в селе Лобаново.

При нападении на казенную винную лавку в тот же день (26 июня – В.С.) в селе Кольцово было похищено 83 рубля деньгами, на 17 рублей сберегательными марками, деньгами от продажи вина (дневная выручка, составившая 8 рублей – В.С.),

¹ ГОПАЛО, ф. 25, оп. 1, ед. хр. 87, л. 81.

² Там же.

кроме того, перебито вина на 496 рублей 85 копеек, изрублено посуды на 72 рубля 62 копейки, разломана вывеска магазина стоимостью в 2 рубля 50 копеек¹. Свидетель А.В. Леготкин показал, что у лавки стояла толпа народа, а один человек высокого роста с ружьем посылал народ к лавке за вином. Он опознал потом по карточке в этом человеке Петра Пермякова.

Иногда лбовцы бросали в винные лавки бомбы, чтобы, как говорится, одним махом решить стоявшие перед ними задачи и перебить все бутылки с вином. Так, 31 июля 1907 года «неизвестные молодые люди» числом 8 человек напали на казенную винную лавку в деревне Филькино Верхотурского уезда, силой похитили из кассы деньги, взяли несколько бутылок водки и ушли. 24 августа 1907 года налет на лавку повторился. Но при этом нападавшие, когда им открыли двери, стали стрелять, а вслед за тем бросили бомбу в окно «казенки».

Затем грабители бросили вторую бомбу, от взрыва которой был поврежден пол, стены, и были выбиты все стекла вниз, в первом этаже лавки. При нападении на казенную винную лавку в селе Коптяки Кашаульской волости Верхотурского уезда 26 августа 1907 года было похищено около 70 рублей денег, «и разбита посуда с вином». При этом присутствовала толпа местных жителей, которых «грабители пригласили разбирать водку»². Иногда «лесные братья» поджигали казенные винные лавки. 28 августа 1907 года в Надеждинском заводе ими была подожжена с двух концов и сгорела казенная лавка № 936. В документах полиции нигде не говорится о том, что лбовцы пьянствовали. Только в одном случае по документу, найденному в архиве Б.Н. Назаровским, засвидетельствован такой факт. После операции лбовцев на Туринских рудниках один из привлеченных в качестве свидетелей, К.Ф. Сибиряков, показал, что он наткнулся в лесу на компанию, состоявшую из 11 человек. Они кипятили чайники, некоторые из них лежали, другие сидели, однако все они были изрядно выпивши, и свидетель не сомневался в том, что это была шайка Лбова³.

Одна из свидетельниц по лбовским операциям в Надеждинском заводе Н.А. Пермякова показала, что в августе-месяце в этом заводе «все жили в страхе и ходили разные слухи, что будут жечь винные лавки». Лбовцы выдвинули общее требование прекращения винной торговли. Своими постоянными нападениями на казенные винные лавки им однажды удалось добиться

¹ ГОПАПО, ф. 25, оп. 1, ед. хр. 87, л. 82.

² Там же. Л. 83.

³ Там же.

закрытия всех винных лавок в Мотовилихе и прекращения в ней торговли вином на три недели. Требование прекращения торговли вином – старое и широко распространенное крестьянское требование. Продажа вина составляла одну из главных статей в доходах государственной казны и, дезорганизуя ее, «лесные братья» рассчитывали подорвать один из устоев российского государства. Кроме того, в народе жило сознание, что пьяный человек становится податливее, и спаивание народа входит в программу российского правительства. Не употребляя вина, лбовцы широко применяли практику «угощения» им местных жителей, которые с жадностью на него набрасывались и перепивались. Это входило в расчеты лбовцев. Пьяные обыватели лишались способности немедленного вызова полиции и, как соучастники грабежа, давали на следующий день сбивчивые и намеренно путанные показания. Однако это было уже под конец операций лбовцев в винных лавках.

Забрав кассу, учинив погром в казенной винной лавке, лбовцы забирали «случайных» проезжих лошадей и быстро гнали домой или на дальнейшие грабежи. Один из наиболее шумевших «эксов» был совершен лбовцами зимой 1906 года в селе Кольцово. Из Кольцово лбовцы разъехались по окрестным селениям и до наступления ночи совершили еще 3 экспроприации. Лошадей как средство передвижения, они у местных жителей не трогали, чтобы не вызвать напряженных и неприязненных отношений их к себе. Забрав лошадей у жителей сел, соседних с тем, в котором производилась экспроприация в винной лавке, и оказавшихся, как говорят, «под рукой», т.е. поблизости, «лесные братья» после поездки отпускали лошадей, и хозяева всегда находили их. После экспроприации боевики возвращались в лес, а «охотники» – по домам.

Дело в том, что в операциях в «казенках» лбовцы использовали не только своих людей, но и охотников. Это происходило так: Лбов отбирал из своего отряда несколько человек и присоединял к ним «охотников» со стороны. Когда Лбов бросал клич для желающих принять участие в «эксе», на него сбегалось с деревень и заводов столько желающих, что, по свидетельству Н. Чердынцева, «многим приходилось отказывать»¹. По мере роста полицейских репрессий подготовку к «эksam» приходилось проводить в глубочайшей тайне, и сама операция протекала очень быстро, чтобы не успела нагрянуть полиция и захватить экспроприаторов. Отряд внезапно, словно из-под земли, вырас-

¹ Чердынцев Н. Указ. соч. С. 202.

тал в намеченном пункте. Часть боевиков – членов отряда становилась на караул. Часть занимала боевые позиции с самодельным оружием, и, наконец, часть с криком: «Руки вверх!» врвалась в винную лавку и отбирала у продавцов деньги.

Соппротивление оказывалось редко: пули и бомбы мигом прекращали его. Сам крик: «Руки вверх», – вселял в то время в обывателя, служащего в заводской конторе, продавца в винной лавке панический ужас и «заставлял застыть на месте самого подвижного человека». Служащие с поднятыми руками оставались неподвижны, моля бога о сохранении жизни, пока лбовцы орудовали в кассе, и даже после их удаления еще долго не решались опустить руки и двинуться с места.

За каждым охотником обычно числилось участие в пяти-шести экспроприациях. Осложнения в них бывали редко, с их виновниками поступали очень сурово, обычно расстреливали на месте.

Это произошло 12 мая 1907 года при экспроприации в казенной винной лавке. Губернатор А.В. Болотов 19 мая 1907 года телеграфировал в Министерство внутренних дел: «Вчера утром шайкой известного разбойника Лбова в числе 13 человек ограблены в Хохловском селе Оханского уезда контора Абамелек-Лазарева и казенная винная лавка. Похищено 1000 рублей»¹.

Толковое донесение о событиях в Хохловке оставил Оханский уездный исправник, который был в ней на следующий день, 13 мая. Он писал, что грабители числом 13 человек, среди которых был и Лбов («высокий, коренастый брюнет с черной бородой и усами, одетый в черный пиджак и папаху, был, очевидно, руководителем шайки»), вооруженные винтовками со штыками и револьверами, прибыли на лодке из Перми в 10 часов утра и высадились в лесу пониже села Хохловки. (Судя по другому документу, они приехали на лодке, только с другого, левого берега Камы.) Высадившись, «грабители» отправились через лес в контору Абамелек-Лазарева, где застали жену смотрителя Раева, нескольких женщин и глубокого старика. Скомандовав им: «Руки вверх!» и поместив их в отдельной комнате под присмотром часового, двое лбовцев сломали кассу и забрали находившиеся в ней деньги. За отсутствием смотрителя исправник не знал, сколько денег находилось в кассе.

Уходя из дома, лбовцы решили себя обезопасить. Они оставили бомбу у дверей, ведущих на террасу, предупредив Раеву, чтобы она до прихода полиции ее не трогала. Из конторы

¹ Государственный архив Пермской области (ГАПО), ф. 160, оп. 3, ед. хр. 279, л. 4.

лбовцы отправились в казенную винную лавку, где сначала сорвали вывеску, которую поломали на несколько частей и выбросили. Затем один из грабителей, киевский мещанин Н.С. Всеволожский, потребовал через открытое окно отпуска ему вина и в это время выстрелил из револьвера в продавщицу Анну Киселеву, поранив ее в шею. Лбовцы со двора вошли в лавку. При входе Киселева обратилась к ним со словами: «За что же вы меня убиваете, ведь я вам в выдаче денег не отказываю?». На это она получила ответ, что ранил ее их товарищ, и он будет убит ими же. После этого один из «лесных братьев», очевидно фельдшер, промыл ей рану и наложил повязку, что «сделал весьма толково», имея при себе в особом ящике перевязочные средства. Последнее свидетельствует о том, что лбовцы были очень предусмотрительными в данном отношении. Пока «фельдшер» занимался перевязкой, остальными была ограблена касса, в которой оказалось 635 рублей, разбито и выброшено на улицу все наличное вино. Покончив с этими делами, один из грабителей выстрелил в своего товарища Всеволожского, который со словами: «Гриша, Гриша, (Салнынь – В.С.) за что ты меня убиваешь?» – выскочил на улицу, но тут, раненый еще несколькими выстрелами, упал и потерял сознание. Убийство Н.С. Всеволожского было произведено по приказу Лбова. Об этом сохранилось свидетельство в архивном деле.

Покидая винную лавку, лбовцы оставили в ней записку следующего содержания: «Товарища убили за то, что стрелял в женщину. Деньги взяты. Экспроприаторы»¹. Несмотря на многочисленные раны, Н.С. Всеволожский пришел в чувство, и его успел допросить оханский исправник. Он был в дружине Лбова новым человеком, всего три дня назад он приехал из Челябинска, ему было 16 лет. Такие суровые расправы со своими бойцами в отряде Лбова, выполняемые по его приказу, задерживали процесс сползания большинства «лесных братьев к грабегам, насилиям и мародерству», однако не могли решить данную проблему, поскольку чем дальше, тем больше отряд Лбова пополнялся различными маргинальными элементами, в том числе и теми, которые в прошлом были уголовными преступниками. Дело в том, что прием в ряды отряда производился лично Лбовым, который принимал в него всякого, кто выражал желание бороться с царизмом.

«Лесные братья» грабили не только винные лавки, но и заводские приисковые конторы и склады. Их целью была экспро-

¹ Государственный архив Пермской области (ГАПО), ф. 160, оп. 3, ед. хр. 279, л. 5.

приация денег, оружия и взрывчатых веществ. При этом лбовцы, как и примкнувшие к ним питерские максималисты, пользовались всеми поводами, чтобы подчеркнуть, что их операции были направлены против правительства, а не против частных лиц, даже не против капиталистов. И в этом сказывались элементы эсеровской идеологии, к которой Лбов был, безусловно, более близок, чем к социал-демократической программе в ее большевистском варианте, хотя при своей политической малограмотности допускал колебания в разные стороны, о чем мы будем писать дальше более подробно.

В представлении уральских рабочих заводская администрация сливалась с государственным аппаратом. Это представление было порождено практикой тесного сотрудничества заводской администрации с полицией, охранкой и жандармерией. Лбовцы убивали наиболее ненавистных представителей заводской администрации, проявивших особое «рвение» при наведении порядка на заводах при «завинчивании гаек», «при подтягивании наиболее распутившихся рабочих». Боевой группой лбовцев был казнен директор Полазненского завода Копылов, с жалобой на «зверское» обращение которого приходили ко Лбову делегаты полазненских рабочих¹. В августе 1907 года лбовцы казнили директора Надеждинского завода Прахова. Причем это убийство было произведено с санкции Надеждинского комитета РСДРП². Лбовцы не были здесь оригинальными. Подобные террористические акты производились и в других районах России. Поэтому отнюдь не случайно министр внутренних дел П.А. Столыпин в 1906 году издал секретное предписание жандармским управлениям и охранным отделениям взять под охрану тех представителей заводской администрации, которые производимыми ими мерами по наведению порядка на заводах вызывали недовольство в рабочей среде. Ситуация, сложившаяся в этом отношении, была настолько характерной и распространенной в российском обществе, что М. Горький написал в 1906 году пьесу «Враги», в которой рабочий убивает ненавистного директора, совладельца завода.

Нападение на заводууправление Полазненского завода князя Абамелёк-Лазарева было совершено лбовцами днем 15 февраля 1907 года под руководством Сибиряка. Лбовцы убили управляющего заводом В.И. Копылова, ранили кассира А.П. Субботина, забрали деньги из кассы – около 1000 рублей –

¹ Ваганов В. Незабываемое // Альманах «Прикамье». № 23. Пермь, 1957. С. 9-10.

² Белобородов А. Из истории партизанского движения на Урале (1906-1909 гг.) // Красная летопись. 1926. № 1 (16). С. 97.

и уехали по направлению к Перми на лошадях в нескольких санных. Пермский уездный исправник Правохенский в это время находился в Полазне и был вызван в заводоуправление, как только уехали лбовцы. Однако, как доносил он в Пермское охранное отделение, вследствие отсутствия у него «под рукой вооруженной полицейской стражи», он не имел возможности организовать погоню за ними, а служащие завода в такой акции, которую им предлагал исправник, не желали принять участие, поскольку «злоумышленники» очень хорошо вооружены, а у них оружия нет – лбовцы похитили в заводской конторе три винтовки системы Бердана с 14 патронами. Исправник понимал, что в таких условиях погоня, кроме «летальных последствий», никакого успеха иметь не будет. Поскольку телефонной и телеграфной связи у Полазненского завода с Пермью не было, он с нарочным, отправленным в Добрянку, передал краткую информацию о случившемся в Пермь¹. Кроме того, исправник послал переодетого урядника Терехина в Левшино, где был расположен отряд охотников, с предписанием перекрыть все дороги и задержать лбовцев, а через час продублировал это предписание, послав его с заводским смотрителем Тимшиным. В этот день задержали трех лбовцев – А.Б. Александрова, В.В. Штемпелина и М.Д. Велизарова².

Утром 16 февраля в Мотовилихе большими группами городских с конно-полицейскими стражниками были произведены облавы в доме Чегулина (там скрывался раненый Демон) и на квартире И.Ф. Смирнова. Обе облавы были неудачными. Лбовцы, отстреливаясь, унесли раненого. Полиция понесла значительные потери: были убиты помощник мотовилихинского пристава И.Л. Лемеш, младший городской Афанасий Азовкин, ранены городской П. Беспалов, стражник Д. Трохин, околоточный надзиратель А. Сажин³. Облавы продолжались, продолжались и потери полиции. 18 февраля на Екатерининской улице в Перми при преследовании Сибиряка был убит тайный агент Калашников и ранены городовые Крохалев и Патласов⁴.

19 февраля на хуторе Алешкова был убит конный стражник Беспалов, 26 февраля ранен городской Кучеровский, находившийся в засаде у квартиры Шитова.

Полиция действовала трусливо и неумело. Операция на хуторе Алешкова проходила следующим образом. Пермский уезд-

¹ ГАПО, ф. 160, оп. 3, ед. хр. 276, л. 109-109 об.

² Там же. Л. 79.

³ Там же. Л. 85-86 об.

⁴ Там же. Л. 104.

ный исправник Правохенский получил донесение о том, что на хуторе скрываются лбовцы. По его предписанию на этот хутор, находившийся в четырех верстах от Мотовилихи, поехали два околоточных надзирателя и одиннадцать конных стражников, а вслед за ними еще отряд из 10 человек. Сила значительная. Однако посмотрим, как ею распорядились и, следовательно, как повели себя эти полицейские силы. Это хорошо видно из донесения пермского уездного исправника в охранное отделение. Прибывший на хутор околоточный надзиратель Аянкин окружил дом Алешкова, а конный стражник Ефим Беспалов начал стучаться в калитку. На его стук из избы кто-то вышел и спросил: «Кто там?». А когда Беспалов ответил: «Полиция», – раздались несколько выстрелов, и сраженный стражник упал возле калитки. Околоточные надзиратели вместе со стражниками стали обстреливать дом, а затем отступили и отправились в Мотовилиху, не позаботившись о павшем товарище. На месте остались только двое стражников – Кашин и Хитюк. Не зная, что остальные отступили, они, увидев за углом двух «злоумышленников», приняли их за своих и не помешали им скрыться. Когда пристав с отрядом конной стражи и драгунами прибыл на хутор, лбовцев там уже не оказалось. Обстреляв дом и затем произведя в нем обыск, стражники убедились, что в доме была одна только старуха, которая им сообщила, что в доме было всего двое «злоумышленников». Лбовцы с хутора, видимо, уходили спокойно, никого не опасаясь. Убитому стражнику Беспалову они изрубили лицо, голову и унесли с собою его каску и револьвер¹.

26 февраля 1907 года пермский уездный исправник Правохенский провел широкую облаву в Мотовилихе и ее окрестностях в поисках лбовцев, нападавших на Полазну. В облаве участвовали драгуны, охотничья команда на лыжах и пять отрядов пешей полицейской стражи, всего приблизительно до 200 человек². Результат облавы был «невелик»: юноша М.М. Печулин 19 лет, которого застали мирно спавшим в избушке в лесу, куда полицию и драгун навели доносчики. В облаве участвовало 52 человека.

В марте облавы, засады, обыски и преследования продолжались. Однако результаты их были более чем скромными. Пермский уездный исправник доносил в охранное отделение: «Имею честь уведомить ваше высокоблагородие, что по произведенным розыскам в ночь на 18 марта и в течение всего дня изложенного числа стражниками и солдатами Ирбитского ба-

¹ ГАПО, ф. 160, оп. 3, ед. хр. 276, л. 130об.

² Там же. Л. 185.

тальяна на окраинах селения Мотовилихинского завода и в окрестностях одного, политического преступника Александра Михайловича Лбова не оказалось»¹.

27 марта 1907 года пермская полиция пыталась поймать Демона. Она получила сведения о том, где он скрывается, окружила дом и устроила засаду. Пристав первой части города Перми доносил об этом следующим образом: «27 марта в 11 часов вечера господином пермским полицмейстером я был командирован с помощниками пристава Буровым и Епишиным, околоточным надзирателем Аристовым, с городовыми и 13 стражниками (всего 29 человек – В.С.) в дом Попониной по Оханскому переулку в Новой Слободке в квартиру В.З. Кутузова для задержания раненой неизвестной личности. По прибытию к дому он был оцеплен стражей и по требованию открыть дверь вышедший в сени человек, назвавшийся Кутузовым, спросил: «Кто требует открыть дверь?», сказал, что сейчас откроет дверь, только приберет ребенка и ушел в квартиру, где началась суета, и сейчас же двое выскочили в передний парадный ход, открыли дверь и начали стрелять из револьверов, выстрелами убили помощника пристава Епишина, ранили в правую руку околоточного надзирателя Аристова, причинили три царапины мне в левую руку, а сами скрылись. Пристав Талалаев»².

При поисках отряда Лбова использовались значительные силы. При обыске 17 мая 1907 года в деревне Хмели Верхнемуллинской волости принимал участие эскадрон драгун, а также приставы 1-4 станов Пермского уезда. Достаточно сказать, что в эскадроне было от 120 до 200 боевых коней. «Добыча» такой значительной военной силы была опять-таки очень не велика – один спящий на сеновале Н.Д. Ваганов, молодой 19-летний парень.

Неудачной оказалась попытка захватить Лбова и его сподвижников в доме Витте в ночь на 3 марта 1907 года. Дом был оцеплен исправником с полицейской стражей и эскадроном драгун. Операция протекала так. На стук в окно вышел Витте, и с ним вступили в переговоры, давая время будто бы убрать ребенка. После этого Лбов открыл стрельбу по полиции и драгунам, причем был убит городской, а у околоточного надзирателя одежда была прострелена в 7 местах. Пользуясь темнотой, он с товарищами прошел сквозь цепь драгун из 120 человек и скрылся в заросшем лесом овраге. В результате ряда таких удач за

¹ ГАПО, ф. 160, оп. 3, ед. хр. 276, л. 230.

² Там же. Л. 249.

ним закрепились репутация неуловимого преступника, заговоренного от пуль самим дьяволом.

Самой крупной экспроприацией Лбова был Надеждинский завод. Молодым семнадцатилетним юношей А. Белобородов принимал участие в этом событии. Впоследствии он вспоминал первую встречу с лбовцами, которая произошла в лесу, вечером, в конце июля 1907 года. С одной стороны на ней присутствовало несколько человек Надеждинского комитета РСДРП, с другой – Лбов и несколько боевиков. Тут же было двое или трое работавших в Надеждинске мотовилихинцев, знакомых с Лбовым по совместной работе на Мотовилихинском заводе. Опытный экспроприатор, он предусмотрел и эту существенную деталь, для того чтобы обеспечить успех планируемой операции.

Когда речь зашла о значении для рабочего класса борьбы, которая велась «лесными братьями», А. Белобородов надолго запомнил один из пунктов лбовской теории о том, что теперь рабочим нет никакой возможности бороться с полицией и заводской администрацией; «каждая стачка, каждый протест или заявление требований вызывают аресты, увольнения с работы рабочих представителей, разгром рабочих организаций». Бороться с царизмом стачками и протестами больше нельзя – это значит посадить себе на шею целую армию «обнаглевших пиявок»: мастеров, управляющих, полицейских и прочей «сволочи». По мнению лбовцев, есть только один путь борьбы: когда функцию обороны берут на себя специальные отряды рабочих – «лесные братья» – недостижимые для полиции, которым «нечего бояться увольнения с работы»¹.

В ответ на «обычные в таких случаях возражения со стороны социал-демократов» Лбов заявил, что «всем им хорошо известна социал-демократическая комитетская чепуха», и что на эту тему «спорить бесполезно». Лбовцы заявили, что они своими действиями отнюдь «не собираются мешать» социал-демократической работе и тем более подводить «своими выступлениями» социал-демократическую организацию. Лбовцы непосредственно связались с рабочими Надеждинского завода и через них искали «объекты недовольства со стороны рабочих заводской администрацией». Они интересовались этим для того, чтобы выбрать наиболее ненавистных лиц заводской администрации и расправиться с ними. О приезде лбовцев вскоре стало известно довольно многочисленной группе рабочих, а затем населению и полиции. Сразу же была усилена местная по-

¹ Белобородов А. Указ. соч. С. 95.

лиция, вызваны ингуши, весь округ был приведен в «боевое» состояние. Однако лбовцы вели себя достаточно конспиративно, и присутствие достаточно большого количества полиции не помешало им «сделать все то, что они наметили»¹.

В первую очередь был сожжен большой лесопильный завод в Надеждинске, незадолго перед тем пущенный в ход. Поводом к поджогу послужило то обстоятельство, что завод перерабатывал лес со спорных участков, за которые местное население вело борьбу с управлением округа.

Затем была произведена неудачная экспроприация кассы главной конторы округа в Богословском заводе. Забросав бомбами кассовое помещение, лбовцы произвели в нем настолько большие разрушения, что найти главное хранилище денег среди обломков уже не могли и ограничились «довольно незначительной суммой, попавшейся им под руку случайно», — вспоминал А. Белобородов. Память, однако, подвела его — добыча лбовцев составила 60 тыс. рублей. Это самая крупная сумма от «эксов», которую они имели. Налет на Туринские рудники ограничился разгромом винной лавки и довольно сильным испугом обывателей, поднятых пожарной тревогой и встретивших цепь вооруженных партизан, — последние решительно предложили «обывателям» убираться по домам.

Наибольшую известность из всех операций лбовцев получило убийство директора Надеждинского завода инженера Прахова и его помощника Сципио. Прахов приехал на Надеждинский завод весной 1907 года. Работая до этого на одном из уральских заводов, он слыл либералом, принимал в 1905 году участие в освободительном движении. Однако на Надеждинском заводе он своих «черносотенных убеждений не скрывал», с рабочими держался грубо и вызывающе, стал широко применять «черные списки», куда заносились рабочие, проявившие себя неадекватным образом и обратившие этим на себя внимание администрации. В глазах рабочих завода Прахов был олицетворением того несправедливого, как считали многие, порядка, который восторжествовал в стране. Поэтому рабочие, с которыми лбовцы установили связи, указали на него как на первоочередной объект расправы, присовокупив за «компанию» с ним еще нескольких человек из заводской администрации, наиболее близко стоявших к директору по характеру его деятельности. На совместном заседании с надеждинскими социал-демократами лбовцы назвали приговоренными к убийству начальника домен-

¹ Белобородов А. Указ. соч. С. 96.

ного цеха Поносова, начальника механического цеха Романова, заправил акционерного общества «Богословский горный округ» Цейдлера и Фигнера, находившихся в то время на заводе.

По свидетельству А. Белобородова, Надеждинский комитет социал-демократов высказался против массового террора. Часть комитета вообще возражала против того, чтобы давать санкцию на «выступления лбовцев». После длительного обсуждения Комитет все-таки дал согласие на убийство Прахова и Цейдлера. В августе 1907 года два боевика, имевших клички «Соболь» и «Змей», на территории завода стреляли в Прахова и шедшего рядом с ним спутника, приняв его за Цейдлера. Прахов был смертельно ранен и спустя несколько часов умер, а его спутник, оказавшийся заведующим коммерческой частью управления Богословским горным округом Сципио, был убит наповал.

Убийство Прахова произвело ошеломляющее впечатление не только в Богословском горном округе. О нем заговорили газеты. В округ были двинуты дополнительные силы полиции и солдат. Через несколько дней после убийства Прахова завод был закрыт, и около пяти тысяч рабочих получили расчет. Многим из них пришлось уехать из Надеждинска и с трудом устроиться на работу на других уральских заводах.

Администрация Богословского горного округа воспользовалась убийством Прахова и Де Кампо Сципио для того, чтобы закрыть завод, приносящий компании 500 тыс. рублей ежегодного убытка. Представитель правления Богословского горного округа Цейдлер настаивал на немедленном увольнении всех неблагонадежных рабочих в порядке охраны и закрытия прокатного отделения завода. Он считал, что это послужит для рабочих основанием для всеобщей забастовки, которая даст, наконец, возможность закрыть завод, являвшийся нерентабельным.

Таким образом, администрация намеревалась спровоцировать общую забастовку, чтобы закрыть завод, но в ее среде были разногласия по этому поводу, а тут подоспел Лбов и сыграл прямо на руку администрации. Он не мог предугадать тяжелые последствия террористического акта, который не мог заменить массового организованного действия рабочих.

После убийства Прахова лбовцы недолго оставались в этом районе, переполненном полицией и войсками. По свидетельству А. Белобородова, они «ушли», пополнив свои ряды десятком рабочих, главным образом социалистов-революционеров, примкнувших к ним во время их операций в Надеждинском заводе.

После ухода из Надеждинского завода отряд Лбова вновь раскололся на несколько частей. Часть отряда во главе с юным

Дмитрием Худорожковым отправилась на юг Урала, намереваясь там самостоятельно совершать экспроприации. Это был уже не первый раскол в отряде Лбова. Первый был связан с прибытием в его отряд в январе 1907 года «максималистов» из Петербурга. Это были питерские боевики, скрывшиеся из столицы после дерзких вооруженных сопротивлений вместе с группой боевиков социал-демократов. В Перми К. Кирсанова и М. Шитов помогли им связаться с дружиной Лбова. Они принимали участие в операциях отряда Лбова и оказывали содействие военной организации РСДРП. По показаниям П.Н. Перминова, старшим в отряде считался Лбов, а за ним шел «Гром», остальные члены боевой дружины были равными. К августу 1907 г. отряд Лбова разделился на две части: одна находилась под «начальством» Лбова, другая – «Максима», в этой последней участвовали питерцы, люди более образованные, приехавшие из Петербурга, которых не устраивала та диктатура, которую установил Лбов в своем «революционном отряде». Деления «шайки» по чинам и рангам не существовало, хотя существовали названия: «бомбисты» – «Ястреб» и «Демон», милиционеры, – все питерские: «Демон», «Ястреб», «Саша», «Гром», «Ванька», «Учитель». Питерские боевики своей экстраординарной активностью и дерзостью исполнения экспроприаций первоначально оказали некоторое влияние на Лбова в смысле более широкого и активного применения террора и экспроприаций. За каждым из них в Петербурге тянулся длинный хвост участия в экспроприациях, связанных с человеческими жертвами.

Питерцы со Лбовым не сошлись. Во-первых, они не смирились с его диктаторской властью. Они не привыкли к тому, что все вопросы управления в отряде решались исключительно одним человеком. Во-вторых, присмотревшись ближе к его деятельности, они нашли, что это бесцельное грабительство и мелкий личный террор, а не революционная борьба, к которой они стремились и которой энергично занимались в Петербурге в годы первой Русской революции. Они попытались поговорить об этом со Лбовым, но получили такой твердый отпор, что поняли бесполезность таких разговоров – за власть в отряде Лбов держался крепко. К тому же он понимал, что без его распорядительности, без его способности «держать» дисциплину и порядок отряд быстро превратится в банду грабителей, «без руля и без ветрил», которую быстро накроет полиция и казаки. Такого же мнения придерживалось и большинство в отряде. Поняв это, питерцы отошли от Лбова, уведя за собой тех немногочисленных представителей интеллигенции, которые в нем были. По свидетельству Н. Чердынцева, который собирал материал о

Лбове спустя два года после его деятельности и, следовательно, мог лучше, чем мы, знать о том, как это фактически происходило, поскольку мог опираться не только на документы, но и на свидетельства живых очевидцев, Лбов и питерцы «разошлись» мирно. Лбов остался с «серой рабочей массой» отряда, в которой он сохранил непререкаемый авторитет, а питерцы основали собственную боевую группу под названием «пермский партизанский отряд». Лбовские принципы действия они понимали, а главное, — намеревались практически реализовать их в предельно возможном расширительном смысле. Путем крупных экспроприаций они решили создать революционный фонд и распространить свою организацию на весь Урал, создавая боевые ячейки, которые пока вели бы партизанскую войну, а в случае нового общественного подъема в России могли бы взять на себя инициативу и руководство вооруженным восстанием.

Отношения между партизанами (питерцами) и «лесными братьями» (лбовцами) сначала установились дружественные. Они «сообща» устраивали экспроприации, совместно добывали оружие, ходили в гости друг к другу. Но так продолжалось непродолжительное время. В дело вмешался его «величество случай».

В мае 1907 года Екатеринбургский комитет партии эсеров исключил из своей среды шесть членов боевой дружины за участие в экспроприациях, запрещенных партией на время работы II Государственной Думы.

Боевики посмотрели на это дело как на личное оскорбление и не пожелали подчиниться постановлению Комитета, а для своей реабилитации избрали «неожиданный» путь. Имея хорошие связи с боевыми дружинами эсеров на Урале, они решили собрать съезд для организации особого боевого союза, который находился бы вне зависимости от местных комитетов партии эсеров и провозгласил бы себя совершенно автономным от них. Съезд состоялся в мае. На съезде был основан «Союз автономных боевых групп партии эсеров на Урале», в который вошли пермские партизаны (питерцы) и чуть ли не полный состав боевых дружин нескольких уральских городов. Автономисты звали к себе и Лбова, однако он категорически отказался. Он не хотел кому-либо подчиняться, справедливо считая, что тактика партизанской борьбы в существенной мере зависит от знания конкретных условий, а указания, получаемые от Союза, страдали бы отсутствием этого знания, к тому же он не хотел ни с кем делиться своими диктаторскими полномочиями — ни в отряде, ни вне его, понимая, что без его опыта и руководства отряд будет обречен на неминуемое поражение. Отказ Лбова вступить в

«Союз автономных боевых групп», куда вошли питерские боевики, определенным образом способствовал охлаждению отношений между ними и руководителем «лесных братьев». Это нашло свое конкретное выражение при дележе денег, добытых питерцами во время экспроприации на пароходе «Анна Степановна». Вначале Лбов пытался действовать с «автономистами» на договорных началах, однако после экспроприации на «Анне Степановне» и несправедливого, как он считал, «дележа денег», он «разругался» с ними и впредь решил действовать самостоятельно. К этому его подталкивало и появление на Урале в 1907 году значительного количества боевых групп различной политической ориентации — анархистов, «Союза активной борьбы» во главе с Вячеславом Кругляшовым, группы «любителей сильных ощущений», состоявших из интеллигентов и рабочих, которые также активно занимались экспроприациями. Однако и в этой, насыщенной экспроприациями уральской жизни, «экс» на «Анне Степановне» приковал внимание всей общественности России.

Питерские боевики осуществили в ночь на 3 июня 1907 года экспроприацию — изъятие почтовых денег на пароходе «Анна Степановна». В «Исповеди» перед казнью Лбов писал о том, что он разрабатывал план этой экспроприации. Думается, что он, скорее всего, перед смертью пытался несколько преувеличить свою роль в этом «эксе», поскольку ему питерские боевики из 30.408 рублей дали только 1.900 рублей и то, по его собственному признанию, «с бою». Наверное, он только участвовал в составлении плана данной экспроприации и принимал активное участие в его обсуждении. Сама акция ограбления почтово-пассажирского парохода «Анна Степановна», произведенная в ночь на 3 июня 1907 года, выглядела следующим образом: пароход вышел из Перми в 10 часов вечера, на нем было много пассажиров, около 500 человек. В час ночи, когда пароход проходил ближе к левому берегу Камы, около села Новоильинское, «на нижней и на верхней палубе появились неизвестные личности», прилично одетые «в лаковые сапоги, плащи, под которыми черные рубашки с широкими кожаными поясами, у одних на голове шляпы, у других фуражки». Один, очевидно руководитель «всей шайки имел на голове соломенную шляпу. Все они были с револьверами в руках, руководитель потребовал от пассажиров лечь на палубу, лежать смирно и не поднимать головы. Были убиты урядник Псалтырев, револьвер и шашка у него отобраны, матрос, пытавшийся уговаривать экспроприаторов «не безобразничать», и еще «кто-то». Все это время «злоумышленники» стреляли залпами и кричали публике: «Господа, не бойтесь, мы вас не пошевелим, нам нужна полиция и деньги, для осво-

бождения вас». Пароход был остановлен на якорь, для чего была брошена бомба в машинное отделение.

Другая часть экспроприаторов бегала по классам парохода и требовала указать им место, где находится ехавший на пароходе пристав, и узнав, неизвестно от кого, в какой каюте он находится, хотела ломать дверь в каюту, но в виду уже позднего времени один из них, в соломенной шляпе, со словами: «Оставим его, время дорого, надо спешить», — увел «грабителей» на нижнюю палубу парохода. Спустили пароходную шлюпку, и экспроприаторы уехали. На берегу их ждали подводы. Операция была тщательно спланирована и четко проведена. Этому способствовало то, что, по свидетельству очевидцев, во время ограбления парохода пассажирами и пароходной администрацией «не было оказано ни малейшего сопротивления», напротив, — все прятались по каютам, оставив пароход в полной власти экспроприаторов. Вышеназванная сумма в 30.408 рублей была отправлена из Перми в Оханское уездное казначейство. Каким-то путем лбовцы узнали об этом. Пермское охранное отделение усиленно выясняло: кто из банковских служащих или почтовых работников мог сообщить лбовцам об этом, но ни до чего не доходилось. Охранка и полиция предприняли энергичные поиски участников экспроприации, шли по их следу, расспрашивали крестьян. Занимался этим пристав Горобко, тот самый, который трусливо спрятался (закрылся) в своей каюте, где его не могли достать участники экспроприации. Таким поведением он заслужил «гнев» пермского губернатора А.В. Болотова.

И вот теперь Горобко, пытаясь снять с себя позорное пятно, очень старался. Он телеграфировал пермскому губернатору: «Никто не появляется. Население доверия не заслуживает». 20 июля 1907 года он доложил губернатору, что когда он с тремя переодетыми стражниками был в полях вблизи Новоильинского и в самом селе, крестьяне, принимая стражников за разбойников, охотно обещали им содействие. На лугах стражники встретили крестьянина Алексея Николаевича Оборина и стали расспрашивать его о положении в селе. Обороин, приняв стражника за грабителя, охотно рассказал ему обо всем «спрошенном». В Новоильинском стражники зашли к крестьянину Дмитрию Ощепкову. Предварительно один из переодетых стражников, Чазов, постучал в окно к Ощепкову, последний, приняв Чазова за разбойника, быстро вышел из избы и на вопрос: «Где бы скрыться?» — охотно указал на свою избу. Потом он укрыв и всех трех стражников как грабителей. «Из расспросов крестьян я вполне убедился, — писал Горобко губернатору, — что сельское население отчасти из боязни, а более всего из-за легкой наживы, скры-

вает все от чинов полиции и склонно действовать в пользу грабителей».

Ограниченность способностей пристава была так велика, что ему не пришла в голову мысль поискать экспроприаторов, прикинувшись ими как отставшими, потерявшими их из виду и т.п.

Судили по делу об экспроприации на пароходе «Анна Степановна» одного крестьянина Ленвенской волости Соликамского уезда А.П. Логинова. Попался он глупо, странно и дико. 18 августа 1907 года городской Комаров ехал на пароходе «Алексей Каменский» в Сарапул. Неизвестный мужчина предложил ему поужинать и, выпив, разболтался о том, что у него 2.500 рублей, и что он работает во 2-м снарядном цехе Мотовилихинского завода. На вопрос, как он мог заработать так много денег, он ответил: «Анна Степановна вынесет, а затем посмотрим и на пароход «Алексей Каменский». С помощью местной полиции в Сарапуле Комаров задержал неизвестного. У него оказался паспорт на имя священника Петра Григорьевича Орлова. У него действительно нашли около 2.500 рублей. Паспорт неизвестного оказался фальшивым. П.Г. Орлов – реально существующее лицо, в то время жил в Чистополе. Дело А.П. Логинова разбиралось Казанским военно-окружным судом 22 января 1909 года. В выписке, касающейся дела подсудимого, крестьянина Алексея Павловича Логинова, говорится: «За разбой, учиненный по предварительному соглашению с другими лицами и в качестве сообщника, и сопровождающийся убийствами и поранениями нескольких лиц и похищениями вещей, денег, подвергнуть смертной казни через повешение»¹. Так трагически закончилась жизнь одного из участников экспроприации, который не смог рационально распорядиться той крупной суммой денег, которая так легко попала ему в руки.

Финансовых ресурсов у первого пермского революционного отряда было достаточно, хотя лбовцы не могут похвастаться такими экспроприациями, как Московская, Тифлиская или Миасская. «Грабежами Лбов добывал большие деньги, – писал Н. Чердынцев, – но к рассказам, будто через его руки прошло «несколько миллионов», следует относиться, как продукту мифологического творчества»². Легенда гласит, будто Лбов оставил в лесу клад чуть ли не в два миллиона рублей. Последние дни жизни знаменитого руководителя «лесных братьев» показы-

¹ ГАПО, ф. 65, оп. 1, ед. хр. 501, л. 94. См. также ГОПАПО, ф. 25, оп. 1, ед. хр. 86, л. 137.

² Чердынцев Н. Указ. соч. С. 203.

вают, что ни о каком, хотя бы небольшом денежном запасе у него и речи не может быть. Конечно, учесть сколько-нибудь точную сумму денег, прошедших через его руки в период 1906-1908 г., очень трудно. Лбов не вел бухгалтерских книг. И уже это одно исключает возможность точных подсчетов. Возможны только примерные подсчеты. Этими выкладками и занимался Н. Чердынцев. Он пришел к следующим выводам. Если допустить, что в течение двух лет Лбов непрерывно содержал 100 человек, считая и боевиков своего отряда и пособников, и заключенных в тюрьмах, и лежащих по больницам, и членов семей погибших бойцов отряда, и каждый обходился ему ежегодно по полторы тысячи рублей, то расход составит 300 тыс. рублей. «Удвоим далее эту сумму, — предлагает Н. Чердынцев, — ввиду того, что благополучное пребывание под губернским городом было сопряжено со специфически трудными расходами. Допустим, что Лбов еще растратил 300 тыс. рублей на собственные нужды, на помощь особенно близким лицам, филантропию и т.п., даже в этом случае мы не наберем одного миллиона, не говоря уже о нескольких». Мы можем согласиться с окончательным вердиктом Н. Чердынцева о том, что через руки Лбова за два года его деятельности в лесу вряд ли прошло более 500-600 тыс. рублей.

Точный подсчет производился лишь в тех случаях, когда соучастники грабежа требовали свою, заранее оговоренную, долю. Добытые деньги поступали к Лбову не полностью, а уходили в руки его союзников-максималистов, отколовшихся от эсеров или социал-демократических организаций, хотя экспроприации и происходили под эгидой Лбова. Н. Чердынцев правильно указывает, что официальные цифры о награбленных вообще на Урале суммах не могут дать представления о том, сколько денег прошло через руки Лбова. Во-первых, потому, что на Урале экспроприациями в тот период времени занималось больше десятка организаций, а во-вторых, из награбленного Лбовым не все поступало ему одному. Часть средств, несмотря на все предосторожности, присваивалась участниками его отряда, но ему об этом не сообщалась.

Однако и то, что поступало — это большие деньги, как и куда он распределял их? Какое революционное назначение он находил для денег? Этот вопрос представляет значительный интерес, поскольку он показывает, каким образом, на каких принципах строились экономические отношения в первом революционном пермском отряде, чаще всего называемом «лесные братья».

У каждого боевика всегда были карманные деньги на сумму не менее 10 рублей. Этого требовал Лбов. В случае необходимости бежать и скрываться боевик должен был иметь наличные деньги. Покупка оружия и боевых припасов также поглощала значительные средства. Когда организация «лесных братьев» сложилась и окрепла, оружие было приобретено в таком количестве, что его некуда было девать, и его прятали в лесу, подвешивая под елки. Большое количество оружия найдено в лесу рабочими и полицией после казни Лбова. Вооружению отряда Лбов придавал первостепенное значение. В начале 1907 года он купил для отряда дробомет, а в лесу установил пулемет. Пулемет зимой был отправлен куда-то в Россию и попал в руки полиции, а дробомет, вероятно, и сейчас (т.е. несколько лет спустя — В.С.) находится в земле, в том месте, где его закопал Лбов, — писал Н. Чердынцев¹.

Большой статьей расхода было содержание отряда в лесу. Продовольственная часть содержания отряда была поставлена «широко»: она включала в себя самые ценные продукты питания — мясо, рыбу, пиленый сахар, сухари, масло и др. продукты. Мука десятками пудов раздавалась по деревням и поселку Мотовилихинского завода, — бабам, которые за деньги пекли хлеб. Лбов всюду, в том числе и в деле продовольственного обеспечения отряда, проявлял свою изобретательность. Для доставки продовольственных припасов в лес он купил одному лесообъездчику лошадь и короб, и тот, не возбуждая ничьего подозрения, ездил из Мотовилихи в лес и обратно. Припасов закупалось так много, что об иных забывали. Только одного сахара летом 1908 года, оставленного и забытого Лбовым, было найдено по покосам около двадцати пудов.

Наряду с продовольствием в больших размерах делались закупки одежды и обуви. Многие здесь также погибли без пользы по лесам и покосам. Боевики лбовского отряда «отзываются о своей лесной жизни с большой похвалой», — писал Н. Чердынцев, а он имел возможность по этому вопросу получать свидетельства от самих участников этой жизни, т.е., как говорят, «из первых рук». Жили они в лесу тепло, сытно и весело. При подобных расходах это вполне понятно. Боевикам «лесных братьев», попавшим в тюрьмы, Лбов записывал через подставных лиц по 20 рублей на человека. Таким образом, лбовцам и в неволе жилось в материальном отношении вполне сносно. Оказывая помощь раненым и семьям, лишившимся кормильцев,

¹ Чердынцев Н. Указ. соч. С. 205.

помогал и чужим рабочим, если они лишились работы за политические убеждения, за участие в забастовках, или по несправедливости администрации. На филантропию он не скупился и приобрел большую популярность. Его считали добрым человеком, к которому стоит только обратиться, и он не откажет бедняку в оказании материальной помощи.

Не раз у него просили денег разные союзники из социалистических партий, и им он тоже давал. Как велика была эта помощь, сказать трудно в связи с состоянием источников по данному вопросу. Однако вряд ли она была «ничтожной». Однажды он дал одной социалистической группе в Перми 290 рублей, значительно больше он давал другим партиям, особенно тем, которые занимались террором и экспроприациями. Сколько денег он переслал эсерам-максималистам на экспроприацию в Фонарном переулке, не известно. Однако из его «Исповеди» известно, что за эту помощь ему было выслано 300 рублей деньгами и на 1600 руб. оружия. Навряд ли эта сумма была больше той, которую Лбов послал в Петербург¹.

Необходимо заметить, что экспроприации являлись не единственным источником пополнения финансовых средств «лесных братьев». Наряду с ними Лбов облагал поборами в свою пользу богатых людей, сообразно с размерами их богатства. Естественно, что размеры поборов были произвольными. Все зависело от решения Лбова, от той вины и от тех возможностей, которыми располагал данный богатый человек. Деньги брались на «нужды революции». Однако возникает вопрос: при чем тут была революция? Какая революция, кем и когда она должна была совершиться? Такие вопросы, естественно, возникали у тех людей, которые облагались подобными поборами, и ответ на них может быть только один: Лбов произвольно облагал часть состоятельного населения Пермской губернии на нужды своего отряда, часть этих средств опять-таки произвольно перераспределял на нужды тех лиц, удовлетворять потребности которых он считал необходимым.

Это была скрытая форма экспроприации. В отличие от открытой, при которой деньги из государственной кассы забирались насильно, под угрозой смерти государственных служащих и охраны, при скрытой форме экспроприации богатый торговец получал письменное предупреждение, согласно которому он должен был для определенных целей в указанный срок, в определенном месте представить указанную сумму денег. В случае

¹ ГОПАПО, ф. 25, оп. 1, ед. хр. 85, л. 5.

неисполнения требования в предписании, как правило, содержалась угроза смертной казни. Большинство состоятельных лиц, получивших лбовские ультиматумы, выполняли содержащиеся в них требования и таким образом спасали свои жизни. Однако были и такие, которые не хотели платить и прибегали к защите полиции. Судьба их, как правило, была печальной, — они погибали. В Мотовилихе был обложен крупной суммой в 15 тыс. рублей торговец Русских. Он посланному к нему представителю лбовского отряда дал лишь «малую часть этой суммы», ссылаясь на отсутствие денег, а сам сообщил о вымогательстве полиции и пытался выдать ей лбовцев. Русских был убит 3 июля 1907 года¹. Он был не только купцом, не только церковным старостой, но и главой мотовилихинской организации «Союза русского народа». Политическая деятельность Союза была особо ненавистна «лесным братьям», и это обстоятельство, видимо, сыграло решающую роль в определении необычайно крупной контрибуции, которую наложили на него лбовцы, а затем и в его казни.

В некоторых случаях лбовцы адресовали тем лицам, которых они облагали контрибуцией, развернутые мотивированные требования. Например, 16 августа 1907 года они адресовали следующее письмо надеждинскому торговцу Перминову: «Господин капиталист! Наша задача — это беспощадная борьба с самодержавием, со всеми верными слугами этого строя — опричниками в мундирах и без мундиров. Как вам известно, план свой мы проводим в жизнь и сложа руки не сидим. Война требует денег, оружия и боевых припасов. Не желая наживать в лице вас во время войны врагов, мы трогать вас и ваше имущество не будем, но и оставлять вас в качестве посторонних зрителей в такое трудное для русского народа время тоже не можем. Рабочие и крестьяне вступают в наши ряды, жертвуют своею жизнью, а ведь обновление государственного строя нужно не только крестьянам и рабочим, но и капиталистам, так как ихние дела не цветут при самодержавии. Поэтому вы тоже должны оказать помощь делу революции и платить посильный налог. Налог этот даст нам средства для войны, а также укажет нам, кто из вас и как относится к войне с правительством. Напоминать вам, что кассир наш, в ваших интересах, должен быть цел, вероятно, не нужно, так как опыт мотовилихинского богача Русских вам известен. Подателю письма вы уплатите 1000 рублей. За пожертвование оружием и патронами, кроме требуемого, будем благодарны. Лесные братья — группа социал-террористов»².

¹ ГОПАПО, ф. 25, оп. 1, ед. хр. 85, л. 86.

² Там же. Л. 87.

Перед нами политически грамотный документ, вышедший из-под пера одного из секретарей Лбова из партии эсеров, который занимался письменными делами в период операции лбовцев в Надеждинске. Требованием уплаты особого налога, контрибуции лбовцы прибегали достаточно часто. Пермский уездный исправник Правохенский 10 августа 1907 года препроводил в Пермское охранное отделение письмо лбовцев на имя крестьянина деревни Чащевки М.С. Лабутина. В письме содержалось требование необходимости уплаты денег. «Просим вас приготовить 200 рублей и принести на назначенное место в пятницу вечером. Если не принесешь, то в субботу вечером будет взрыв твоего дома. Под вашим домом находится адская машина. Вы не старайтесь разыскать ее, если будете разыскивать, то ускорите взрыв». В письме указывалось место, куда Лабутин должен был доставить деньги. «Иди из Дикой Гари к Забоям. Попадется на левой руке лес. Когда сравняешься со серединой леса, увидишь около дороги красную пихту, стоящую кверху комлем. Под ней находится яма, закрытая пластом земли, здесь и клад. Нам все равно не признавать ни бога, ни царя, если не принесешь, то лишим жизни вместе с семьей. Писали не на столе, а на пне у реки Мулянки. Лбов»¹.

Некоторые требования Лбова имеют совершенно определенный характер: они направлены против черносотенной деятельности. Они карают денежными штрафами за эту деятельность. Пермский уездный исправник Правохенский 4 августа 1907 года писал начальнику Пермского охранного отделения подполковнику Самойленко о том, что Верхне-Муллинское волостное правление предоставило ему снятое с забора у ворот «при волостном правлении», неизвестно кем написанное на «четверти листа писчей бумаги требование», обращенное к отделу «Союза русского народа», следующего содержания: «Э[кспроприаторская] Партия. Руки вверх. Отделение союза русского народа. За то, что вы открываете отделение, я требую от вас, 22 членов (союза — В.С.), 750 рублей к 5 августа 1907 года. Выбирайте одно из двух: или открыть отделение Союза и заплатить мне 750 рублей, или же Союза не открывать. Если вы будете согласны не открывать отделение, то вывесьте объявление. Моя шайка в окрестностях Мулов. Атаман Лбов»².

¹ ГАПО, ф. 160, оп. 3, ед. хр. 275, л. 103.

² Исправник Пермского уезда Правохенский — Начальнику Пермского охранного отделения Самойленко, 4 августа 1907 г. // ГАПО, ф. 160, оп. 3, ед. хр. 275, л. 96-96 об.

Это уже самый настоящий диктат, опирающийся на насилие. По тону записки чувствуется, что за ней стоит действительно атаман шайки разбойников, ощущающий за собой реальную силу.

Иногда это требование прекратить черносотенную деятельность сопровождалось одними угрозами и не содержало требования уплаты денег. Например, 28 июля 1907 года священнику села Воробьи Оханского уезда Н. Мезенцеву по почте было доставлено письмо, напечатанное на машинке и отправленное из Перми 26 июля. В нем содержалось следующее требование: «Вы приговорены к смертной казни. Если Вы не оставите абсолютно черносотенной деятельности, приговор, будет приведен в исполнение не позже как через месяц, 20 июля 1907 года. Лесные братья»¹.

Однако такого рода требования тонули в массе других, в которых содержались угрозы в случае неуплаты обозначенной в письме суммы.

Торговцу М.П. Щекотову в Крестовоздвиженском селе Пермского уезда в декабре 1906 года было предъявлено письмо от имени «комитета революционно-боевой дружины»², сопровождаемое угрозами выдать 300 рублей «на нужды» революционного отряда.

В июне 1907 года было «подброшено письмо» с требованием денег М.П. Тачкину. Причем предварительно в его дом стреляли, вероятно, для того чтобы создать соответствующее психическое настроение, в смысле сговорчивости и готовности к уплате денег. На крыльце, куда вышли жильцы после обстрела, нашли записку следующего содержания: «Группа террористов и социалистов. Объявляем вам господин М.П. нельзя ли будет пожертвовать денег на вооружение рабочих и в пользу тюремных [заключенных] [Деньги] готовить к 16 июня к 8 часам... Если же вы не можете уплатить 300 рублей к 16 июня, то доставьте к ключу за пруд к дальнему 100 рублей, если же вы не придете, тогда уже вы будете убиты. Потому что мы уже слышали, что вы провакаторствуете. Деньги принесете на назначенное место, тут будут два человека... Деньги тому отдадите, у которого будет пихтовая палка и на ней привязан белый платок. Александр Лбов»³. По стилю документа, по детальности прописи – где, когда и кому отдать деньги – цитированная выше записка, несомненно, принадлежала самому Лбову.

¹ Там же. Л. 100.

² Там же. Л. 1-3.

³ Там же. Л. 76.

Наиболее эффективной и действенной формой борьбы лбовцев, обеспечивающей их длительное существование, был террор. Лбов практиковал террор по отношению к доносчикам, предателям, отступникам, ослушникам, к тем представителям администрации и полиции, которые проявляли особую энергию в борьбе с «лесными братьями». Н. Чердынцев считал, что нельзя найти указаний, свидетельствующих о том, что Лбов пользовался террором как средством политической борьбы, как способом дезорганизации власти¹. Подтверждением этого он считал то, что Лбов не посылал своих боевиков на убийство полицейских чиновников в Перми и Мотовилихе. Он писал о том, что лбовцы не тронули ни одного самого активного черносотенца только потому, что он сам – активный черносотенец, как бы громко он ни заявлял о себе словом и делом. И тут же, в явном противоречии с этим, несколькими строчками ниже он пишет о том, что церковный староста Русских поплатился жизнью за донос полиции, что Лбов обложил его, как богатого человека, во-первых, не суммой в сто рублей, а 15 тысяч, а во-вторых, мы приводили выше письма лбовцев к членам союза «Русского народа» с требованием уплатить определенные денежные суммы, или прекратить политическую деятельность. Последнее свидетельствует о том, что террор для «лесных братьев» был не только средством самозащиты, но и орудием осуществления политических целей движения. Орудиями террора служили для «лесных братьев» чаще всего револьвер и бомба, а также винтовка, нож и даже топор. Лбовцы применяли террор для так называемого «снятия» или «устрашения».

«У революционных организаций, вынужденных вести подпольную борьбу, – писал Б.Н. Назаровский, – нет иных средств защиты от провокации и предательства, кроме применения смертной казни. И со времен «Народной воли» она считается в этом случае морально и политически оправданной»². Кем считается и почему – в этом вся суть дела. Однако рассмотрим этот вопрос подробнее при дальнейшем изложении, а сейчас займемся конкретными фактами террора, а также теми причинами, которые его вызывали. Рабочие Леденцов и Соловьев собирали с населения деньги от имени Лбова, а затем пропивали их. Они не принадлежали к лбовскому отряду. За это преступление они были убиты Лбовым. Рабочий Пермин убит за донос полиции о том, что его сын Петр сошелся с социалистами и читает нелегальные книги. Убийцей явился сам Петр, бежавший ко Лбову

¹ Чердынцев Н. Указ. соч. С. 206.

² ГОПАПО, ф. 25, оп. 1, ед. хр. 87, л. 72.

после доноса отца. Статский Кулаков убит за донос на сторонника Лбова. Стрепунин зверски убит за донос на рабочего, хранившего на своем покосе имущество «лесных братьев». Стрепунину было нанесено 59 кинжальных ран. Был убит рабочий Былев по подозрению в шпионской деятельности. Околоточный надзиратель, вооруженный маузером, отнятым у лбовцев, в наказание за это был убит, а маузер торжественно возвращен отряду. За доносы полиции убит бомбой рабочий Петелин. В ночь этого убийства 24 апреля 1907 года лбовцы бросили еще три бомбы в разных лиц, мстя им за связи с полицией и предоставление ей сведений об отряде Лбова. По этому поводу лбовцами была выпущена листовка с печатным штемпельным оттиском следующего содержания:

«Граждане!

24 апреля были брошены бомбы Петелину, Огарышеву и Патокину, и были убиты выстрелами Кулаков и Былев. Это мы, группа террористов, привели в исполнение свой приговор над частью здешних провокаторов. Это были наказаны неисправимые провокаторы и шпионы. И мы говорим: смерть и всем тем, которые еще осмелятся сделать одно из этих проявлений, подобное правокаторству и шпионству. Они получают то же, что получили Петелин и другие с ним 23 апреля. И не один не спасется из тех, кто сделает подобное зло. Граждане, смерть да будет всем провокаторам и шпионам. Группа террористов»¹.

В этот день пермское охранное отделение отправило в Петербург в Министерство внутренних дел такое донесение: «Сегодня в 12 часов ночи в Мотовилихе в дома местных обывателей, способствовавших раскрытию преступлений, брошены три бомбы. Убит обыватель Семен Дмитриевич Петелин. Жена его слегка ранена. Подробности почтой»².

Жена С.Д. Петелина, оставшаяся в живых, заявила о своем подозрении на В.С. Старкова, 28 лет, который угрожал ее мужу за то, что муж признал у судейского следователя государственного преступника Михаила Стольников. Бомба, брошенная в дом И.С. Патокина, не причинила вреда. Патокин полагает, что это месть ему за то, что он хранил ключ от квартиры Смирнова, где был убит помощник пристава Лемеш. Третья бомба, брошенная в дом А.Т. Огарышева, не привела к жертвам. Огарышев подозревает, что бомба была брошена В. Пищулевым или его товарищами. Они злятся на него за то, что он признал по кар-

¹ ГОПАПО, ф. 25, оп. 1, ед. хр. 87, л. 73.

² ГАПО, ф. 160, оп. 3, ед. хр. 277, л. 53.

точке государственного преступника М. Стольников, за что «ему и мстят»¹.

Ходить по улицам Мотовилихи шпионам и провокаторам даже днем стало опасно. 30 июня в 7 часов вечера двумя «злумышленниками» 18-19 лет у своего дома был убит Г.А. Каравашков за то, что он был «в хороших отношениях с полицией»². 2 февраля 1907 года в 2 часа ночи в Мотовилихе была брошена бомба в дом заведующего аптекой госпиталя Мотовилихинского завода А.Н. Шихарева, жившего по Непролазной улице. Одновременно по этому дому было произведено до 30 выстрелов. Бомбы и выстрелы никому вреда не причинили, похоже, что «лесные братья» решили Шихарева просто основательно «попугать». У Шихарева в течение всего 1906 года были конфликты со служащими-фармацевтами, которые хотели организовать свой профсоюз, чему Шихарев препятствовал. 29 декабря 1906 года, после проведенного фармацевтами без разрешения Шихарева и административных властей собрания к нему явилась депутация, которая потребовала увольнения сторожа аптеки, бывшего городского Легостаева, подозреваемого в шпионстве за сотрудниками. Шихарев не только отказал, но и сообщил горному начальнику и полиции о самовольно созванном в аптеке собрании. В результате 10 фармацевтов в административном порядке посадили в тюрьму на 70 дней, т.е. каждого на неделю, а одиннадцатого – сроком на три месяца. 25 января 1907 года к Шихареву приходили пермские либералы – адвокат М.И. Наговицин и переплетный мастер Абрамович, которые требовали от него, чтобы он через газету отрекся от показаний, которые он давал, угрожая, что иначе его «участь будет некрасивой».

Шихарев не только не отрекся, но и об этом визите сообщил полиции. В результате спустя несколько дней в окно дома, в котором он жил, полетела бомба. Розыски бросивших бомбу шли долго, однако к практическим результатам не привели. Это было рассчитано на то, чтобы запугать агентов правительственного аппарата. В окна квартир приставов, в окна общежитий стражников летели бомбы. Террор против агентов правительственного аппарата отражал настроение масс рабочих.

Были убиты анархист Сивков и его гость, полицейский стражник, по подозрению, что Сивков выдал полиции некоторые тайны лесных анархистов. Сивков пал под ударами ножа, а стражнику была отрублена тупым топором голова, и изуродова-

¹ ГАПО, ф. 160, оп. 3, ед. хр. 277, л. 35-35 об.

² Там же.

но лицо. Во время наряда полицейских стражников для ночного обыска к дверям Мотовилихинского волостного управления была подложена бомба. Покушение не удалось, потому что кто-то посторонний отворил дверь и ударил ею бомбу. От ее взрыва пострадал лишь отворявший, а не стражники. Была брошена бомба в квартиру вновь назначенного станowego пристава, сразу заявившего о себе крутыми мерами против лбовцев. Пристав остался жив, т.к. во время взрыва его не было дома. Была сделана попытка убить взрывом бомбы рабочего Петра Поткина, который до «декабрьского вооруженного восстания» 1905 года в Мотовилихе был одним из ближайших друзей Лбова и разрешал в своей квартире проводить лбовские собрания, а после восстания с настойчивостью ищейки выслеживал его, чтобы выдать полиции. Поткина спасло то, что бомба была брошеналетней ночью, и он спал не в избе, а на сеновале¹.

Лбов далеко не сразу после того, как он скрылся после декабрьских событий в Мотовилихе, встал на путь террора и экспроприаций. Лишь осенью 1906 года ему стали приписывать некоторые акты террора и экспроприации, совершенные в Мотовилихе и ее окрестностях. Специальное дело «О розыске Александра Лбова» было заведено в Пермском охранном отделении в сентябре 1906 года. И первым в этом деле был подшит составленный 2 сентября 1906 года Косецким протокол о показаниях П.А. Поткина, сообщившего о том, где скрывается Лбов, и кто с ним связан. Интересно проследить аттестацию Лбова в полицейских документах. Первоначально он характеризуется как «скрывшийся в декабре-месяце сельский обыватель Мотовилихинского завода Александр Михайлович Лбов» и только, – даже не преступник, а потом – «государственный преступник»², затем в этой переписке, как «политический преступник» и, наконец, как «известный разбойник».

В ноябре 1906 года была устроена облава во всем квартале, прилегающем к дому Лбова. Облава ничего не дала. Но полиция арестовала всех родственников Лбова, а вслед за тем и родных Михаила Стольникова. Арестовали отца Александра Лбова – Михаила Ильича, бывшего солдата, георгиевского кавалера, жену Лбова, его дядей и теток, свояков и шуринов, отца Стольникова, Сергея Львовича, и других его родственников. Аресты прошли не только в Мотовилихе, но и в Усть-Сылвенской волости, где жили родственники Стольникова. Это было полное беззаконие, потому что эти люди не принимали

¹ Чердынцев Н. Указ. соч. С. 207.

² ГАПО, ф. 160, оп. 3, ед. хр. 271, л. 1, 14.

никакого участия в революционном движении. Пермский уездный исправник писал: «Надеюсь, что родственники укажут местонахождения Лбова и одна из теток его, муж которой подвергнут аресту, принимает меры к обнаружению его»¹. Эта тетка и в последующем активно сотрудничала с полицией.

Либеральная газета «Камский край» писала о том, что число арестованных по делу Лбова составляло около 50 человек. И не только арестованным близким и дальним родственникам Лбова и Стольникову, но и самим Лбову и Стольникову судебные власти не могли предъявить никакого «внятного» обвинения, кроме одного – участие в декабрьских событиях в Мотовилихе 1905 года. Полицейские репрессии, безусловно, оказали негативное влияние на радикализацию взглядов и действий Лбова в известном направлении «партизанской войны».

А в партизанской войне борьба с провокаторами являлась необходимым условием не только ее успеха, но и возможности ее продолжения. Возникает вопрос: какое влияние имела лбовщина на развитие провокации в рабочем движении Прикамья? Действительно ли в дружине Лбова было множество провокаторов, осведомлявших охранку о каждом движении его отряда? Уже потому, что его долго не могли поймать, можно было судить, что это было не так. С провокаторами Лбов вел беспощадную борьбу, и в случае их разоблачения они, как правило, физически уничтожались. «Засорение», вернее, проникновение провокаторов в пермский революционный отряд происходило через его пополнение. Легенды и сказки о том, как хорошо живется боевикам в лбовском отряде, как можно, не работая, иметь много денег была широко распространена среди рабочих Мотовилихи. Наплыв желающих предложить свои услуги Лбову был велик, особенно на первых порах, когда слава о «лесных братьях» гремела широко по предгорьям Урала. Однако в этом наплыве желающих послужить в партизанском отряде был и негативный момент, способствующий проникновению в него провокаторов. Были люди, попадавшие в дружину Лбова случайно, которые после первого ареста начинали давать на допросах «откровенные показания». Они были из числа пришедших в дружину весной и летом 1907 года, периода ее наибольших успехов. Особенно много их было из числа беглых ссыльных, которых Лбов принимал без разбора. Такими боевиками, которые давали потом в охранке откровенные показания, были Сиволожский, Киряев (Ситников), Солодов (Голубев). Оправдываясь на допро-

¹ ГАПО, ф. 160, оп. 3, ед. хр. 271, л. 2.

сах, они заявляли, что вступили в отряд Лбова с «единственным намерением» оказать потом помощь полиции в поимке Лбова и «заработать на этом денег». Однако эти люди не сообщали охране сколько-нибудь ценных сведений, которые помогли бы в поимке Лбова и его помощников. Эти сведения давали, как правило, те люди, которые стояли у истоков движения «лесных братьев» и многое знали о его организации. Они, как правило, были из ближайшего окружения Лбова. Из числа таких провокаторов следует назвать Александру Васильевну Смирнову, жену литейного мастера И.Ф. Смирнова. Она после операции «лесных братьев» в Полазне и последовавшей облавы в их квартире стала помогать охране и навела ее на след «Сибиряка», а потом и «Демона». Александра Васильевна и после этого осталась связанной с дружиной Лбова и ездила по поручению ее руководства в разведку в Надеждинский завод, о чем сообщила охране, так как она знала о перебазировании оперативных действий лбовцев в другой район.

Брат А.В. Смирновой, Петр Васильевич Захаров, который был арестован на квартире Смирновых, также предложил полиции свои услуги по содействию в поимке лбовцев. Он побывал один раз в лагере лбовцев, виделся там и разговаривал со Лбовым, с которым был знаком с детства. Сообщив обо всем известном охране, он отправился снова в стан «лесных братьев», но на старом месте их не нашел. В конце июня 1907 года ему удалось второй раз найти стан лбовцев. Однако там он 27 июня попал в облаву в районе деревни Архирейки. Один из лбовцев, И.Н. Попов, был в перестрелке убит, другой, Т.В. Булыгин ранен, а Захарова захватили. Он сразу же заявил полиции, что он — агент охраны. Самойленко признал его, однако на этом шпионская деятельность Захарова закончилась¹. Он не проявил особой гибкости и оперативности в добывании ценной информации о «лесных братьях», а своими неуклюжими действиями вызвал «настороженность» лбовского окружения. Такие провокаторы охране были не нужны.

Самым удачливым провокатором, на судьбе которого следует остановиться, был 18-летний Дмитрий Худорожков, носивший в охране кличку «герой». Однако он не был с самого начала своей деятельности в лбовской дружине провокатором. Он стал им впоследствии, в сентябре 1907 года. После операции лбовских боевиков в Надеждинске, будучи недовольным распределением награбленной добычи, он решил попытаться счастья

¹ ГОПАПО, ф. 25, оп. 1, ед. хр. 87, л. 117.

самостоятельно. И, отделившись от отряда Лбова, он поехал с группой своих приятелей на «самостоятельные операции», на Южный Урал, и был арестован на станции Челябинск. Доставленный в Пермь, он после беседы с Самойленко 4 сентября 1907 года дал откровенные показания. Он взялся помогать охранке в выявлении лбовцев, и был по настоянию Самойленко «отпущен» из заключения для этой цели. Худорожков был провокатором, потому что решил спасти свою жизнь. В условиях действия военно-полевых судов его преступления в отряде лбовцев с лихвой хватило бы на то, чтобы его казнить. Самойленко доказал Худорожкову, что он будет судим и затем повешен, и что он может спасти свою жизнь только одним способом, а именно, — путем дачи откровенных показаний и оказания помощи полиции в поимке Лбова и «лесных братьев». В архивных делах имеются многочисленные запросы с требованием доставить Д. Худорожкова в тюрьму и предать его суду. Отказы Самойленко убеждают, как высоко ценил опытный глава пермской охранки юного «героя», какие надежды он на него возлагал. Дело в том, что Худорожков был сравнительно близок к Лбову и осведомлен о делах лбовской дружины значительно лучше, чем любой из провокаторов, сотрудничавших до этого с охранным отделением. Именно поэтому Самойленко упорно защищал Худорожкова от пермского губернатора А.В. Болотова, пермского и екатеринбургского прокуроров, которые настаивали на немедленном привлечении его к уголовной ответственности за участие в ряде экспроприаций в Перми и Екатеринбурге. Он был настолько уверен в непогрешимости своей позиции, настолько большие надежды возлагал на юного «героя», что решил прибегнуть к помощи Департамента полиции для того, чтобы сохранить Худорожкова и не предавать его суду. И такую поддержку из Петербурга в этом вопросе он получил. С помощью Департамента полиции пермской охранке удалось сохранить Худорожкова как своего агента. «Потому как пермская охранка цеплялась за Худорожкова, носилась с ним, — писал Б.Н. Назаровский, — видно, что дело с агентами в дружине Лбова обстояло не так уж благополучно»¹.

Худорожкова выпустили из тюрьмы, где, по словам Самойленко, ему грозила верная смерть со стороны преданных им разбойников, и он стал работать на охранку. Однако эта работа не была очень успешной, а провокаторская карьера Худорожкова была непродолжительной. В сентябре 1907 года он обжился

¹ ГОПАПО, ф. 25, оп. 1, ед. хр. 87, л. 117.

в Мотовилихе, пытаясь восстановить связи со лбовцами. 14 сентября производился обыск по его наводке. Но он не дал никаких практических результатов. 15 сентября он снова «наводил» полицию на квартиру, где должны были находиться лбовцы. Однако их там не оказалось. 17 сентября уже появились признаки того, что «лесные братья» его разгадали. В него стреляли два лбовца – Погонный и Сорванец.

18 сентября Худорожков ходил в лес за Мотовилихой искать избушку, где скрывался Лбов, и встретил его. Полиция следовала за Худорожковым. Она пыталась задержать Лбова, завязалась перестрелка. Лбов ушел. 19 сентября вновь перестрелка с Лбовым. И опять безрезультатная. Сам Худорожков свои провокаторские подвиги описывал так: «21 сентября ночью, когда я подходил к дому, меня окружили разбойники во главе со Лбовым и увели в избушку, где они обитали и намеревались совершить надо мной суд, но я в ту ночь, воспользовавшись моментом, когда разбойники уснули, выпросился у поставленного ко мне часового для отправления естественной надобности и от разбойников убежал»¹.

Читая показания Худорожкова, удивляешься, насколько свободно вели себя лбовцы в Мотовилихе, особенно ночью. Невольно закрадывается в голову мысль о том, что правы те обыкатели, которые считали его второй, причем реальной властью в поселке, даже более реальной, чем первая государственная власть. Однако вернемся к нашему «герою». Самойленко не для того спас его от прокуроров и судей, чтобы он гулял на свободе, а для того, чтобы он действительно помог поймать Лбова и его «лесных братьев». Спасенную жизнь и избавление от тюремного заключения надо было отработать, и Худорожков понимал это. Поэтому 24 сентября ему пришлось вести новую экспедицию в лес. Однако она также была безуспешной. В последних числах сентября Худорожкова обстреляли в лесу. В первых числах октября, когда он подходил к своему дому, его обстреляли вновь, с головы была сбита фуражка, прострелен рукав. Он понимал, что лбовцы будут мстить ему, и месть их будет беспощадной. Он поделился своими сомнениями с новым начальником пермского охранного отделения Сизых. Но тот сказал, что из этого положения остается единственный выход: поимка Лбова и его сподвижников. Понимая, что все другие пути ему заказаны, Худорожков попытался продолжить свое провокаторство. И наконец счастье улыбнулось ему: в ночь на 18 октября он выследил и помог по-

¹ ГАПО, ф. 160, оп. 3, ед. хр. 283, л. 470 об.

лиции накрыть в бане на усадьбе в Мотовилихе ближайших сторонников Лбова – Ипполита Фокина и Дмитрия Самойлова. Это был несомненный успех, оставшийся, однако, в провокаторской деятельности Худорожкова единственным.

Еще раньше, в ночь на 4 сентября, когда он вновь отправился по настоянию охраны в лес, для того чтобы в окрестностях Перми выслеживать лбовцев, он был обстрелян ими и ранен в ногу. Рана была опасной. Пуля пробила коленный сустав. Удивительно, как с таким ранением Худорожков, отстреливаясь, мог добраться до извозчика. На нем он «бежал» в город и прибыл прямо в охранное отделение. Начальник пермского охранного отделения подполковник Самойленко понимал, что над его агентом нависла серьезная опасность. Взвесив всю совокупность обстоятельств в сложившейся ситуации, он решил поместить Худорожкова под другой фамилией в Пермский военный госпиталь, понимая, что в обычной земской больнице он будет неминуемо убит лбовцами. Сохранилась просьба Самойленко к зав. госпиталем разрешить матери Худорожкова Анне Сигизмундовне посетить сына. 9 декабря поправившийся Худорожков давал охране справки, касающиеся его прошлых дел в отряде Лбова. Однако слежка за ним со стороны оставшихся на свободе лбовцев продолжалась. Худорожков жил у своих родителей в Мотовилихе, которые имели собственный дом в районе Запруды. Здесь, возле этого дома, в январе 1908 года Худорожков был убит двумя рабочими, которые специально следили за ним. Так закончилась жизнь 18-летнего «героя», которого на провокаторском поприще хватило всего на 4 месяца.

Необходимо заметить, что условия жизни шпионов и провокаторов в боевой дружине были значительно опаснее, чем в легальной организации, которая не ведет боевых операций. Там ему грозит только арест, и можно быть уверенным, что полиция разберется и выгородит своего человека. В лбовском отряде было иначе, попадешь в засаду или облаву – неизбежна перестрелка, в которой пуля не разбирает, кто тут действительно боевик, а кто – провокатор. Однако шпионы и провокаторы в дружине Лбова были. Они были из близкого и дальнего окружения отряда. Они, в основном, питались слухами, поэтому их информация о деятельности «лесных братьев» была малоценной.

Среди этих провокаторов были и люди Лбова, которые выполняли двойную функцию. Во-первых, они давали информацию о планах полиции и охранного отделения, а, во-вторых, поставляли дезинформацию для охраны, в результате которой охранка имела о местопребывании Лбова, о передвижениях его отряда порой самые фантастические представления.

Если сравнить и сопоставить эти донесения в охранное отделение, то получалось, что Лбов одновременно находился в разных местах Пермской губернии: на севере ее и на юге, в Перми и в Чусовом одновременно. Эта невообразимая путаница мешала охранке устанавливать настоящее местопребывание лбовского отряда и эффективно бороться с ним.

Что касается лбовских осведомителей, то от них не оставалось почти никаких следов. Лбов никого во время следствия и суда над ним не видел, а информацию его «шпионы» доставляли непосредственно ему, он сам их выбирал для этих целей и давал им конкретные поручения, они должны были о их выполнении сообщать лично ему или оставлять информацию в определенном месте. Автору этих строк приходилось слышать от пожилой учительницы рассказ о том, что ее мать, будучи одиннадцатилетней девочкой, (ее семья жила тогда в Мотовилихе – В.С.) должна была выполнить определенные поручения Лбова, она была «связной». Лично она не ходила к Лбову в лес. Ее задача заключалась в том, чтобы полученные сведения, записанные на листке, в определенном месте «класть под камень». При этом она должна была выполнять очень строгие меры предосторожности. Момент «прятания» записки под камень должен быть абсолютно секретным, т.е. он не должен быть кем-то зафиксирован. После определенного срока – день или два – она должна была проверять, взята ли записка, и нет ли там, в том же тайнике еще какого-то документа, который ей необходимо передать по определенному адресу. Такая система информационного обеспечения отряда, опирающаяся на широкие слои населения Мотовилихи, включая детей и подростков, была очень эффективной. Она позволяла результативно противодействовать коварным планам охранки и полиции и обеспечивать выживаемость отряда в течение почти двух лет его деятельности.

В этом же направлении действовала продуманная лбовская тактика. Под ней мы понимаем всю совокупность способов, приемов деятельности Лбова, благодаря которым ему удавалось избегать ареста. Лбов в течение двух лет жил в лесу под Мотовилихой на положении почти затравленного зверя. За ним охотились полиция, жандармы, казаки, ингуши, множество сыщиков. На него устраивали облавы, длившиеся иногда несколько дней, самые усовершенствованные засады. А он оставался целым и невредимым. Возникает вопрос: к каким способам прибегал он для спасения своей свободы и жизни?

На травлю Лбов смотрел как на нормальное условие своей жизни. К этому он приспособил свою психику и весь уклад своего существования. Он выработал в себе «чрезвычайную» осто-

рожность и окружил себя системой предохранительных мер¹. В каждый момент жизни в лесу у него было все готово к тому, чтобы бежать от преследования и, если нужно, то отстреливаться. В отряде «лесных братьев» был установлен по инициативе Лбова суровый режим постоянной тактической готовности к бою. Он выражался в том, что винтовки и револьверы должны были быть всегда тщательно вычищены. «Пострелял, протри!» – поучал боевиков Лбов. «Помни, что ты погибнешь, если явятся драгуны, а винтовка у тебя будет фальшивить, потому что не чищена».

Система мер предосторожности выражалась в том, что за-
прещалось разбирать одновременно более одной винтовки. Боевик в лесу не имел права ни на минуту выпускать винтовку из рук. Поставить ее к елке и отойти на несколько шагов считалось таким преступлением, за которое Лбов будет ругать целый день. Стоянки в лесу оберегались тщательным караулом и днем и ночью, караульной службе придавалось такое значение, что на ней делалась карьера. Лбов лично следил за исполнением караульной службы. Популярность Лбова значительно облегчала ему возможность заблаговременно знать что нужно. Его добροжелатели из местного населения предупреждали его о движениях войск, арестах его сторонников, о засадах и пр. Русский человек вообще испытывает уважение к сильному человеку, резко порывающего с силой традиций и не боящегося властей. А. Лбов был именно таким человеком. Он не только бил полицию, не щадил богачей, но еще и оказывал беднякам помощь в нужде. Поэтому в критические минуты ему случалось получать помощь оттуда, откуда он ее совсем не ожидал.

С гор, окружающих Мотовилиху, видны дома ее жителей. Лбов смотрел с гор, различая сигналы в окнах домов. Жители Мотовилихи всегда знали, есть ли в окрестностях поселка засады, или их нет. В случае опасности они выставляли особый сигнал, и Лбов или его боевики возвращались в лес. Сигнализовали мотовилихинские девицы, исполнявшие разведочную наблюдательную службу в качестве добровольной натуральной повинности. Награды за нее они не получали и действовали бескорыстно, а иногда по симпатиям и отношениям интимного характера. Некоторые мотовилихинские девушки имели в «лесных братьях» своего близкого человека. В таких случаях они проявляли особую заинтересованность в сохранении лбовского отряда.

¹ Чердынцев Н. Указ. соч. С. 208.

Неожиданные облавы были всегда неприятнее. Они часто ставили Лбова в безвыходное положение: ни в лес, ни из лесу, — куда хочешь беги. Однако он умел находить выход и из таких сложных положений. Он спасался в таких случаях тем, что заходил в тыл своим преследователям и ходил за ними следом. Были известны случаи, когда большие полицейские разъезды накрывали отряд Лбова, и оставалось только взять его, а он вдруг исчезал. Он отрывался от разъезда, а затем заходил ему в тыл и следовал за ним. И такая «игра» продолжалась иногда несколько дней, пока руководство войсковых и полицейских частей не убеждалось, что Лбов опять «ускользнул», и не возвращалось в город «ни с чем». Он умело пользовался слухами для дезориентации полиции и охраны. Распуская через своих людей слух, что он бежал в Екатеринбург или Вятку, спокойно располагался в лесу под Мотовилихой в своих избушках, которых у него со временем стало несколько.

Он хорошо знал способы действий своих врагов, знал, какие меры могут спасти его от драгун, а какие — от полицейских стражников. При этом сказывалась практическая сметка Лбова, его природный ум, хорошие знания им основ воинской службы. Ряд рассказов, свидетельствующих об этом, по свежим следам, отложившимся в памяти очевидцев, записал Н. Чердынцев, который имел возможность лично контактировать с ними. От него рассказы перешли в историческую литературу, беллетристику и т.п. Вот некоторые из них.

Однажды зимой 1906 года Лбов вместе с одним городским пропагандистом, приходившим к нему в гости, пошел в Мотовилиху. Они шли на лыжах. Кстати, Лбов был отличным спортсменом, и спортивная закалка помогала ему в самых сложных ситуациях находить выход из положения. У опушки леса спутник отдал Лбову свои лыжи, а сам отправился на вокзал и благополучно уехал.

Лбов же напрямик через открытое поле пошел к своему дому. Его заметила полиция, и едва он дома успел закрыть ворота на засов, как дом был окружен полицейскими стражниками. Однако он не растерялся. Он встал во дворе за толстый столб и начал обстреливать забор, за которым мелькала полиция. Ранил нескольких человек. Потом он неожиданно открыл ворота, схватил ближайшего стражника, сорвал с него шапку, нанес ему этой шапкой несколько ударов и, увидев, что оставленные им у ворот дома лыжи сломаны полицией, снова захлопнул ворота. Все это он проделал с такой быстротой, что «неотесанные стражники, на вербованные из простых мужиков, ошалели и не двинулись с места».

Лбов зарядил винтовку и через поле зашагал в лес. Облава оцепила не только его дом, а всю местность, и это спасло его. В него стали стрелять, но в темноте делали это плохо. Только одна пуля оцарапала его руку. Он же, осмотревшись и заметив черневшие посреди снега папахи, в свою очередь, открыл стрельбу, целясь несколько ниже линии снега. Ранил пять или шесть смежных номеров цепи и, минуя их, свободно ушел в лес, а там, разыскав лыжи своего спутника, быстро оказался вне опасности. Он сам рассказывал потом своим друзьям, что если бы в облаве были драгуны, он погиб бы. Этот случай дал повод к фантастическим рассказам о том, как Лбов умеет уходить из рук полиции¹.

А вот другой рассказ, не менее ярко рисующий находчивость Лбова и отсутствие элементарных профессиональных навыков у полиции. Лбов с Ястребовым, Пищулевым, Перминовым и другими боевиками был в Мотовилихе в гостях у родственников. Лбов с женой пошли в баню. И вдруг – тревога: полиция и солдаты окружили дом. Сообщили Лбову. Он быстро оделся и стал торопить жену, чтобы спасти ее от ареста. Она заявила, что не пойдет с ним. Он не мог переубедить ее. Елизавета Васильевна, полностью подчинявшаяся мужу, иногда способна была настоять на своем. Тогда Лбов пошел один.

Воспользовавшись темнотой, он приказал своим боевикам открыть беспорядочную стрельбу и благодаря суматохе проскочил через цепь засады. Но его товарищи набегали на солдат. «Кто идет?» – спрашивают солдаты. – «Свои», – хохочут лбовцы, продолжая утекать. Солдаты открыли огонь, но в темноте никого не ранили. В основе этого рассказа лежит облава, совершенная на дом Витте. Тот же прорыв Лбова с боевиками через цепь солдат, но для того чтобы рассказ лучше слушался, он разукрашен несуществующими подробностями: например, Лбов в бане с женой, ее строптивость, шутливый диалог лбовцев с солдатами, которого в действительности не было.

Эпизод Лбова с баней рассказчикам так понравился своей фантастичностью, что его решили обыграть в тех народных рассказах и легендах, которыми было окружено имя Лбова в местном народном эпосе.

Конечно, данный рассказ недостоверен, конечно, такого не было, однако, умение Лбова обманывать полицию и ингушей было так велико, что он воспринимался как правдивый и вполне соответствующий действительности. В записи Н. Чердынцева он

¹ Чердынцев Н. Указ. соч. С. 210.

выглядит следующим образом. Лбов опять дома, с женой. Нагрянули к нему. Лбова нет, во дворе старичок колет дрова и таскает их в баню. Полицейские думают: баня! Это для Лбова. «Лбов здесь?» – спрашивают таинственного старичка. «Здесь, здесь, – лукаво подмигивает старичок, – в избе с женой сидит», – шепотом добавляет он. И тащит дрова в огород, где стоит баня. Полицейские окружили дом. Вошли в него. В избе жена с двумя малолетними сыновьями. Осмотрели все закоулки, отрутали детей: вырастете, как отец, разбойниками будете! Лбова нигде нет, послали за старичком, спросить, где он видел Лбова. Однако его и след простыл... По общему убеждению, старичокто и был замаскированный Лбов¹. В этом рассказе артистические способности Лбова к перевоплощению принимают сверхъестественные масштабы. Ротозейство и непрофессионализм полиции принимают здесь фантастические размеры: трудно представить высоченного брюнета в возрасте 32 лет дряхлым старичком. Что, у полиции не было примет Лбова, или он обладал фантастическими способностями к перевоплощению и мог за минуту без театральных атрибутов обратиться в старика, совершенно на себя непохожего? А куда девался высокий рост и гвардейская стать, которой Лбов так гордился, и которая отличала его от других жителей Мотовилихи? Конечно, данный рассказ – дело устного народного творчества, конечно, точно такого случая не было, однако, если судить об удачливости Лбова, то такой случай вполне мог иметь место по логике событий.

Выработав в себе необычайную способность не терять присутствия духа в период критических ситуаций, Лбов добивался того же и от своих боевиков. И его беспощадная муштра принесла свои плоды. Поймать лбовца было нелегко. Полиции попадались только новички. Лбовцы, бывшие в отряде длительное время, попадали в руки полиции только через предательство. Старый боевик Тихомиров-отец был выдан охране своим же сыном, тоже лбовским боевиком. Выполнение некоторых воинских упражнений было доведено лбовскими боевиками до виртуозного совершенства.

Один из лбовцев, Николай Барышников, во время налета на винные лавки до такой степени совершенства довел процесс бомбометания, что обычно просил у продавца бутылку водки и брал ее в левую руку, при выходе из лавки, не оборачиваясь, правой рукой через плечо швырял в лавку бомбу, легко и играючи, точно грушу. Во время разгара бомбометания в казенные

¹ Чердынцев Н. Указ. соч. С. 208.

винные лавки полиция решила применять в них засады. Для видимости открывали лавку, а кругом прятали стражников в расчете на то, что придут лбовцы с бомбой, и их возьмут на месте. Однако из этого замысла ничего не вышло, пользующиеся доверием населения лбовцы узнавали своевременно о засаде, делали облавы на стражников, пуская в ход весь богатый набор оружия, которым они владели. При этом не обходилось без курьезных случаев. Н. Чердынцев описывает случай, когда стражник, спасаясь от облавы, выбежал на улицу, схватил случайно проходившую древнюю старушку и сделал из нее для себя «щит». Лбовцы хотели было стрелять, но видя, как обезумевшая старуха корчится от страха в руках догадливого стражника и орет: «Матушка, Царица Небесная! Спаси ты меня, грешную», – расхохотались и оставили стражника. После ряда таких случаев по распоряжению начальства засады из стражников были отменены. Поддержка и связь Лбова с местным населением делали их неэффективными. Лбов не терял присутствия духа, несмотря на все трудности нелегального положения. В глубокой тайне он продумывал свои новые акции экспроприаций, а затем неожиданно наносил их там, где, как правило, его совершенно в это время не ждали. И только в конце лета 1907 года у него стали проявляться признаки психического перелома. Они находили выражение в его пессимистических заявлениях такого типа: «Хоть бы с год еще уцелеть, сделал бы я свое дело! Да нет, не дадут прожить на воле год! Возьмут и вздернут». Никто не знает, какое дело имел в виду Лбов, может быть, покушение на пермского губернатора, а может быть, и на самого императора Николая II. Гадать в данном случае бесполезно, поскольку никаких источников, расшифровывающих данное замечание руководителя «лесных братьев», нет. А высказывать предположения бесполезно, поскольку их может быть, во-первых, множество, а, во-вторых, они все могут не соответствовать действительности. Несомненно одно – Лбова тревожили факты общественной жизни России. Во-первых, разгон Второй Государственной Думы. Он произвел на него ошеломляющее впечатление как показатель силы нарастающей реакции в России. К самой Думе у него определенного отношения не было: то он посылал людей, которые в беседах с ним возлагали на нее надежду, «к черту», то советовал идти в нее и что-то делать. Лбова тревожили и события, происходящие на Урале, а именно, – укрепление полиции, наведение порядка на всех уровнях управления, участвовавшие неудачи боевиков: некоторые мероприятия лбовцев кончались их настоящим разгромом, например, под Левшиным, под Екатеринбургом, в Елабуге и т.п.

Все это обязывает нас хотя бы вкратце рассмотреть систему мероприятий, направленную на укрепление аппарата правопорядка в России. Решающую роль в наведении порядка в Пермской губернии взял на себя губернатор А.В. Болотов. Он решил наводить порядок на всех уровнях, во всех звеньях управления и, прежде всего, в органах правопорядка. Если начальник пермского охранного отделения решил обновить кадры стражников, полицейских приставов и околоточных, поскольку они оказались малопригодными в борьбе с лбовскими «лесными братьями», то губернатор решил сменить и самого начальника охранного отделения подполковника Самойленко. Последний пользовался определенным авторитетом в Департаменте полиции, поэтому сделать это было не просто. Губернатору помогло то, что пермская охранка и жандармерия никак не могла поймать Лбова. Это вызвало недовольство в Департаменте полиции и помогло губернатору добиться смены начальника охранного отделения. В октябре 1907 г. подполковника Самойленко-Манджара на посту начальника пермского охранного отделения сменил ротмистр Сизых, который, по свидетельству чиновника Департамента полиции, был надежным человеком, хотя и не хватал звезд с неба. При нем мало что изменилось в принципах деятельности пермской охранки. По-прежнему решающая роль в вопросе борьбы со лбовщиной принадлежала губернатору А.В. Болотову.

Дел было много, особенно в связи с участвовавшими экспроприациями лбовцев. Страх перед экспроприациями привел к тому, что в 1906 и 1907 годах министерства царской России и местная администрация приняли широкую систему мер по охране банков, казначейств, почтово-телеграфных учреждений, складов взрывчатых веществ, а затем винных лавок и их складов.

В фонде канцелярии Пермского губернатора сохранилась обширная переписка по этому вопросу, свидетельствующая о том, что эти вопросы находились в центре внимания Пермской администрации. По подсчету Б.Н. Назаровского, переписка, специально посвященная охране этих учреждений, отложившаяся в Государственном архиве Пермской области за период времени с 1 марта 1906 по 18 января 1908 года, составила 1338 листов¹.

Переписка велась между губернатором, уездными исправниками, пермским и екатеринбургским полицмейстером, губернским жандармским управлением, управляющим Пермской ка-

¹ ГОПАПО, ф. 25, оп. 1, ед. хр. 87, л. 122.

зенной палатой, управляющим Пермским отделением Государственного банка, управляющим Пермской железной дорогой, начальником Пермского почтово-телеграфного округа, Пермским жандармским управлением железных дорог, штабом Казанского военного округа, начальником пермского гарнизона, командованием отдельных воинских частей. В этой переписке участвовали и частные кредитные учреждения, и промышленные предприятия. В ней имеются циркуляры Министерства внутренних дел, Министерства финансов и других центральных ведомств России того времени. Поводом к возникновению переписки и к усилению охраны первоначально послужили не местные экспроприации, а общее положение в стране и циркулярные указания министерств и ведомств в связи с экспроприациями, произведенными в других районах страны. Однако вскоре и местные экспроприации стали заставлять администрацию усиливать охрану перечисленных выше учреждений.

4 февраля 1906 года были высочайше утверждены правила о призыве войск для содействия гражданским властям, которые сыграли существенную роль в привлечении войсковых соединений, частей для наведения порядка в тех регионах и городах страны, где в этом возникала необходимость.

28 февраля 1906 года и.д. пермского губернатора А.В. Болотов созвал совещание по вопросу об усилении охраны кредитных учреждений губернии в связи с имеющимися сведениями о частых случаях вооруженного нападения на «кредитные учреждения» с целью грабежа. На этом совещании были разработаны меры по охране этих учреждений. Эти меры явились очень своевременными потому, что 8 марта 1906 года губернатору пришла телеграмма из Министерства внутренних дел, в которой сообщалось об экспроприации двадцатью вооруженными лицами в Московском кредитном обществе 875 тыс. рублей. Она заканчивалась предписанием министра внутренних дел о необходимости принятия «мер предосторожностей в банках и казначействах» и распоряжений о розыске похитителей¹.

Губернатор сообщил о московской экспроприации исправникам и полицмейстерам. Они стали докладывать ему о принятых мерах. Все стали просить о помощи в усилении охраны. Полиции не хватало, имеющегося состава воинских частей было недостаточно. В центре Перми было решено сосредоточить 50 человек военной охраны для оказания помощи тем учреждениям, охрана которых окажется недостаточной. Решался вопрос об

¹ ГОПАПО, ф. 25, оп. 1, ед. хр. 87, л. 123.

электрической сигнализации, устройстве блиндированных кладовых, отводе удобных помещений для караулов, о приобретении оружия для вольнонаемной стражи. Был установлен порядок, по которому о вынесении и пересылке крупных сумм извещались губернатор и уездные исправники. Сопровождение почты в огромной Пермской губернии тяжелым бременем легло на полицию и воинские части. Были изменены правила приема и отправления денежных и открытых ценных пакетов. В целях лучшей безопасности были изменены правила приема посетителей в казначействах.

Дополнительные меры по улучшению охраны были приняты в августе 1906 года в связи с усилением партизанских вылазок после роспуска I Государственной Думы. 31 августа 1906 года А.В. Болотов разослал свой циркуляр уездным исправникам, в котором предписывал усилить охрану почтово-телеграфных контор и особенно казначейств. Предписание было вызвано тем, что революционеры, сознавая, что грабежи частного имущества вызывают «озлобление и негодование общества», решили грабить казенные учреждения — казначейства. Такой крен в деятельности эсеровских боевиков действительно имел место. Действительно, экспроприация денежных средств у состоятельных лиц и в частных банках не только вызвала у них негодование и возмущение, но, — и это главное, в глазах менее состоятельной публики приводило к ассоциации действий революционеров-экспроприаторов с простыми грабителями.

Трудности с охраной государственных казначейств приводили к тому, что командиры воинских частей под любым благовидным предлогом пытались уклониться от этой обременительной обязанности. В связи с новым призывом и обновлением состава воинских частей их командиры пытались сохранить кадры. Губернская администрация протестовала против этого. После экспроприаций в Одессе 23 ноября 1906 года в отделении Петербургского международного банка Министерство внутренних дел разослало новый циркуляр об усилении охраны банков и казначейств. Охрана становилась обременительней для воинских частей. В связи с этим Министерство внутренних дел предписало всем частным банкам «безотлагательно озаботиться организацией собственной охраны»¹.

«Собственная охрана» усиливалась в банках, на золотых приисках, на рудниках и на заводах. Такая частная охрана составляла значительную силу. Анонимная компания в поселке

¹ ГОПАПО, ф. 25, оп. 1, ед. хр. 87, л. 125.

Кушва сформировала свою стражу из 39 человек, «вооруженную винтовками и револьверами»; возникла паника. Чиновничий аппарат по настоящему боялся экспроприаторов. Екатеринбургский полицмейстер Хлебодаров 25 апреля 1906 года телеграфировал Пермскому губернатору: «Доношу, революционеры постановили ограбить кассы винных лавок, благоволите разрешить учредить посты уездной стражи»¹. 26 апреля 1906 года Пермский губернатор писал начальнику гарнизона города Перми, снявшему дополнительный караул казаков у тюрьмы: «Ввиду возможности возникновения в городе Перми беспорядков, причем мятежные сборища несомненно прежде всего устроятся на месте заключения, я, на основании закона 7 февраля 1906 года о призыве войск, прошу ваше высокоблагородие восстановить в прежнем составе дополнительный наряд казаков при Пермской губернской тюрьме»².

Верхотурский уездный исправник в июне 1906 года потребовал от командующего 11-м Псковским пехотным полком «назначения военного караула у динамитных складов, принадлежащих частным лицам»³. Это требование не расходилось с общей линией Министерства внутренних дел. 3 июля 1906 года директор Департамента полиции телеграфировал губернатору: «Ввиду учащающихся случаев похищения динамита революционерами необходимо принять самые решительные меры к охране складов»⁴.

В переписке все время встречаются сообщения банковских и почтово-телеграфных учреждений о предполагающихся нападениях экспроприаторов, о появлении вблизи подозрительных лиц. У страха глаза велики, особенно эти сигналы участились, когда «лесные братья» приступили к экспроприациям. Полицейские и воинские власти начинают жаловаться на ложные сигналы, особенно от новой электрической сигнализации.

Пытаясь все предвидеть и предусмотреть, пермский губернатор А.В. Болотов разослал циркуляр председателям уездных присутствий по воинским делам, уездным исправникам и земским начальникам, в котором он предупреждал их о том, что со стороны революционеров в настоящее время нужно ожидать попыток уничтожения воинских списков и предлагал принять меры к пресечению таких попыток. Начальник Пермского почтово-телеграфного округа 16 сентября 1906 года разослал свой цир-

¹ ГОПАПО, ф. 25, оп. 1, ед. хр. 87, л. 125.

² Там же. Л. 126.

³ Там же.

⁴ Там же.

куляр о мерах охраны почтово-телеграфных учреждений, в котором писал о том, что за последнее время в пределах вверенного ему округа было несколько случаев нападения «злоумышленников» на почту, а в некоторых селениях начались волнения и беспорядки¹.

Большие хлопоты и беспокойства доставляли пермскому губернатору ярмарки, в особенности самая знаменитая – Ирбитская. Надо было организовать охрану во время ее работы, охрану перевозимых туда, а затем оттуда больших денежных сумм. 25 февраля 1907 года губернатор телеграфировал в Ирбит исправнику: «Усилите охрану пересылаемых денег до 25 человек». Есть сведения о том, что готовится нападение в пути с целью ограбления. Он командировал в Ирбит подкрепление, необходимое для такой охраны. Губернатору приходилось беспокоиться за охрану типографий. И здесь его беспокойство имело определенные практические основания.

В связи с необходимостью печатать большое количество литературы для революционных партий типографии представляли для них определенный практический интерес. Поэтому предписание Пермского губернатора уездным исправникам установить охрану типографий от насильственного захвата их представителями революционных партий являлось разумным и своевременным. Давая сам указания, то есть сверху вниз, по вертикали, Пермский губернатор подключал к этому процессу и непосредственно руководителей губернских служб безопасности и порядка. В марте 1907 года начальник Пермского губернского жандармского управления по просьбе губернатора лично осматривал губернские учреждения с точки зрения их охраны и внес ряд предложений по их улучшению².

В этом же месяце губернатор предписал исправникам «немедленно усилить наблюдение за выполнением обязательных постановлений относительно содержания складов динамита и других взрывчатых веществ, потребовав от владельцев тотчас же установить достаточно надежную вооруженную охрану из специально для этого нанятых за их счет полицейских стражников», которые должны находиться в ведении уездных исправников и войти в соглашение там, где это возможно, о постановке военных караулов³.

Мы подробно рассматриваем те факты, распоряжения, циркуляры со стороны местных и центральных властей для того,

¹ ГОПАПО, ф. 25, оп. 1, ед. хр. 87, л. 127.

² Там же.

³ Там же. Л. 128.

чтобы показать ту обстановку, в которой протекала экспроприаторская деятельность «лесных братьев». Проведение ряда дополнительных мероприятий по охране объектов со взрывчатыми веществами, с финансовыми ценностями и их циркуляцией по губернии было начато еще до начала деятельности лбовцев и было связано с деятельностью отрядов боевиков различного направления в других частях России. «Лесным братьям» пришлось действовать уже в подготовленной среде. И заслуга Лбова, оригинальность тактики деятельности его отряда заключалась в том, что он избрал объектом экспроприаций то, что было по местным условиям не запрещено, а именно государственные винные лавки. Поэтому здесь, во всяком случае в начале их деятельности по экспроприации казенных винных лавок, лбовцы не встречали серьезного противодействия со стороны властей. Что касается деятельности «лесных братьев» по экспроприации денежных средств во время их пересылки, то она была серьезно затруднена в связи с теми дополнительными мероприятиями по охране пересылки денег, которые были предприняты местными властями в начале 1907 года. 30 мая 1907 года начальник Пермского почтово-телеграфного округа «совершенно секретно и весьма экстренно» информировал пермского губернатора о том, что по сведениям, сообщенным ему исправником, «в самом непродолжительном времени можно ожидать нападения значительной шайки отлично вооруженных злоумышленников на почту, отправляемую из Перми в Кунгур», поэтому он просил установить по возможности одно отправление в неделю ценной почтой вместо четырех отправок, для того чтобы иметь возможность «усилить охрану» и обеспечить таким образом сохранность пересылаемых перевозок¹. А для начала, пока не будет решен вопрос о дополнительной охране, он предлагал вообще приостановить отправление ценностей. Под шайкой «отлично вооруженных злоумышленников» начальник Пермского почтово-телеграфного округа имел в виду начавший уже активно действовать отряд «лесных братьев». Губернатор своей телеграммой вначале «приостановил» пересылку почтой ценных денежных переводов по тракту Пермь–Кунгур–Красноуфимск, а затем сократил количество отправок, для того чтобы довести их охрану до 20 стражников вместо четырех-пяти, которые сопровождали почту с ценностями раньше.

Пермский уездный исправник рапортовал губернатору 30 мая 1907 года о том, что «известный разбойник Лбов» (он уже

¹ ГОПАПО, ф. 25, оп. 1, ед. хр. 87, л. 128.

успел стать «известным» – В.С.) со своей шайкой направляется из Мотовилихинской лесной дачи на границу Пермского и Кунгурского уездов по Сибирскому тракту для ограбления правительственной почты, так как таковая сопровождается лишь 4-5 чинами полицейской стражи. Исправник информировал губернатора о количестве оружия, имевшегося у «разбойников», и подчеркивал, что постоянное место пребывания Лбова «с шайкой» установить в настоящее время невозможно, так как разбойники на одном месте остаются не более 7-8 часов¹.

Лбовцы действовали энергично, и после того, как они ограбили Веретейскую почтово-телеграфную контору, А.В. Болотов предложил начальнику Пермского почтово-телеграфного округа объяснить, почему «оказалась плохой охрана», почему разбойникам удалось ограбить почту, почему он не предусмотрел все детали охраны вверенного ему государственного учреждения, которые бы гарантировали сохранность находящихся в нем государственных ценностей.

Оправдываясь, начальник почтово-телеграфного округа 27 июня 1907 года писал о том, что это не первый и не единственный случай ограбления почтовых учреждений. Даже те из них, которые находятся в значительно лучших условиях в смысле охраны, подвергаются грабежу. В качестве примера он назвал городское почтово-телеграфное отделение в Петербурге, в Варшаве и других городах. Начальник Пермского почтово-телеграфного округа подчеркивал, что разбойники отлично вооружены не только огнестрельным и холодным оружием, но и бомбами. В этих условиях небольшому числу служащих почтово-телеграфного учреждения «в высшей степени затруднительно» сопротивляться разбойникам, а иногда и просто невозможно. После экспроприации на «Анне Степановне» была усилена охрана на пароходах. Однако это было сделано задним числом, с запозданием, а поскольку необходимых для этого сил не хватало, пришлось отказаться от ежедневной перевозки почты².

Пермской администрации во главе с губернатором пришлось проявлять настоящую изобретательность для того, чтобы обезопасить сохранение государственных ценностей, хотя бы тех и там, где это было возможно. Губернатор понимал, что основным способом сохранения государственных ценностей от грабежа было привлечение к этому делу местного населения. Оно могло играть решающую роль в этом процессе и с точки зрения несения охраны соответствующих учреждений воору-

¹ ГОПАПО, ф. 25, оп. 1, ед. хр. 87, л. 129.

² ГАПО, ф. 65, оп. 1, ед. хр. 1397, л. 375, 376, 408.

женными представителями народа, и с точки зрения помощи органам правопорядка наведением их на следы разбойников, и с точки зрения отказа разбойникам в поддержке. Однако этого в начале деятельности лбовского отряда не было, и это создавало дополнительные трудности для администрации. Органам правопорядка приходилось действовать как в захваченной у противника стране, поскольку значительная часть населения не оказывала им поддержки, а в тайне симпатизировала «лесным братьям». Поэтому попытки привлечения в той или иной форме народных представителей оказывались, как это подтверждала практика, ненадежными и бесцельными.

Неудачей окончилась попытка органов местного самоуправления привлечь к охране почтовых отделений и винных лавок десятских – выборных должностных лиц, исполнявших полицейские обязанности.

Доверенный из крестьян Златоустовской волости Красноуфимского уезда А.П. Чирков 6 сентября 1906 года обратился к губернатору с прошением, в котором обстоятельно мотивировал нецелесообразность охраны почтового отделения двумя десятскими. Во-первых, они неумелы и не имеют оружия. Во-вторых, отправление караула для десятских, которых в волости всего 10 человек, становится для них «отяготительным и непосильным», так как они еще должны дежурить в волостном правлении. Все десятские, – отмечал А.П. Чирков, – хотя и честные люди, однако, «они составляют из себя элемент из домохозяев самого бедного «класса», поэтому они с трудом несут бесплатно две обязанности и, конечно, «не без ропота на трудности своей службы»¹.

Прошение вызвало недовольство губернатора. Он предложил Красноуфимскому исправнику собрать и доставить ему точные сведения о личности, образе жизни, нравственных качествах и общественном положении А.П. Чиркова². Это означало, что губернатор заинтересовался им, подумав: не революционер ли он.

Основное внимание при охране почтовых отделений и винных лавок приходилось все-таки уделять вооруженной охране. Распорядительный и толковый Оханский исправник после экспроприации лбовцами винной лавки в Хохловке 15 мая 1907 года предлагал губернатору ряд мероприятий по улучшению охраны объектов, находящихся на территории контролируемого им уезда. Во-первых, охрану винных лавок, возложенную на поли-

¹ ГАПО, ф. 65, оп. 1, ед. хр. 1394, л. 246 об.

² Там же. Л. 249 об.

цейских десятских, он считал «весьма неудовлетворительной», так как они «небрежно» относятся к своим обязанностям и в случае нападения «шайки грабителей» никакого отпора им не оказывают. Во-вторых, инициативный исправник предлагал губернатору в тех селениях, где имеются казенные винные лавки, «усилить наряд стражников» и, кроме того, часть расположенного в Очерском заводе конного отряда перевести в Нытвенский завод. Это дало бы возможность исправнику, если и не отразить каждое нападение лбовцев, то, во всяком случае, создавало условия для более успешного преследования «грабителей». Это означало бы возможность поддерживать постоянные конные разъезды по прилегающим к Каме селениям. Последнее послужило бы раннему обнаружению появления лбовцев в селе и, следовательно, оперативной переброске сил конных стражников для захвата или отражения нападения «разбойников».

Северная часть Оханского уезда пересекается железной дорогой. Он предлагал в селах, прилегающих к линии железной дороги, наряды стражников увеличить до 5 человек. Он писал, что «злоумышленники» действуют по примеру «партизан», то есть мелкими отрядами, и держать против них крупные силы в центре уезда было бы безрезультатным делом. «Без поддержки войск нам не обойтись, – писал реалистически мыслящий Оханский уездный исправник, – поэтому держать охранные отряды в одном месте нет надобности»¹. Исправник прилагал к рапорту на имя губернатора карту уезда с обозначением винных лавок, подлежащих охране. Губернатор одобрил план оханского исправника и согласился с его предложениями. 28 мая 1908 года исправник отдал приказ «чиновникам оханской полиции» об изменении дислокации полицейской стражи, сосредоточившей свои силы у реки и железной дороги. План Оханского уездного исправника, несмотря на содержащиеся в нем рациональные моменты, не мог помешать «лесным братьям» в их экспроприаторской деятельности. Лбовцы силами отряда в 10-20 человек могли внезапно производить налеты на казенные винные лавки, при этом отряд стражников, состоявший из 4-5 человек, как правило, не вступал с ними в схватку, а ожидал подмоги со стороны. В это время «лесные братья», совершив свое дело, быстро уходили.

В разгар лбовских экспроприаций летом 1907 года пермский губернатор послал исправникам паническое предписание, в котором он предлагал им во всех крупных промышленных центрах

¹ ГАПО, ф. 65, оп. 1, ед. хр. 1397, л. 248.

и селах, где имеются почтовые конторы и винные лавки, для наблюдения за возможным появлением лбовского отряда ставить одного полицейского стражника или десятского на колокольню, «дабы они, в случае появления злоумышленников могли немедленно ударить в набат»¹. В свете данного предписания лбовские налеты на казенные винные лавки приравнялись к местным стихийным бедствиям (пожары, наводнения и т.п.). Отчасти это так и было. Не только почтовые конторы и винные лавки, но и монастыри просили у губернатора охраны.

Иеромонах Ксенофонт – настоятель Верхотурского Николаевского общежительского монастыря – 5 сентября 1907 года обратился к пермскому губернатору с письмом, в котором он писал: «12 сентября, ко дню празднования перенесения мощей святого праведного Симеона, верхотурского чудотворца, во вверенном мне монастыре ежегодно бывает значительное стечение богомольцев, что ожидается и в нынешнем году. А кроме того носят упорные слухи об угрозах на монастырь со стороны экспроприаторов, которые действительно, как уже известно, производят грабеж в соседних к городу Верхотурью заводах Богословского горного округа и в окрестностях их»². Настоятель просил пермского губернатора усилить охрану монастыря.

Через две недели после отправки данного письма иеромонаха Ксенофонта 26 сентября 1907 года управляющий Пермским отделением Государственного банка получил из центрального управления банка «шифрованную депешу о намеченной социал-революционерами миллионной экспроприации где-то на Урале», о чем он немедленно поставил в известность губернатора. Все государственные учреждения требовали у губернатора охраны. Однако сил правопорядка было недостаточно. 15 октября 1907 года пермский полицмейстер жаловался губернатору на то, что если давать конных стражников для сопровождения сборщика денег из винных лавок, то город останется совсем без надзора конных городских, которые в настоящее «беспокойное время крайне необходимы для быстроты действий в случае каких-либо более или менее серьезных происшествий»³.

Энергичная борьба против лбовского отряда в течение весны, лета и начала осени 1907 года привела к поражению «лесных братьев». С чувством нескрываемого самодовольства Пермский губернатор А.В. Болотов в «Отчете о состоянии губернии в 1907 году» решающую роль в разгроме лбовщины при-

¹ Там же. ГАПО, ф. 65, оп. 1, ед. хр. 1397, л. 469-469 об.

² ГАПО, ф. 65, оп. 1, ед. хр. 1396, л. 13.

³ Там же. Л. 167.

писывал своей деятельности. Он объективно отмечал, что революционное движение в губернии в 1907 году не имело такого массового характера, как в 1905 и в начале 1906 годов. «Для искоренения разбойных шаек, в особенности шайки Лбова, действовавшей в окрестностях Мотовилихинского завода Пермского уезда и привлекавшей к себе со стороны сброд отщепенцев общества, мною предпринимались всевозможные меры: устраивались совещания из представительств ведомств и местных людей, привлекались к содействию воинские части, причем по моему настоянию была произведена смена лица, состоявшего во главе Пермского охранного отделения и вызвана в Мотовилиху сотня казаков как незаменимых в разведочной службе и при преследовании разбойников в лесных дебрях. Кроме того, мною за счет кредита на содержание полицейской стражи, – продолжал А.В. Болотов, – были сформированы в трех пунктах губернии отряды ингушей, оказавшие громадную пользу в ловле преступников и впоследствии по успокоению (края) расформированные»¹.

Перечисленные меры, по мнению пермского губернатора, увенчались полным успехом. Из Мотовилихинской лесной дачи, где «шайка пользовалась связями с оставшимися родственниками и революционными рабочими, они были, наконец, расселены и переселились в Екатеринбургский и Верхотурский уезды, где после нескольких совершенных ими преступлений были окончательно истреблены». Все участники или были убиты при вооруженных сопротивлениях чинам полиции, или были задержаны, после чего число совершенных в губернии террористических преступлений сразу же значительно уменьшилось, тем более что почти все дела о таких преступлениях обращались к воинской подсудности, а военные суды в большинстве случаев применяли к обвиняемым смертную казнь.

Губернатор доволен тем, что вновь назначенный командующим войсками Казанского военного округа генерал Сандецкий утверждал все смертные приговоры военного суда. Суровый губернатор специально подчеркивает, что это имело громадное и благотворное значение для Пермской губернии². Губернатор с нескрываемым удовлетворением отмечал, что для восстановления порядка Екатеринбургский и Верхотурский уезды в 1907 году «были объявлены на положении чрезвычайной охраны», а для объединения там всех органов административной власти и руководства их деятельностью эти местности на основе поло-

¹ Отчет о состоянии губернии в 1907 году // ГАПО, ф. 65, оп. 1, ед. хр. 57, л. 149.

² Там же. Л. 150.

жения «о чрезвычайной охране» были подчинены в отношении гражданского управления особо уполномоченному лицу. Конечно, подавлять партизанское движение мерами чрезвычайной охраны результативнее и проще, при этом полномочия представителям власти на местах представляются более широкими. Благоприятное воздействие данной системы управления Пермский губернатор видел в том, что через год «в упомянутых уездах» представилась возможность заменить систему «чрезвычайной охраны» на обычную систему управления и отозвать специально уполномоченное лицо.

В конце своего «Отчета о положении губернии в 1907 году» губернатор все-таки нашел возможным упомянуть о тех людях, которые помогали ему в наведении порядка в губернии.

«Почитаю нравственным и служебным долгом всеподданнейше доложить, что отличная деятельность чинов полиции и полицейской стражи, – писал он Николаю II, – в губернии как по изъятию революционных организаций, так и по прекращению преступлений в отчетном году не раз была отмечена прокурорским надзором Казанской Судебной палаты и местных окружных судов». Губернатор особо удовлетворен тем, что новый прокурор Екатеринбургского окружного суда, надворный советник Крюков, заменивший бывшего прокурора Казидина, в городах, где свили себе крепкое гнездо не только местные, но и областные, действующие в масштабе всего Урала, организации социально-демократической и социально-революционных партий., умелыми и энергичными действиями полиции нанес всем революционным организациям не только «смутительное поражение», но такое, что они не в силах будут и скоро от него оправиться¹. Однако действия полиции против «шайки» Лбова не сразу приняли такой «похвальный характер», наоборот, – ее первоначальные действия были такими неуклюжими, что вызвали «недовольство» в Петербурге в Департаменте полиции. Несмотря на неоднократные требования арестовать Лбова и членов его шайки этого не только не было сделано, но и пермская охранка оказалась не способной некоторое время эффективно противодействовать «лесным братьям». Это вызвало раздражение в Петербурге, и из Департамента полиции в Пермь был направлен член совета министра внутренних дел действительный тайный советник Зайончковский. В его задачу входило проанализировать действия пермской полиции и своими советами помочь ей в поимке опасного государственного преступника и тер-

¹ Отчет о состоянии губернии в 1907 году // ГАПО, ф. 65, оп. 1, ед. хр. 57, л. 151.

рориста Лбова. Ознакомившись с действиями полиции, он нашел их неквалифицированными и предложил ряд мер по улучшению деятельности пермских правоохранительных органов. Анализ неудач действий пермской полиции по захвату Лбова, который был представлен Зайончковским и пермскому губернатору А.В. Болотову, и в Петербург, руководству Департамента полиции, имел существенное значение. В нем были вскрыты серьезные ошибки в деятельности пермской полиции, учет этих недостатков в последующем привел к существенному улучшению ее работы, и в конечном счете, к ликвидации «лесных братьев».

Анализируя недостатки деятельности пермской полиции по поимке Лбова, Зайончковский обращает основное внимание на *планирование* операций. Операции пермской полиции против Лбова планировались на бытовом, а не на стратегическом и тактическом уровнях: надо отправиться туда, где был обнаружен отряд Лбова, и действовать, смотря по обстоятельствам. Такая стратегия имеет подтекст, который можно выразить словами: авось, кривая выведет и здравый смысл подскажет, как надо действовать. Зайончковский предлагал планирование операций против Лбова проводить с точки зрения их замысла, цели, набора действий и их результата.

Такое планирование операций, направленных на поимку Лбова, каждый раз, если бы даже они и не приводили к его задержанию, то, во всяком случае, ставили бы его на грань с арестом, причем возможность задержания с каждой новой попыткой становилась все более реальной.

Вторым важнейшим стратегическим элементом планирования операции пермской полиции и войск против Лбова являлся ее интеллектуальный компонент. Он заключался в том, чтобы при планировании операции против Лбова была заложена такая идея, или такая хитрость, которая была бы незнакома Лбову, и следовательно, представляла бы из себя такую ловушку, о которой Лбов не мог бы заранее догадаться. Сделать это, найти такую ловушку было не просто, но необходимо.

В докладе министру внутренних дел от 24 августа 1907 года Зайончковский указывает на то, что Лбов умело пользуется природными условиями местности: Мотовилиху окружают «дремучие» леса, занимающие 64 квадрата по 8 квадратных верст каждый, и преступник отлично знает их, поскольку в прошлом служил в лесной мотовилихинской охране. Леса Мотовилихи «удачно» для Лбова дополняются «обширными заречными лесами» на другом берегу Камы, которые дают возможность преступникам скрываться от полиции.

Зайончковский отмечает ряд других факторов, которые позволяли Лбову удачно уходить от преследования полиции, а именно гористая, пересеченная местность самого поселка, обширные родственные связи с оставшимися в Мотовилихе революционерами, сочувствие к нему определенной части населения завода. Чиновник министерства оказался скрупулезным и дотошным референтом министра внутренних дел – он не ограничился беседами и документами о Лбове и его отряде в пермской полиции и охранном отделении, он «беседовал» с жителями Мотовилихи о тех условиях, которые, по их мнению, делали дружину Лбова и его самого неуловимыми. Из разговора с ними он установил, что суровые преследования революционеров – обыски на заводе, аресты родственников Лбова и т.п. приводят к обратному результату по отношению к тому, на который рассчитывает полиция. Он прямо пишет со слов жителей Мотовилихи о том, что после обыска на заводе 22 июля 1907 года «шайка Лбова» увеличилась на 20 человек, «бежавших от преследования полиции», намекая, таким образом, на необходимость изменения отношения со стороны полиции к местному населению, проведения по отношению к нему гибкой тактики.

Сами попытки полиции захватить Лбова и его сподвижников представлялись Зайончковскому непродуманными, бесплановыми и стихийными. Он анализирует три конкретных случая, свидетельствующих об этом. Попытку захватить Лбова с 11 товарищами в Мотовилихе на квартире рабочего Смирнова со стороны помощника пристава Лемеш с околоточными и 3 городскими, окончившуюся смертью помощника пристава и ранением и гибелью нескольких полицейских, он считал не только крайне «неосторожной», но едва ли «не преступной». Результаты попытки ареста 5 человеками 12 человек «отчаянной и прекрасно вооруженной шайки надо было предвидеть», – писал он.

Причины неудачи ареста Лбова 19 февраля на хуторе Алешкова Зайончковский видел в том, что против «бандитов» надо было послать пристава с большим отрядом¹. Первый раз хутор был «оцеплен» двумя околоточными надзирателями и 11 городскими. Один из городских стал стучаться в закрытую калитку и был убит, остальные члены полиции разбежались, а Лбов с товарищем Пищулевым ушли, разбив лицо убитому городскому. Когда для задержания преступников был командирован пристав с дополнительными полицейским отрядом и отрядом драгун, поймать Лбова, скрывшегося в лесу на лыжах ночью, преследователи не смогли.

¹ Выписка из доклада действительного статского советника Зайончковского от 24 августа 1907 года цитируется по купии, сохранившейся в фонде Б.Н. Назаровского // ГОПАПО, ф. 25, оп. 1, ед. хр. 87, л. 75.

Третья попытка захватить Лбова в Мотовилихе в квартире рабочего Витте имела место в ночь на 3 марта 1907 года. По сведениям охранного отделения Лбов скрывался на этой квартире с четырьмя товарищами. Дом был окружен исправником с полицейской стражей и эскадроном драгун. На стук в окно вышел Витте, и с ним вступили в переговоры, дав время на то, чтобы убрать будто бы ребенка. После этого Лбов с товарищами открыл беспорядочную стрельбу по полиции и драгунам, причем был убит городской, а у околоточного надзирателя одежда была прострелена в семи местах.

Пользуясь темнотой, Лбов с товарищами прошел сквозь цепь драгун из 120 человек и скрылся в заросшем лесом овраге. По поводу этой попытки захвата Лбова Зайончковский писал: «И тут действия полиции были неправильны и поспешны: следовало дожидаться рассвета». Какие же способы борьбы против Лбова и «лесных братьев» рекомендовал советник министра внутренних дел России? «Поиски и преследования Лбова в лесу, как и высылка целых отрядов в те места, где его шайка совершила преступления, и откуда несомненно успела далеко уйти, по моему мнению, совершенно бесцельны, — писал Зайончковский. — До зимы, скрываясь в лесу, он может быть арестован разве случайно при одном из своих посещений Мотовилихи, если при том полиция сумеет воспользоваться сведениями охранного отделения».

Из практических действий, которые рекомендовал Зайончковский, существенное значение имело его предложение о том, «чтобы сформировать отряд охотников, поставив во главе его охотника из чинов полиции или офицеров и приведя последнего в непосредственную связь с начальником охранного отделения» для получения оперативной информации о местонахождении Лбова и его отряда. Использование такой тактики нанесло наиболее ощутимые удары лбовцам в Левшино, в Сарапуле, под Екатеринбургом и в других местах. Поэтому мы так подробно останавливаемся на рекомендациях советника министра внутренних дел. Зайончковский знал, что «полиция как таковая, к тому же плохо вооруженная, мало способна к кровавым стычкам с разбойниками; войско считает ловлю их не своим и притом не почетным делом»¹. В конкретных условиях социальной действительности России того времени так и было.

¹ Выписка из доклада действительного статского советника Зайончковского от 24 августа 1907 года цитируется по купии, сохранившейся в фонде Б.Н. Назаровского // ГОПАПО, ф. 25, оп. 1, ед. хр. 87, л. 76.

Многочисленные стычки полиции с «лесными братьями» показали ее неуклюжесть и неэффективность. А что касается войсковых частей, то даже их командование крайне неохотно шло на участие в полицейских акциях по захвату «разбойников». И, как правило, только обращение с такими просьбами лично губернатора А.В. Болотова приводило к участию войсковых частей в операциях по преследованию лбовцев.

Если мероприятия, предложенные Зайончковским относительно оптимизации тактики действий против «лесных братьев», были эффективными и дали ощутимые практические результаты, то его опасения, что опасность шайки Лбова и ее неуловимость увеличивается еще появлением подражателей, новых Лбовых была несостоятельной. В условиях спада революционного движения в России после 3 июня 1907 года питательной почвы для их появления и успешной деятельности не было. Полиция наносила им сокрушительные удары. Они возникали в разных частях Урала, как грибы после дождя, и столь же быстро исчезали, разгромленные полицией. Сколько-нибудь существенную помощь Лбову они оказать не могли. Он сам держался дольше всех этих возникающих и быстро исчезающих шаек разбойников в силу своих незаурядных человеческих качеств, о которых выше мы подробно говорили. Именно они обеспечили возможность такого продолжительного периода действия отряда «лесных братьев».

После роспуска Второй Государственной Думы правительство решило «не останавливаться ни перед какими мерами для подавления революционной смуты». Урал как один из очагов революционного «брожения», был наводнен провокаторами, сыщиками, из которых значительная доля приходилась на добровольцев из «приезжих патриотов». Среди них были люди, хорошо знающие свое дело. Результаты их миссии вскоре сказались. Были «исчерпаны» анархисты. Из двадцати одного активиста шестнадцать попали в тюрьму. Пермский партизанский отряд (питерцев) был наполовину переловлен. Различные революционные кружки в атмосфере непрекращающихся арестов, доносов и провокации быстро измельчали. Из-за распределения добычи, полученной во время экспроприации, внутри боевых отрядов и между ними возникала невообразимая склока. Отдельные члены боевых отрядов захватывали после «эксов» всю добычу сполна в единоличное обладание и бежали с Урала в надежде пожить где-нибудь в свое удовольствие, отбросив полностью высокие нравственные принципы революции. Их нагоняли и убивали во имя опять-таки этих революционных принципов. Не которые из этих грабителей были связаны с полицией, кото-

рая из таких «революционных негодяев» вербовала провокаторов. В результате таких энергичных действий полиции на Урале остались только автономисты и Лбов. Однако скоро погибли и автономисты. Это случилось так: скрываясь от полиции, уцелевшие партизаны решили переселиться в Екатеринбург. Здесь они разработали план своей деятельности, предварительной задачей которой они ставили нападение на военный арсенал в Екатеринбурге для захвата оружия. Это дело требовало для своей практической реализации больших боевых сил, и к Екатеринбургу со всего Урала стали стягиваться отряды автономистов. Разбившись на маленькие группы, они заняли окрестные леса. Вначале все шло гладко, оставалось лишь «свинтить разобранные винтовки и приступить к делу». Но тут случился провал. Полиция случайно открыла стоянку одного отряда в местности, носящей название Калинкины Разрезы. Отряд бежал, однако трое боевиков были захвачены. Один из них, рабочий Михалев, запуганный перспективой пыток, выдал все, что знал.

Это предательство положило начало грандиозным арестам по всему Уралу. Союз «автономистов» попытался еще активно действовать. Отряд из 16 человек совершил нападение на контору асбестовых копей Поклевского-Козелл, куда только что было доставлено 40 тысяч рублей для уплаты жалования рабочим и служащим. Нападение не удалось. Семь автономистов поплатились жизнью под пулями вооруженных служащих, девять из них было взято в плен, а затем восемь из них были казнены по приговору военно-полевого суда. В этом отряде погибли главные силы союза, его наиболее активные боевики (Виноградов, Котельников, Пискулин и др.).

Осенью 1907 года остатки союза созвали новый съезд и возобновили организацию, заменив федеративное начало централизацией. В федерализме они увидели одну из причин своих летних неудач. Свою организацию они называли «Уральский боевой союз», отбросив слова «партии с-р». Организация партии эсеров ввиду деморализующего влияния, производимого на местах ее бывшими членами, решительно выступала против них, приглашая всех верных партии членов порвать с автономистами всякие отношения и не оказывать им никакой помощи. Под влиянием этого партийного обращения многие эсеры, увлекшиеся автономизмом, вернулись в ряды партии. В этих условиях «Союз» бросил клич, обращенный к охотникам из всех партий, и приступил к экспроприациям и террору. Однако все, что ни предпринималось, на этот раз кончалось всегда кровавыми неудачами (наиболее крупные из них разыгрались в Тюмени, Курске и Екатеринбурге). Полиция внедрила в Союз массу про-

вокаторов и знала подробно обо всех намечавшихся акциях. При таких обстоятельствах осенью 1907 года новая серия арестов бросила в тюрьму десятки боевиков. Процесс провокаторства в союзе зашел далеко и принял прямо-таки анекдотические формы: когда в конце зимы 1907 года союз пытался создать новую конференцию, в ней выразил желание принять участие в качестве боевика редактор одной черносотенной газеты. В результате третьего цикла арестов были «вычерпаны» последние остатки союза, которые еще кое-где таились на Урале. В конце зимы 1907 года от союза остались одни воспоминания и около сотни боевиков, рассажженных по тюрьмам Урала и Приуралья¹.

В отличие от автономистов, анархистов и любителей острых ощущений, организации которых были разгромлены полицией, «лесные братья» уцелели. Все конкуренты Лбова погибли, а он не погиб, оставшись к осени 1907 года монополистом террора. Почему так получилось? Во-первых, потому что он хорошо знал свою нишу в этом деле. Во-вторых, он сам обзавелся агентурой, которая информировала его о действиях полиции. В-третьих, агентура полиции во лбовском отряде действовала осторожно, опасаясь быть обнаруженной и убитой.

Авторитет Лбова среди местного населения Мотовилихи был так велик, уважение к нему со стороны «лесных братьев» так значительно, его подвиги в рассказах пермских и мотовилихинских обывателей принимали такой легендарный характер, что предателей в дружине Лбова было немного, и они, как правило, быстро погибали. Поэтому все усилия полиции заставить разговариваться арестованных лбовцев кончались неудачей, несмотря на применяемые к ним пытки. Это было установлено процессом об истязании заключенных администрацией Николаевского исправительного арестантского отделения (Верхотурский уезд Пермской губернии), куда сажали наиболее опасных лбовцев. Процесс состоялся в Екатеринбурге в марте 1911 года, а судила выездная сессия Казанской судебной палаты. Во время процесса выяснилось, что орудием пытки лбовцев служила особым образом препарированная бычья жила, которой обнаженных лбовцев избивали до потери сознания. «Гениальным» изобретателем этого орудия пытки был помощник начальника тюрьмы Конюхов.

Среди других способов пыток в Мотовилихинском народном театре, который временно служил специальной тюрьмой для лбовцев, применялась «корчага». Арестованного сажали на пол

¹ Чердынцев Н. Указ. соч. С. 218.

и заставляли охватить колени руками. Затем стражники, не снимая тяжелых сапог, заскакивали на плечи сидящего и топтались. Сойдет один, заскочит другой. пытками старались добиться раскрытия тайны лбовского отряда.

Пытки привели к тому, что одни арестованные сходили с ума (Плахин), другие кончали самоубийством (Петр Пермин), третьи становились предателями (Тихомиров-сын), но к разрушению лбовской организации они не привели. Меры, предпринимаемые Лбовым, эффективно нейтрализовали действия, предпринимаемые полицией и охранным отделением. Такой оригинальной системы предупредительных мер против действия правоохранительных органов правительства не было ни у одной группировки боевиков Урала в период первой русской революции 1905-1907 г.

Лбовцы осенью 1907 года стали строить под Мотовилихой новые зимние избышки. Однако у их руководителя произошел тот нравственный перелом, который предопределил его личный кризис и крах его движения. Подробнее об этом мы расскажем в следующих главах.

Глава IV. Отношение социал-демократов к лбовщине

Сложными и извилистыми путями складывались отношения социал-демократов к лбовщине. Правое крыло партии – меньшевики – последовательно стояли на позициях негативного отношения к движению «Лесных братьев», считая его бандитизмом, использующим в своих целях революционные лозунги. В своих отношениях к лбовщине меньшевики придерживались резолюций IV и V съездов РСДРП.

Что касается большевиков, то они в отношении Лбова и его дружины не были такими последовательными, как меньшевики. Представляя левое крыло партии, большевики «идейно» были ближе ко лбовцам, чем меньшевики. Многие из них, в частности из боевой Пермской дружины РСДРП, побывали в лесу у Лбова после того, как она по настоянию меньшевиков была распущена, а некоторые из них, например, А.А. Миков («Костя»), бывали у Лбова и еще раньше.

В воспоминаниях, написанных спустя несколько десятилетий, А.А. Миков писал: «Мы решили создать боевую дружину и заняться экспроприациями денег для партийной кассы и расправой с провокаторами и полицейскими». Естественно, что такая позиция не могла не тревожить руководство пермских социал-демократов, которое приняло решение о роспуске социал-демократической боевой дружины.

Требованию о роспуске боевой дружины часть боевиков, входящих в ее ряды, не подчинилась и продолжала заниматься приобретением оружия и денежных средств¹. А.А. Миков подробно описывает те попытки экспроприаций, которые предпринимались этой частью дружины, в которую входил и он. После убийства помощника пристава Мотовилихинского завода Косецкова 26 сентября 1907 года Миков ушел в лес, к Лбову.

В декабре 1907 года «боевое бюро» разработало план конфискации дневной выручки Пермь – Екатеринбургской железной дороги при переносе ящика с поезда на станции Пермь I в управление дороги. Ящик с деньгами обычно сопровождали касир и два-три жандарма. Однако охранное отделение, уведомленное провокатором о замыслах «большевистской дружины», приняло меры безопасности. Ящик стали сопровождать 10-12 солдат с винтовками. По свидетельству Микова, «мы» поднима-

¹ Миков А.А. Не на жизнь, а на смерть // Под красным знаменем. Мотовилихинское книжное издательство. Молотов, 1957. С. 129.

ли на ноги жандармов, усиливали обыски и аресты, подвергали репрессиям не причастных к делу лиц. И Микова в тюрьме, куда он вскоре попал, за это «неистово упрекали»¹.

Воспоминания участника большевистской боевой дружины рисуют картину отношения к большевистской боевой дружине в Перми и к лбовскому движению «изнутри» пермского социал-демократического движения, а большевистская пресса того времени освещала отношение к лбовскому движению и к тактике партизанских действий в тактико-политическом и теоретическом плане.

Большевистские газеты на протяжении 1905-1907 годов напечатали целый ряд заметок, корреспонденций и статей с Урала, в которых давался анализ работы социал-демократических организаций края, вскрывались их ошибочные взгляды по отношению к лбовскому движению.

Постановка и обсуждение данного вопроса на страницах социал-демократической прессы периода последних лет Первой русской революции и начала перехода развития России к столыпинской стабилизации характеризовались известной двойственностью, непоследовательностью и противоречивостью. С одной стороны, в теоретическом плане на страницах социал-демократических газет совершенно верно вскрывалось несоответствие и даже прямой вред тактики партизанских действий в период спада революционных массовых выступлений рабочего класса и крестьянства, — с другой, — под шумок критики ошибочной тактики действий «лесных братьев» Лбова ленинское большевистское окружение было не прочь поживиться теми денежными суммами, которые пересылались ему лбовцами для закупки оружия. В этом сказывался политический авантюризм Ленина, его личная непорядочность и презрение ко всем другим направлениям общественного движения России, которые, как он полагал, или не поймут его образ действий, или, если и поймут, то поздно, — дело уже будет сделано, и лбовцы не получают обратно ни денег, ни оружия. Моральная сторона постановки политических вопросов для него никогда не существовала. Он при всяком удобном и неудобном случае старался внушить своим молодым последователям, что «партия не пансион для благородных девиц» и «иной мерзавец может быть для нас именно тем и полезен, что он — мерзавец». В беседе с Н.А. Рожковым В.И. Ленин подчеркивал, что В.К. Таратута является «незаменимым человеком» для большевиков именно потому, что он «про-

¹ Миков А.А. Не на жизнь, а на смерть // Под красным знаменем. Мотовилихинское книжное издательство. Молотов, 1957. С. 131.

жженный негодяй». «Тем-то он и хорош, – говорил Ленин, – что ни перед чем не остановится. Вот вы скажите прямо, могли бы за деньги пойти на содержание к богатой купчихе? Нет? И я бы не пошел, не мог бы себя пересилить, а Виктор пошел... Это человек незаменимый»¹. Конечно, далеко не «всякого» «мерзавца» Ленин брал под свое высокое покровительство, а тем более не каждого из них проводил в состав центральных партийных органов, а вот Таратуту взял, потому что тот женитьбой на сестре московского фабриканта Шмидта принес партии ее приданое в размере 280 тысяч рублей².

Необходимо отметить, что бюджет большевистского центра исчислялся многими сотнями тысяч рублей. Бомбами, изготовленными в его лабораториях, была взорвана дача Столыпина на Аптекарском острове 25 августа 1906 года, они же сыграли решающую роль в знаменитой экспроприации в Фонарном переулке 27 октября 1906 года. Оба предприятия были организованы эсерами – максималистами. Устная и письменная традиция, прочно державшаяся в социал-демократических кругах дореволюционных лет, свидетельствовала, что именно поэтому значительная часть денежных сумм, захваченных в Фонарном переулке, попала в руки большевистского центра. Туда же попала и часть денег, похищенных эсерами-оппозиционерами в банке Московского общества Взаимного кредита в апреле 1906 года. В 1906-1907 годах большевики Москвы и Петербурга серьезно разрабатывали планы выпуска фальшивых денег. К этому плану, по свидетельству Б.Н. Николаевского, Л.Б. Красин вернулся в 1907 году, заказав в Германии бумагу с водяными знаками для печатания трехрублевок³.

Сложная и извилистая история борьбы Ленина за руководство финансовыми делами Большевистского центра в 1907-1910 годах подробно описана в богато документированной статье Б.Н. Николаевского «Большевистский центр»⁴.

К теме нашего исследования непосредственное отношение имеет публикация В. Кривенького «Иуды и Робингуды». В ней подробно освещается вопрос об «Открытом письме» к «Большевистскому центру». Автор письма – Саша Охтенский (А.С. Сергеев), член боевой технической группы РСДРП и одно-

¹ Цит. по Николаевский Б.И. Большевистский центр // Родина. 1992. № 3. С. 35.

² Там же. С. 33.

³ Там же. С. 34.

⁴ Николаевский Б.И. Большевистский центр // Родина. 1992. № 3, 5, 8-9, 10; 1993. № 4. Иуды и Робингуды // Родина. 1993. № 4. С. 91-93. Публикация, предисловие и примечания Валерия Кривенького. Кандидата исторических наук.

временно заведующий патронной мастерской в Петербурге. В январе 1907 года вместе с группой питерских боевиков он прибыл в Пермь и принял участие в делах лбовского революционного отряда «лесных братьев». Однако нам представляется некорректным представлять дело так, что боевики из Питера прибыли для того, чтобы совершить экспроприацию на «Анне Степановне», как это утверждает В. Кривенький¹. Верно, что они осуществили этот «экс», однако замысел его был разработан уже в Перми и не сразу по приезде, а весной 1907 года. Главным организаторам «экса» — А.С. Сергееву («Саше») и М.А. Паршенкову («Демону») досталось около 7 тысяч рублей. Эти деньги «Саша» и «Демон» передали большевистскому центру под расписку и с обязательным условием обеспечения лбовцев оружием. Однако ни денег, ни оружия они не получили.

С осени 1907 года большевистская пресса стала проявлять значительный интерес к событиям, происходившим на Урале. Однако лбовцев в публикациях большевистских газет называли не иначе как бандитами и авантюристами. Деньги лбовцев пошли на освобождение из берлинской тюрьмы Камо (А.С. Тер-Петросяна). «Лесные братья Прикамья, — писал В. Кривенький, — оставались в неведении у разбитого корыта — их использовали, бросив на произвол судьбы»².

Письмо «Саши» было адресовано Парижскому совещанию расширенной редакции «Пролетария», которое проходило 8-13 июня 1909 года в Париже. В письме «Саша» требует возратить Пермскому революционному отряду, так стали именовать себя лбовцы с июня 1907 года, 6 000 рублей на покупку оружия. Большевистский центр «уплатил по мелочам 1 400 рублей», а остальное платить то обещает, то уклоняется, предлагая Саше то 500, то 300 рублей «с тем, чтобы я уничтожил расписку», — писал он в «Открытом письме». «Саша» упрекает большевиков «в непорядочности»: «Неужели Вы думали, что за 300 рублей я, как Иуда Искариот, под влиянием нужды, безработицы продам вам товарищеские деньги. Или вы мне ничего не были должны — тогда вы бы без угрызения совести могли видеть мою казнь, как и других лбовцев, или же вы были должны — тогда зачем же вы давали 300, а не все 4 600 рублей»³. С присущей ему прямоотой и резкостью «Саша» ставит большевистскому центру ультиматум: или вы платите долг, или обрекаете лбовское движение на то, чтобы оно осталось безоружным перед дулами солдатских винтовок.

¹ Там же. С. 91.

² Там же.

³ Там же. С. 92.

Он обращался к рабочим социал-демократам с призывом о помощи. «Вашу честь позорят, честь социал-демократии» – полное горячих, но справедливых упреков письмо Саши вызвало ответ редакции «Пролетария». В приложении к 48-49 номерам газеты было помещено заявление редакции. Оно имело заголовок «Только для членов партии». В нем подчеркивалось, что некоторыми отзовистами за границей распространяется письмо «Саши». Этот листок содержит ряд «возмутительных обвинений» против редакции «Пролетария». Нечего говорить о том, что обвинения эти ложны. Заметим только одно: если авторы листка действительно желают считаться с партией, они не могут не знать, что есть партийный способ разбора конфликтов и претензий (редакция «Пролетария» со своей стороны уже обратилась к ЦК с просьбой «разобрать это дело»). Если же авторы желали скандальчика и «сенсации», тогда следовало им снять заголовок «Только для членов партии», ибо этот заголовок, разумеется, не удержит печать, любящую скандальчики «от использования содержания листка»¹.

По своей безапелляционной категоричности – валить все с больной головы на здоровую (причем тут отзовисты?) письмо было адресовано «большевистскому центру», по своему нежеланию считаться с очевидными фактами – «обвинения эти ложны», – они не ложны, выше мы имели возможность убедиться в этом, по своей фразеологии «скандальчики», «сенсации» и т.п., наконец, по своему умению перекладывать вину с Большевистского центра на ЦК, в котором были и меньшевики – пусть они разбирают это дело, да и платят сами этот долг большевистского центра, заметка свидетельствует о том, что она написана В.И. Лениным.

Во всем чувствуется его стиль, его рука, его ничем не брезгующая воля. Ситуация для него и большевиков сложилась довольно неприятная. Отзовисты предъявили Большевистскому центру законный моральный и материальный иск, в свою очередь ликвидаторы требовали объяснений по поводу нарушения резолюций V Съезда РСДРП. В этих условиях Ленину не оставалось ничего иного, как обратиться к ЦК партии и рассмотреть «вопрос по существу». Результаты разбирательства, как пишут А. Нерослов и В. Коробейников, были «оглашены» на январском 1910 года пленуме ЦК в Париже. Однако его резолюция «Об отступлении от партийной дисциплины», как настоящий детектив, прерывается «на самом интересном месте» банальным много-

¹ «Пролетарий». 1909. № 47-48.

точием. Стенографические записи пленума «таинственным образом» были утеряны. Однако никто из виновных не был назван по имени, никто не был исключен из партии¹.

Та «критическая работа», которая велась большевистскими газетами против лбовского движения на Урале в 1907-1908 г., сыграла свою коварную роль. Она сформировала негативное отношение социал-демократической общественности к лбовскому движению как к уголовному бандитизму. Корреспонденции с Урала, печатаемые в большевистских газетах, имели и спекулятивный политический подтекст, в частности поражение революционного движения на Урале, трудности массовой работы объяснялись влиянием движения «лесных братьев», преследуя которых, полиция душила и социал-демократическое движение. Какие-то основания для такой постановки вопроса, конечно, имелись. Репрессии против лбовцев задевали и социал-демократическое движение. Если мы внимательно просмотрим корреспонденции «С Урала» в социал-демократической, а именно – большевистской прессе, если мы прочтем заметки, посвященные практике работы большевистских партийных организаций 1907-1908 г., то мы увидим, что в них своеобразным повторяющимся рефреном звучат требования: нам на Урале не хватает квалифицированных партийных кадров, журналистов и пропагандистов, способных вести работу в рабочих кружках и среди интеллигенции. Образованных интеллигентов у нас мало. Более того, происходит их отток с Урала в связи со лбовщиной. Преследования полиции, направленные против «лесных братьев», задевают и местные социал-демократические организации. После каждого террористического акта, после каждой экспроприации полиция производит массовые аресты, которые наряду с ничем не повинными обывателями задевают и социал-демократов.

В корреспонденции «С Урала», опубликованной в газете «Социал-демократ» за февраль 1908 года, подчеркивалось, что партийный большевистский центр остается глухим к требованиям и запросам с мест. «Неоднократно наши просьбы к вам о присылке работников до сих пор не увенчались успехом». Автор корреспонденции ставил перед собой задачу в этом письме «дать краткий очерк состояния партийной работы на Урале», чтобы воочию доказать, «как необходимо удовлетворить нашу просьбу» из соображений не местно-уральских, а «партийных вообще». Характеризуя общее состояние социал-демократичес-

¹ Нерослов А., Коробейников В. Указ. соч. // Вечерняя Пермь, 4 июня 1991 года.

кой работы на Урале, он подчеркивает и выделяет ее особенности. «Всеобщий подъем пролетарского настроения, жажда знания и стремление к организации, охватившее пролетариат в России в 1905 году, на Урале сказался лишь годом позже». Период «бури и натиска» «мы пережили» в 1906 году¹. Теперь мы переживаем упадок рабочего движения, характерный для всей России. Этот упадок выражается в понижении «боевой энергии пролетариата», в заметном охлаждении к партийной работе и, в частности, в ослаблении партийных организаций, благодаря оттоку из них членов. «Отличие Урала от других местностей России заключается в том, — отмечал автор корреспонденции «С Урала», — что он не привел здесь «к полному разрушению» партийных организаций, как в некоторых других местностях России, «он лишь ослабил их». На Урале ни одна крупная партийная организация, функционировавшая в 1906 году, не перестала существовать в 1907-1908 годах. Интеллигенты, вступившие в партию в дни свобод, дарованных Манифестом 17 октября 1905 года, покинувшие ряды партии, не порывают с ней связей в настоящее время ни идейно, ни организационно, поскольку пополняют собой профессиональные союзы, которые на Урале являются почти все партийными.

Однако профессиональное движение на Урале далеко не во всех местах остается единственным цементирующим моментом, сплачивающим вокруг партии ушедших из нее членов. Решающая роль в этом принадлежит местной газете. Потребность в местных нелегальных социал-демократических органах в крае «огромна», интерес к ним и их влияние «весьма велико», однако «литературных сил у нас почти нет».

Уральский областной комитет в это время издавал три газеты: «Уральский рабочий», «Крестьянскую газету» и «Солдатскую газету», однако постоянных литераторов для ведения этих печатных органов было только два. Местные газеты возникали и возникают «очень часто», но они быстро прекращают свое существование «за недостатком литературных сил».

Автор корреспонденции (это очень информированный человек, очевидно, один из членов областного комитета партии) пишет о том, что газеты «скоро начнут выходить в Екатеринбурге, Челябинске и Златоусте, но, вероятно, они скоро умрут за недостатком литераторов». Попутно он говорит еще об одной существенной проблеме — о той помощи, которую Урал мог бы оказать соседней Сибири и Поволжью, партийная работа в кото-

¹ «Социал-демократ». 1908. № 1. За февраль.

рых «почти прекратилась», однако, чтобы край мог оказывать такую помощь соседним регионам, ему самому нужна помощь кадрами литераторов.

Товарищи из ЦК должны помнить – открытым тестом напоминал им автор корреспонденции «С Урала», что нигде в России экономические условия не благоприятствуют так, как на Урале, развитию среди пролетариата «эсеровских учений и анархистских настроений». Их он видит в кризисе уральской промышленности, в специфической уральской безработице, которая охватила около 50 % населения, в мелкой собственности, которая «связывает рабочих», влияя на склад их психики, на их настроения. Эти объективные причины затрудняют социал-демократическую работу на Урале и, если социал-демократия здесь самая сильная организационно и самая влиятельная политическая партия, то этому она в значительной степени обязана численным перевесом своих сил. Однако наши «идейные силы тают, как снег, работники бегут или садятся, а заместителей нет». Ввиду этого уральский областной комитет просил у ЦК прислать на Урал в весьма непродолжительном времени хотя бы «одного литератора». Просьба очень скромная, однако, надо иметь в виду возможности ЦК в этом отношении. С аналогичными просьбами к нему обращались областные комитеты, в которых состояние дел было значительно хуже, чем на Урале, и на их просьбы ЦК приходилось реагировать в первую очередь.

Газета «Социал-демократ» рисует картину общего состояния деятельности социал-демократических организаций на начало 1908 года. В корреспонденции нет ничего специфического о деятельности партийных организаций, что касается лбовщины, и все-таки мы начали освещать отношения большевистской прессы ко лбовским организациям с постановки в их печатном органе общих вопросов об этой деятельности. Отношение социал-демократических организаций к «лесным братьям» в данных конкретных условиях накладывало на деятельность организаций существенный отпечаток. В «Письме с Урала», опубликованном в газете «Пролетарий» 19 ноября 1907 года, этот вопрос нашел подробное обоснование. Автор заметки (она, естественно, не подписана) специфику уральского рабочего движения видит в том, что партийные организации Перми и других крупных городов Урала состоят почти целиком из рабочих, и за этим скрывается «почти полное отсутствие партийных интеллигентских сил». На всех крупных заводах имеются «широкие» (т.е. многочисленные – В.С.) партийные организации, «но состоящие целиком из рабочих».

Работу уральских партийных организаций корреспондент видит в деятельности рабочих кружков, в которых обсуждается партийная литература и вопросы текущей политической и общественной жизни.

Он считает, что литература – это основной «нерв», который соединяет разбросанные заводские организации с такими партийными учреждениями, как Пермский городской комитет и Пермский областной комитет РСДРП. Хотя эти партийные учреждения располагаются в культурном центре, однако, и здесь ощущается острый «хронический недостаток» подготовленных работников. Это отражается на количестве литературы и на ее качестве, так как литературные работники имеют и выполняют «горы организационных дел»¹.

Корреспондент предлагает Центральному Комитету партии теснее увязать свою деятельность с работой местных партийных организаций, организовав для этих целей «рассылку прокламаций по вопросам текущей политики». Условия заводской жизни и «полицейская обстановка» позволяют устраивать довольно крупные собрания, однако отсутствие планомерно поставленной агитации и пропаганды препятствует росту партийных организаций. В некоторых местностях Урала на развитие партийных организаций и на рост партийных рядов влияет «усиление полицейских репрессий и безработица».

Характеризуя усиление полицейского террора, автор подчеркивает, что он связан с действиями «некоего Лбова». Некоторое время назад в Мотовилихе, в этом 30-тысячном городке «почти нельзя было вести партийные работы», так как в окрестностях ее «устраивал» «свои партизанские выступления Лбов, и вся тяжесть полицейских репрессий падала на Мотовилиху». Лето и осень 1907 года характеризовались этими выступлениями. «В Мотовилихе, – пишет корреспондент, – происходило что-то ужасное. На каждое партизанское выступление лбовцев полиция отвечала сотнями арестов, уличными избиениями прохожих, ночными набегами, во время которых захватывались почти все проходящие, арестовывались, избивались и часто были убиваемы».

Автор корреспонденции категоричен в своих выводах. Он замечает: «Вся эта кровавая вакханалия долго мешала всякой партийной деятельности». Корреспонденция опубликована в ноябре 1907 года, т.е. тогда когда лбовская дружина уже не существовала, а сам он перебрался в Вятку. Это сказалось благо-

¹ «Пролетарий». № 20. 19 ноября 1907 года.

приятным образом на деятельности партийных организаций Перми и Мотовилихи. Лбов распустил свою «банду» и удалился сам, а поставленные в Мотовилиху казаки, благодаря успехам агитации среди них со стороны социал-демократов значительно содействовали «прекращению полицейских бесчинств».

Корреспондент рассматривает вопрос об отношении уральских социал-демократов к движению «лесных братьев» обстоятельно и разносторонне. Он заявляет, что лбовщина не только препятствовала развитию социал-демократического движения в Мотовилихе и Перми, но и, в свою очередь, Пермские социал-демократы содействовали уходу Лбова с местной политической авансцены. Лбов ушел, с одной стороны, – подчеркивал уральский корреспондент газеты «Пролетарий», – «благодаря агитации против него со стороны наших (уральских, а точнее Пермской и Мотовилихинской – В.С.) партийных организаций». А с другой стороны, просто потому, что масса населения Мотовилихи, вначале сочувствовавшая ему, потом разочаровалась в силе «партизанских выступлений». Вследствие этого новых сил к нему не прибывало, а внутри его дружины, по его собственным заявлениям, пали «всякая дисциплина и порядок». Вывод автора заметки сводится к тому, что социал-демократы своей агитацией ускорили естественную смерть этого «нежизнеспособного организма».

После разгрома лбовского движения перед социал-демократическими организациями Урала встали задачи борьбы с эсеровскими «иллюзиями» среди рабочего класса Урала. Они касались проблем наделения рабочих дополнительными участками земли, сокращения безработицы, участия рабочих в выборах в Государственную Думу и т. п.

В большевистской газете «Вперед» подчеркивалось, что поражение лбовского движения «тяжело отзывается особенно на многочисленном населении Мотовилихинского завода». Причина данного социального явления заключалась в том, что последний период «истории лбовской организации» ознаменовался тем, что в эту среду кинулись «всякие отбросы, даже уголовные арестанты». Внутреннее разложение лбовских «лесных братьев» выразилось в таких некрасивых формах, как попойки, разврат, факты изнасилования женщин-ягодниц, несмотря на то, что с такими явлениями Лбов пытался бороться крутыми мерами, доходя до расстрела своих соратников¹. Однако это не помогло. Крах лбовского движения завершился грандиозной про-

¹ «Вперед», 10 января 1908 года, № 20.

вокацией, в среду шайки Лбова попали такие люди, как, например, рабочий Д. Худорожков, которые «выдают сплошь», т.е. стали провокаторами, и аресты благодаря этому приняли небывалые масштабы. По делу Лбова и в связи с ним арестовано около 300 человек. Это сильно терроризировало мотовилихинских рабочих, поэтому социал-демократическая работа в Мотовилихе «не может никак наладиться».

Уральский корреспондент газеты «Вперед» пишет о том, что распавшиеся элементы лбовской дружины, «еще уцелевшие от разгрома», составили целый ряд анархистских групп и боевых союзов, которые, действуя под разными названиями, идейно далеко отстоят от социал-демократов и пользуются «доброжелательством» эсеровских кругов, с которыми они находятся в непосредственной идейной близости. Партии социал-демократов предстоит с ними тяжелая борьба, к которой они подготовлены уже соответствующим опытом.

В заметке осуждается тактика уральских анархистов требовать от состоятельных лиц денег «под угрозой смерти». И все-таки основная трудность, основное идейное расхождение социал-демократов заключается в борьбе за влияние на рабочую массу.

Меньшевики отошли от совместной с большевиками борьбы против эсеров, даже деньгами не помогают, не оказывают помощи им при работе в профсоюзах. В этих трудных условиях большевики надеются на победу, корреспондент, заканчивая заметку, пишет, что ему хочется «смело и бодро» крикнуть, подобно Галилею: «А все-таки она вертится»... Через месяц, в феврале 1908 года, газета «Пролетарий» уже писала о том, что влияние социал-демократии на Урале за последние два года «стремительно возросло», несмотря на неблагоприятные условия¹. В статье «Социалистическая работа на Урале» приводятся данные о численности профессиональных союзов на Мотовилихинском заводе и в других городах Урала: они насчитывают тысячи членов. Последнее имело большое значение, поскольку профсоюзы на Урале были почти исключительно социал-демократическими, а это создавало условия для усиления партийной работы.

Через полгода «Пролетарий», возвращаясь к условиям партийной работы на Урале, отмечает, что благодаря шайке Лбова, «совершившей целый ряд экспроприаций и вооруженных напа-

¹ «Пролетарий». № 22. 13 февраля 1908 года. Заметка «Социалистическая работа на Урале», подпись под ней «Леонид».

дений, почти невозможно было вести партийную работу»¹. Леса вокруг Перми и Мотовилихи «были заполнены полицией и войсками». В самой Мотовилихе производились массовые аресты. Пермская тюрьма была переполнена почти исключительно рабочими Мотовилихинского завода. Это приводило к тому, что социал-демократам приходилось вести работу «в основном» среди пермских ремесленников, а также среди рабочих «мелких пермских заводов». По мнению автора заметки, подписавшегося в целях конспирации «А-ий», лбовщина сделала невозможной на некоторое время социал-демократическую работу среди рабочих Мотовилихинского пушечного завода, исключив таким образом временно, на период лета 1907 года, крупное предприятие из сферы социал-демократического влияния. В этом же смысле большие проблемы в деятельности среди рабочих Мотовилихи создавала работа провокаторов, в частности Бажина.

По свидетельству А.В. Луначарского, Ленин был «хорошим» редактором. Это выражалось в том, что он сам много писал по самым актуальным вопросам социально-экономической жизни России, и в том, что он активно включал в этот процесс других членов редакции, раздавая им темы, по которым нужно было писать, и в том, что он был демократичен в том смысле, что был сторонником подготовки статей на основе общего, коллективного черновика. Ленин очень много работал над статьями, письмами, заметками, приходившими в редакцию с мест, и в частности с Урала, если авторами их были рабочие, не имеющие соответствующих литературных навыков. Он очень терпеливо, внимательно, скрупулезно проверял каждое предложение, каждую «коряво написанную фразу».

С особой отчетливостью видна редакторская работа Ленина на примере статьи, подписанной «Рабочим 3», – «Страничка из недавнего прошлого Уральского рабочего движения»². Статья «Рабочего 3», неумело написанная, представляла для Ленина благоприятную возможность изложить собственные взгляды на вопросы рабочего движения на Урале. Это коснулось как содержательной стороны статьи, так и ее стиля. Читая ее, мы, во-первых, видим ленинскую четкость классовых позиций и социальных корней лбовщины. Она – выражение отсталости части уральского рабочего класса, попавшего под влияние деклассированных люмпенских элементов. Во-вторых, внимательный анализ конкретных исторических условий в Мотовилихе, которые породили движение «лесных братьев», показывает эскала-

¹ «Пролетарий». № 32, 15 (2) июля 1908 года.

² «Пролетарий». № 46, от 13 (26) мая 1909 года.

цию, «наращивание» масштабов действий революционного отряда Лбова весной и летом 1907 года. Ленин считал, что как только на Урале начала разворачиваться лбовщина, как только она стала заметным социальным явлением, рабочие организации на Урале быстро пошли к упадку и расстройству не потому, что в рабочей массе началась внутренняя деморализация и «реакция», а потому что «уральский пролетариат, полный сил и энергии, был искусно втянут по своей неопытности в революционную авантюру». Экспроприации на Урале расцвели так пышно, трансформировались в такой «ядовитый цветок», который не был плодом расстройства и упадка рабочего движения в Перми и Мотовилихе, а наоборот, расстройство и упадок рабочих организаций на Урале были следствием расцвета лбовщины.

Вся статья в газете «Пролетарий» пропитана идеей чуть ли не решающей роли провокации, развернутой пермской охранкой в деле лбовщины. Автор заметки (ленинская редакторская правка здесь нам в точности не известна) исходил именно из такой постановки вопроса. Он писал: «Стоит бросить беглый взгляд на историю действительности этих лесных экспроприаторских шаек и бегло прочесть любой из обвинительных актов, составляющихся прокуратурой военно-окружного суда, чтобы убедиться в том, что в отношении властей к ним была строго продуманная, по известному плану рассчитанная тактика, — по отношению не только к ним самим, как таковым, но и ко всему уральскому рабочему движению вообще»¹.

Здесь возникает вопрос, ответ на который мы можем дать только в форме предположений. Он заключается в том: откуда мог «Рабочий 3» знать приговоры пермского военно-окружного суда? Что, он приходил в здание военно-окружного суда и читал обвинительные акты, составленные прокуратурой против руководителей, а затем и участников лбовского движения? Трудно предположить возможность такого действия со стороны пермского рабочего.

Возникновение лбовского движения в корреспонденции описывается так: несколько рабочих Мотовилихинского завода, и среди них Лбов, были вынуждены из-за полицейских преследований уйти в лес. Сначала, чтобы иметь средства, они делают «небольшие набеги». Однако с наступлением лета 1907 года из-за полицейских преследований к ним начинает прибывать «публика», и в результате деятельность лбовцев постепенно приобретает характер «экспроприаций». Несколько удачных «эксов» и

¹ «Пролетарий». № 46, от 13 (26) мая 1909 года.

несколько «ловких отстреливаний» самого Лбова «производят фурор». Сам Лбов превращается не только в глазах широких народных масс, но и в глазах «верующих» в «героя», чуть ли не в сверхчеловека. Бывший эсер, впоследствии «максималист», выбрасывает лозунг: «Бей по шинели и мундиру вплоть до почтово-телеграфных чиновников...»¹.

Однако постепенно состав участников лбовского движения меняется, вместо лиц, вынужденных скрываться в лесу, он пополняется лицами, просто желающими участвовать в лбовском движении для того, чтобы пограбить и хорошо пожить. Они были привлечены громкими подвигами Лбова, слава о которых была широко распространена в Пермской губернии. «Эксомания» доходит наконец до того, что начинается «повальный грабеж», вплоть до мелких лавчонок с несколькими копейками. Дело дошло до того, что летом 1907 года в Екатеринбургскую тюрьму привели нескольких парней, арестованных за попытку «экспроприировать» полтора фунта колбасы в пользу политических заключенных. Это говорило о том, насколько глубоко проникла в массы деморализация всеобщей эксомании. «Эксизм» на Урале летом 1907 года затронул часть уральских рабочих, главным образом наиболее «возбудимые элементы», принадлежавшие к большевикам. Как только лбовщина на Урале достигла заметного уровня развития, так сразу же начался упадок рабочего движения на Урале.

Система провокаций, созданная Пермским охранным отделением, сыграла решающую роль в том, что А.М. Лбов был отправлен в тюрьму. У нас нет никаких данных, — подчеркивал корреспондент «Пролетария», — для того чтобы «набрасывать тень» на личность Лбова. Он пытался показать, что Лбов был одной из тех жертв реакции, которые, воображая, что они борются с нею, бессознательно играли на руку этой реакции. Судьба Лбова, как и остальных участников его движения, была решена в тот момент, когда «эксизм на Урале» достиг «кульминационной точки своего роста».

Нам все-таки представляется неубедительной и несколько преувеличенной роль провокации в организации разгрома лбовского движения. Получается так, что разгром был организован царской охранкой. Элемент этого несомненно был, но наряду с ним немаловажную роль сыграли те события, которые вытекали из конкретных условий хода революции 1905-1907 г. на Урале.

А дальше в тексте корреспонденции идет, несомненно, ленинский пассаж. Он настолько характерен по своему стилю, что

¹ «Пролетарий». № 46, от 13 (26) мая 1909 года.

процитируем его полностью. «Как только местные шайки на Урале развернули свою деятельность в такой мере, в какой это нужно было властям для того, чтобы развязать себе руки, т.е. как только «эксистская» деморализация в достаточной степени проникла в массы уральского пролетариата, как только он стал оставлять свои классовые организации – экономические и политические, как только он стал сходить с пути классовой борьбы и ударяться на путь революционной авантюры, как только все сочувствующие и помогавшие ему элементы отшатнулись от него, как только все это свершилось – началось наглое истребление в буквальном смысле этого слова, и с этими шайками покончили одним ударом»¹.

По своему стилистическому оформлению, по характерному для Ленина приему градации в форме многократного повторения выражения «как только», по употреблению таких грубых словечек как «шайки», «деморализация», «революционная авантюра» этот абзац, несомненно, принадлежал Ленину, т.е. был написан им. Отсюда он делает вывод и продолжает развивать свою мысль о негативном влиянии лбовщины на развитие социал-демократического движения на Урале. Он писал о том, что влияние «эксов» было настолько сильным и глубоким, что уральскому пролетариату «не так-то легко будет оправиться от всего этого». Последнее Ленин объясняет тем, что «последствия этого разгрома» «далеко ушли даже за пределы рабочего движения». Он считает, что теперешний полный упадок и разорение чуть ли не всех уральских промышленных предприятий «находится в некоторой довольно тесной зависимости от этого разгрома». Эту мысль Ленин формулирует таким образом: «Общероссийский промышленный кризис последних лет ощущался и до этого времени на Урале так же, как и во всей России, но полный застой промышленности, какой там имеется теперь, начался одновременно с правительственной давкой рабочего движения».

В конце лета 1907 года как только на каком-нибудь уральском заводе появлялась полиция, казаки и ингуши проводили «чистку» неблагонадежных элементов, вслед за этим начинался расчет рабочих, и завод закрывался на более или менее продолжительное время. Так как чистка происходила почти на всех заводах Урала, то и приостановка работ тоже была почти повсеместной. Так было в Надеждинске, Алапаевске, Сысертском заводах и т.д. Здесь налицо попытка необоснованного расширения действия лбовщины, распространение вывода, характерного

¹ «Пролетарий». № 46, от 13 (26) мая 1909 года.

для нескольких уральских заводов, на большинство из них. А заводов было несколько десятков, и только на немногих из них лбовцы совершили свои налеты и экспроприации. Широта именно ленинского, а не «Рабочего 3», социального анализа лбовщины и ее влияния на кризис уральской промышленности выразилась в том, что он связывает данный кризис с попытками правительства России снять или хотя бы ослабить его социальную остроту путем предоставления правительственных заказов уральским заводам. В этом же контексте он рассматривает и решение III Думы о расплате с рабочими на уральских заводах продуктами по небывало высоким ценам.

Ленин пользуется заметкой «Рабочего 3» как поводом для того, чтобы изложить свои взгляды на значение лбовщины, ее влияние на кризис промышленности Урала в период начавшейся стабилизации России после революции 1905-1907 г. И его слова: «Я показал здесь, — насколько, конечно, умел, взаимную связь между уральской «эксоманией» и тем начальным положением, в котором находится сейчас уральский пролетариат во всех отношениях — моральном и материальном», — написанные от имени уральского рабочего, никого, конечно, не обманут. Типично ленинской является выраженная дальше уверенность в силе уральского рабочего класса, который вместе с пролетариатом всей России и всего мира под руководством РСДРП добьется победы в борьбе за социализм. Значение лбовщины, оказавшей влияние на глубину кризиса уральской промышленности, лидер большевиков видел в том, что кризис заставит расчистить путь для притока на Урал западноевропейского капитала и современных, а не полукрепостнических форм эксплуатации рабочего класса. И рабочим Урала придется вести борьбу с капитализмом, «прекрасно сознающим свои интересы». В борьбе с ним рабочим Урала надо быть более сознательными, лучше понимать свои классовые интересы и отстаивать свою классовую позицию. В этом контексте заключается ленинское значение лбовщины с точки зрения Российской социал-демократии. Ленинский анализ, правильный в целом, несмотря на отдельные преувеличения влияния лбовщины на уральское рабочее движение и на кризис уральской промышленности в начале XX века, обязывает нас рассмотреть практическую сторону взаимоотношений пермских социал-демократов и «лесных братьев». Они, особенно на первых порах возникновения лбовского движения, складывались не столь конфронтационно, как это можно было бы представить из большевистских газет «Вперед» и «Пролетарий».

Первоначально между ними существовало определенное практическое содружество, и значительную часть лбовского отряда составляли рабочие-большевики. Начнем с того, что после

неудачи декабрьского вооруженного восстания в Мотовилихе, спасаясь от полицейских преследований, Лбов ушел в лес вместе с социал-демократом Стольниковым и Васей «Рыжим».

Социал-демократы предлагали Лбову фальшивые документы и перебазировку в какой-либо другой город средней полосы России, однако он отказался, заявив, что он сугубо местный патриот. Отсюда мы можем сделать вывод, что отношения А.М. Лбова с социал-демократами в начале 1906 года были очень теплыми и дружественными. С ведома Я.М. Свердлова пермские социал-демократы привлекали А.М. Лбова к попыткам экспроприации финансовых средств для партии.

Пермский большевик Ив. Глухих в воспоминаниях о Свердлове писал, что в первый раз он встретил его в марте 1906 года на конспиративной квартире. В это время пермский комитет был большевистским, хотя в центральном комитете было засилье меньшевиков, и последние были против вооруженных боевых организаций, против различного рода экспроприаций. Однако, по свидетельству Ив. Глухих, пермский комитет РСДРП смотрел на это дело совсем иначе. Без денег невозможна «продуктивная партийная работа». Под давлением Центрального Комитета боевая дружина Мотовилихинского завода, насчитывающая в своих рядах до 80 дружинников-боевиков, была распущена. Часть боевиков не пожелала расстаться с оружием и не подчинилась решению Центрального Комитета. В их числе были Костя (Миков), Шилов и др. Пермский комитет РСДРП, решая вопрос о затруднительном финансовом положении, постановил произвести экспроприацию казенных денег. Данную операцию было поручено провести Меньшикову, который должен был подобрать для ее исполнения трех человек. Он остановился на Лбове, Стольникове и Глухих.

В Пермском комитете, куда Меньшиков привел Глухих, Свердлов «внятным, но тихим голосом» инструктировал «незаконных боевиков», (поскольку экспроприации были запрещены Центральным Комитетом), что «операция» должна быть произведена «как можно без жертв».

Ив. Глухих вспоминал, что они с Меньшиковым поехали с целью экспроприации по Горнозаводской железной дороге, и на одной из глухих станций к ним присоединились Лбов и Стольников. Поездка оказалась неудачной: провокатор Вотинов, который присутствовал на заседании Пермского комитета РСДРП и, следовательно, знал все, предупредил анонимным письмом сборщика винной монополии, на которого предполагалось нападение, и тот не поехал с выручкой в кассу, в которую он должен был сдавать деньги. «Возвратившись в Пермь не героями, —

вспоминал Ив. Глухих, – а с повешенными носами от неудавшейся экспроприации, мы с тов. Меньшиковым встретили у Михалича (Я.М. Свердлова – В.С.) самый радушный прием: «Товарищи, я все знаю, я все знаю». Сборщик по случаю болезни не поехал, и вы не вините себя, говорил «Михалич» так тихо, так ласково, как мать родная¹.

После этого была устроена вторая слежка за другим сборщиком винной монополии, в которой уже не участвовали Лбов и Стольников. Эта экспроприация, несмотря на наказания «Михалича», кончилась трагично. Имелись жертвы с обеих сторон, и всех троих, оставшихся в живых экспроприаторов из Лысьвы, под усиленным конвоем доставили в Пермь.

В течение большей части 1906 года Лбов и его формирующийся отряд представляли в лесах под Мотовилихой своеобразный тыл, куда временно «прятались» те члены боевых дружин социал-демократов и эсеров, которые совершали террористические акты. Именно сюда прибыл активный боевик, член партии РСДРП А.А. Миков после убийства помощника пристава Мотовилихинского завода Косецкого. За избиения рабочих, нарушающих, с его точки зрения, общественный порядок, члены боевой дружины социал-демократов приняли решение казнить Косецкого на глазах у рабочих. В воспоминаниях «Не на жизнь, а на смерть», опубликованных полвека спустя, А.А. Миков рассказывает, как это было. В конце мая 1906 года он создал «боевое организационное бюро», в состав которого, кроме него, вошли Борис Шалаев, С. Фролов («Зеленый»). Эти трое молодых людей решили создать боевую дружину, заняться экспроприациями денег для партийной кассы и расправой с провокаторами и полицейскими. Пермский комитет РСДРП выделил в «боевое бюро» своего представителя. Этим представителем оказался меньшевик Патлых. Руководитель пермских социал-демократов «Артем» основное внимание в своей деятельности уделял выборам в Государственную Думу. Он с настороженностью относился к деятельности «боевой дружины» и поэтому одобрил курирование этого участка работы меньшевиком Патлых, считая, что он, в силу своей фракционной принадлежности, будет неукоснительно проводить курс на выполнение резолюции IV съезда РСДРП в «партизанских действиях».

По свидетельству А.А. Микова, первое заседание «боевой дружины» пермских социал-демократов с его участием носило «бурный характер». Меньшевик Патлых, который курировал

¹ Глухих Ив. Три встречи (Воспоминания о т. Свердлове) // Под красным знаменем. Пермь, 1957. С. 105.

данный участок работы в Пермском комитете РСДРП, настаивал на роспуске «организованной нами боевой дружины, говорил о ней, как о ненужной «ребяческой затее», грозил ее членам «исключением из партии»¹.

Члены боевой дружины решили требованию о роспуске боевой дружины не подчиниться, а продолжить работу по организации дела, приобретению оружия и денежных средств. Среди боевиков существовало убеждение, что вооруженное восстание пролетариата «не за горами», и к нему нужно готовить людей «на практическом деле».

В качестве первой операции боевики Пермской организации РСДРП, не подчинившиеся решению Пермского комитета о роспуске их дружины, задумали конфисковать с Курбатовской пристани в Перми выгруженные с парохода ящики с трехлинейными винтовками и патронами к ним. Операция чуть было не окончилась арестом всех боевиков переодетыми жандармами. Однако боевики успели разбежаться. Им стало ясно, что в их среде есть «осведомитель», но они тогда не знали, кто он. Только в 1917 году узнали, что это был Гордеев.

Неудачей закончилась и вторая попытка боевиков конфисковать крупную сумму денег из конторы Любимовского завода. Боевики были окружены казаками и с большим «трудом ушли». В августе 1906 года боевикам все же удалось конфисковать 2 500 рублей казенных денег в селе Дивья вблизи Добрянки. Деньги были переданы Пермскому комитету и Мотовилихинскому районному комитету. Часть средств послужила кассой взаимопомощи для нужд членов семей убитых боевиков, на 300 рублей было закуплено оружия на Ижевском заводе. Купили там 3 винтовки, 6 револьверов, 10 кинжалов и патроны. В этом же месяце с каменоломен около одного завода боевики «конфисковали» около 10 пудов динамита, более 500 взрывателей, около 200 аршин бикфордова шнура, две винтовки, изъятые у охраны склада. Часть динамита спрятали в лесу, а около трех пудов завезли в Мотовилиху и сдали на хранение рабочему Иванченко. Впоследствии этот динамит послужил материалом для начинки бомб, которыми пользовались лбовцы при экспроприациях винных лавок.

Успехи «внушили» боевикам силу и уверенность в своих действиях. В конце августа 1906 года на одном из заседаний «бюро» они уже не просили разрешения Пермского комитета, а лишь уведомили его через Патлых о своем решении убрать помощника пристава Мотовилихинского завода Косецкого, про-

¹ Миков А.А. Указ. соч. С. 129.

должавшего избивать рабочих. Решили казнить Косецкого на глазах у рабочих. Казнь была совершена 26 сентября 1906 года в здании Мотовилихинского народного дома, заполненного рабочими, во время спектакля. Убил Косецкого А.А. Миков.

Б.Е. Шалаев вспоминал, что он лично вместе с Миковым, Кожиным, Папочкиным (provokator) принимал участие в слежке за Косецким. Четверка оказалась настолько громоздкой, что ее почти сразу же сократили, а так как Шалаев, один из участников слежки, жил в Перми, то сократили именно его. Он в убийстве не участвовал, поэтому передает подробности со слов Микова, который вместе с Кожиным и Папочкиным явился к нему на квартиру, чтобы поделиться этой «потрясающей новостью». Слежка за Косецким не осталась для него тайной. Летом 1906 года на Косецкого уже было организовано покушение. Однако тогда ему удалось уцелеть, – в него было сделано 8 выстрелов, но он не был даже ранен. Поэтому начальство «пронюхало» о готовящемся покушении и решило перевести Косецкого в «другое место», так что он 26 сентября последний раз дежурил в Мотовилихинском театре. Узнав об этом (у боевой дружины также были свои осведомители), Костя (А.А. Миков) немедленно бросился в театр. Попутно его «подзадорили» сообщением о том, что и эсеры «охотятся» за Косецким. В театре он прежде всего постарался установить, действительно ли Косецкий находится в здании и где именно. Пока он раздумывал, «случай пришел ему на помощь». На галерке изрядно пьяный рабочий Всеволод Заплатин устроил скандал. Дежурные полицейские стали выводить его в коридор. Скандалист уходить не хотел и поднял такой шум, что на него вышел Косецкий и направился к скандалисту с явной целью установить, в чем дело. Миков моментально сообразил, что лучшего момента для стрельбы «нельзя придумать», и как только Косецкий повернулся в сторону Заплатина, он почти в упор выстрелил Косецкому в голову. Пуля попала в затылок чуть выше правого уха и вышла навывлет у левого виска. Не приходя в сознание, утром следующего дня Косецкий умер. А Миков сразу же после выстрела молниеносно повернулся и понесся по коридору, запоздалые полицейские пули просвистели около его ушей уже где-то на выходе.

Внимание всех присутствовавших было сосредоточено на скандалисте и приставе, и никто не успел рассмотреть не только лица, но даже облика стрелявшего. Это спасло Микова. Когда его в декабре 1906 года арестовали по другому делу в квартире Петуховой, он получил «за это дело» –денежную экспроприацию

в Мотовилихинском почтовом отделении – 8 лет каторги, а по делу Косецкого его даже не подозревали¹.

Об отношении к данному покушению членов Пермского комитета РСДРП Миков рассказывал Шалаеву. За намерение убить Косецкого представитель Комитета в Пермской боевой дружине Патлых грозил исключением из партии. Однако в то же время Миков утверждал, что в частных беседах «почти со всеми членами Комитета они полностью соглашались, что хорошо было бы убить такого палача, но нарушить постановление съезда не решались. Словом разрешения не дали, а сочувствие – полное», – писал Миков². Б.Е. Шалаев и полвека спустя пишет о том, что он не стыдится, что «сочувствовал этому делу и способствовал, чем мог». Он объяснял это не расхождением с линией партии, а зверскими избиениями Косецким рабочих: «Терпеть этого не было сил».

После убийства Косецкого Миков «ушел» к Лбову и некоторое время прожил у него в лесу. Следовательно, для боевиков «социал-демократов» база Лбова в лесу была местом, где они скрывались от преследований полиции. Факты организационной взаимопомощи налицо, средства борьбы – террор и экспроприации – одни и те же. Выйдя из леса, – вспоминает Миков, – он организовал мастерскую по изготовлению бомб. Оболочками для них служили стальные стаканы шрапнельных снарядов, которые боевикам доставляли из завода рабочие. Изготовлено было около 60 бомб. Однако употреблять в дело бомбы не пришлось, за исключением пробных.

В декабре 1906 года «боевое бюро» РСДРП разработало план конфискации дневной выручки Пермско-Екатеринбургской железной дороги при переносе денежного ящика с поезда со станции Пермь I в управление дороги. Ящик с деньгами обычно сопровождал кассир и 2-3 жандарма. Однако охранное отделение о замыслах боевиков было осведомлено и приняло меры к усилению охраны – ящик с деньгами стали сопровождать уже 10-12 солдат с винтовками. «Так один за другим срывались наши планы, – меланхолически замечает Миков, – получался самый нежелательный результат: мы поднимали на ноги жандармерию, усиливали обыски и аресты, подвергали репрессиям не причастных лиц»³. С большим запозданием, полвека спустя А.А. Миков признает ошибочность и прямой вред той тактики,

¹ Шалаев Б.Е. – Назаровскому Б.Н., 23 февраля 1966 года // ГОПАПО, ф. 25, оп. 1, ед. хр. 93, л. 21-24.

² Там же. С. 23.

³ Миков А.А. Указ. соч. С. 131.

которой он придерживался в годы первой российской революции, когда он фактически стоял на тех же принципах террора и экспроприации, которых несколько месяцев спустя, весной 1907 года, начнет придерживаться Лбов.

Об отношении социал-демократов к Лбову свидетельствует статья «Кто такой Лбов?», помещенная в четвертом номере «Солдатской газеты», органе Уральской военной организации РСДРП за 1907 год. Автор статьи, укрывшийся под псевдонимом «Пермский рядовой», пытается простым и понятным разговорным языком дать солдатам понятие о социальном облике Лбова, рассказать, что он хочет, за что он борется, какими средствами, в чем его ошибки, и почему те формы борьбы, которые избрал Лбов, не могут привести к достижению поставленной цели. В статье подчеркивается, что царское правительство стремится всех революционеров представить как воров, грабителей, «которых мы, солдаты, должны ненавидеть, должны ловить и представлять начальству. А начальство с ними уже раздается. Достаточно у него тюрем и виселиц и послушных солдатских винтовок для врагов своих, для друзей народа, для всех тех, кто не хочет покоряться вора и душегубам – царским министрам». Автор статьи разъясняет солдатам: «Не вор и не грабитель Лбов. Лбов – революционер. Кого из неповинных людей тронул Лбов? Никого. Кроме полиции, на кого нападает Лбов? Ни на кого. Разве не Лбов расстрелял трех своих товарищей за то, что они именем Лбова обижали людей неповинных?»

Вместе с тем автор заметки показывает, что пермские социал-демократы не согласны с лбовской тактикой террора и экспроприаций. «Мы не соглашаемся со Лбовым, – убежденно заявляет он. – Мы говорим, что так действовать, как действует он, пользы России не принесешь. Мы говорим, что не убийством городских, околоточных да приставов можно завоевать свободу и счастье для всей России, что не этим может быть свергнуто иго царских палачей, дворян да помещиков. Мы говорим, что только весь народ – крестьяне, рабочие и сознательная часть армии – смогут сбросить с себя царское иго, смогут освободить Россию от рабства». Действия Лбова неправильны, «они на руку начальству», пользуясь «ошибками Лбова», начальство всех революционеров пытается представить, «как воров и грабителей». Но все же говорить, что Лбов – простой грабитель и убийца, мы не имеем права». Само правительство своими действиями способствует появлению на Божий свет Лбовых. Если бы не было у нас в России того бесправия и произвола, в котором мы живем, если бы последний стражник или городской не имели права издеваться над тобой, если бы самый бедный человек мог

найти управу на богатого насильника, не было бы Лбовых у нас, как нет нигде за границей, кроме Турции». Газета подчеркивает, что солдаты должны отличать Лбова от простого грабителя. И выражает уверенность в том, что «никогда начальство не добьется» от солдат, чтобы они смотрели на Лбовых, как на остальных грабителей. Начальству не удастся, пользуясь ошибками Лбовых, «натравить всю армию на всех революционеров». Заметка заканчивается уверенностью, что кровь, «пролитая Лбовым в состоянии обороны», падет на головы начальства¹.

В статье из «Солдатской газеты» проводится четкая демаркационная линия между тактикой Российской социал-демократической партией, с одной стороны, и лбовской тактикой экспроприаций и индивидуального террора – с другой. Пермские социал-демократы, и в особенности К.И. Кирсанова, проводили большую пропагандистскую работу среди солдат и достигали в этом значительных успехов, пока это дело не было раскрыто полицией. Линия классово-подоплеки революционной тактики Лбова на начальном этапе его деятельности проводится в газете четко и последовательно.

Однако руководитель Пермских социал-демократов в тот период времени, после ареста Свердлова, Артем (Ф.А. Сергеев) смотрел на эти действия пермских боевиков, социал-демократов и Лбова совершенно иначе. В письме к Е.Ф. Мечниковой – жене брата знаменитого русского биолога, лауреата нобелевской премии И.И. Мечникова из Австралии он характеризует «лбовщину» как «отравленные отбросы умирающей революции». «Ведя борьбу с ней – продолжает Артем – мы столкнулись «в этой борьбе с группой авантюристов, таких же беспринципных и беспардонных, как и наглых. Авантюризм везде по существу одинаков, – продолжает он, – и различается лишь по внешности, одевая иной костюм для дворца, иной для игорного дома и иной для рабочего квартала»². С точки зрения последовательной линии российской социал-демократии такая оценка деятельности Лбова и социал-демократических боевиков является совершенно верной, – одни «лесные братья» были отравленными отбросами «умирающей революции», а другие (Миков и его друзья) были «беспринципными и беспардонными авантюристами».

Представляют интерес размышления Артема о психологической основе такой общественно-политической позиции. Де-

¹ Кто такой Лбов? // Солдатская газета. № 4. Орган Уральской военной организации РСДРП [1907 г.]

² Артем (Сергеев Ф.А. – Мечниковой Екатерине Феликсовне, 12 апреля 1912 года.) Письма Артема (Ф.А. Сергеева) из Австралии // Исторический архив. 1960. № 1. С. 64.

лясь с Екатериной Феликсовной своими мыслями по этому вопросу, он в качестве примеров революционеров такого типа рассматривает героев украинского писателя-националиста Винниченко. «Герои Винниченко, — пишет он, — в их худшей части либо хулиганье, примазавшееся к революции, либо люди с ослабленной психикой». Дальше Артем разворачивает свою мысль о связи психики людей, принявших участие в революции, и о тех повышенных требованиях, которые она предъявляет к ним. «Это люди с ослабленной психикой, — продолжает он, — не выдержавшей встрясок пронесшейся революции». Раскрывая особенности психики людей, изображенных Винниченко, Артем находит у них такие характерные черты, как «постоянный душевный голод, муки неудовлетворенности, сознание невозможности компромисса, предательства Петра или Иуды»¹. С психологической точки зрения Артем очень тонко и точно на примере литературных героев Винниченко характеризует и лбовцев, и самого Лбова, и боевиков социал-демократов: Микова, Шалаева, Богданова, Папочкина и др.

О верности мировоззренческих и психологических позиций «лесных братьев» и боевиков социал-демократов, данных в письмах Артема, свидетельствуют воспоминания большевика А. Белобородова. Причем если Артема иногда обвиняют в том, что в этот период времени он испытывал «меньшевистские правые влечения», то в этом участника троцкистской оппозиции 20-х годов никак обвинить невозможно.

Причину возникновения «партизанской борьбы» и возникновения отрядов «лесных братьев» А. Белобородов видел в том, что загнанное жестокими репрессиями в подполье рабочее движение создало новую форму борьбы с «агентами капитала и царского правительства», идеологией которой было «безверие» в массовое движение рабочих и недоверие к тем организационным формам, в которые это движение выливалось. Данные формы массовой борьбы (забастовки, демонстрации и т.п.) считались участниками движения «лесных братьев» неэффективными. Их участники, в силу своего революционного «нетерпения», хотели быстро достичь непосредственных и реальных результатов.

Кто составлял кадры бойцов «лесных братьев», кто уходил к ним в лес, кто занимался террором и экспроприациями как казенных, так и, правда реже, частных учреждений? В этом, между прочим, сказывалась эмоциональная озлобленность рабочих, которые составляли основной состав движения «лесных братьев». «К «лесным братьям» — подчеркивает А. Белобородов, —

¹ Там же. С. 69.

уходили наиболее активные члены партийных боевых дружин эсеров и социал-демократов, к ним уходили вынужденные переходить на нелегальное положение участники революционного движения, наконец, к ним переходили отдельные рабочие, предпочитавшие разделить с ними их полную тревоги жизнь, чем тянуть тяжелую лямку серой и однообразной заводской жизни¹. По свидетельству П.А. Белобородова, интеллигентов среди «лесных братьев» было немного.

По возрасту партизаны были «большой частью» молодые рабочие, впитавшие «при свободах 1905 года «революционный дух». Молодость с ее безоглядностью и безответственностью легче позволяла совершать преступления (убийства полицейских, чиновников почтово-телеграфного ведомства и т.п.) «Лесные братья», особенно на первых этапах их деятельности, старались не порывать связей со своими партийными организациями, предоставляли им часть экспроприированных средств. Однако чем дальше, тем больше террор и экспроприации возвращали их участников. И чем дальше, тем больше экспроприации «лесных братьев» походили на обыкновенные грабежи, осуществленные с применением вооруженной силы. Этому способствовала и идеологическая «всеядность» участников партизанского движения.

В условиях спада революционного движения и в результате жестоких полицейских преследований «лесные братья» осуществляли «возмездие врагу» за испытываемое угнетение и издевательства². Это был своеобразный клапан для выпуска пара и гнева недовольства рабочих, в том числе и в социал-демократической среде.

О том, как это было, рассказывает пермский большевик, участник революционного движения Н. Ваганов, который принимал непосредственное участие в лвовских экспроприациях³. Из этих воспоминаний видно, что наиболее активная часть социал-демократов, когда условия партийной подпольной работы становились «невыносимыми», уходила к «лесным братьям», а затем вновь возвращалась в свою среду и к своей партийной работе. Деятельность среди «лесных братьев» их не устраивала, во-первых, своей направленностью и формами, близкими к уголовным, а во-вторых, своей бесперспективностью. В случае поимки – смертная казнь или длительные сроки тюремного заключения.

¹ Белобородов А. Указ. соч. С. 92.

² Там же. С. 95.

³ Ваганов Н. Указ. соч. С. 9-11.

Бесперспективность лбовщины осознавалась социал-демократами, поэтому они, возвращаясь в свои ряды от «лесных братьев», пытались уговорить и Лбова бросить террор и экспроприации и «уехать куда-нибудь подальше»¹, предлагая ему для этой цели фальшивые документы. А.А. Миков задним числом, ретроспективно высказывает сожаление о том, что социал-демократы мало внимания обращали на «лесных братьев», что там были хорошие люди, преданные революции, которые при правильно поставленной работе с ними могли бы принести много пользы рабочему движению.

Однако склонить Лбова на сторону социал-демократов было невозможно в силу его прагматического характера. Когда экспроприации удавались на первом этапе движения «лесных братьев», и дисциплина в отряде была высокой, он был доволен и убежден в том, что именно только таким образом и надо действовать, ибо только такой образ действия является эффективным и дает немедленные результаты. А на втором этапе деятельности лбовцев, когда они в конце лета 1907 года стали терпеть поражения, подавленный тяжестью совершенных преступлений, сознавая ответственность за них, он был, в основном, занят проблемами спасения собственной жизни, тем, чтобы «отсидеться» и при благоприятных условиях возобновить свою деятельность в другом месте и в другое время. Его собственные признания в «Исповеди» перед казнью свидетельствуют об этом².

С другой стороны, пермские социал-демократы в условиях массовых экспроприаций и террора, которые развернули лбовцы летом 1907 года, в условиях, когда «эксы» стали проявлять тенденцию к перерастанию их в простые грабежи, в условиях, когда расширяющиеся репрессии касались не только лбовцев, но и социал-демократов, последние вынуждены были отмежеваться от них во имя сохранения своих отрядов и своего престижа перед лицом широких масс населения Пермского края, которое начало отходить от поддержки вакханалии экспроприаций и грабежей «лесных братьев».

Сделано это было Пермским комитетом социал-демократов в форме специальной листовки, принятой на заседании комитета 2 августа 1907 года. Листовка давала взвешенную и продуманную оценку пермских социал-демократов в их отношении к движению «лесных братьев», не только с точки зрения настоящего момента развития послереволюционной ситуации в Рос-

¹ Миков А.А. Указ. соч. С. 132.

² ГОПАПО, ф. 25, оп. 1, ед. хр. 85, л. 5. Документ цитируется по заверенной копии, сохранившейся в фонде Б.Н. Назаровского.

сии, но и с точки зрения дальнейших перспектив развития рабочего движения на Урале. В нашем распоряжении нет документальных свидетельств о том влиянии, которое листовка оказала на Лбова, однако, несомненно, что познакомившись с ее содержанием после возвращения из Богословского горного округа, в котором он находился в тот период времени, когда она вышла в свет, он вынужден был прекратить контакты с социал-демократами и заняться своей личной судьбой в условиях краха созданного им движения. Разгром лбовского движения был следствием применявшейся им ошибочной тактики.

В Листовке отмечалось, что Пермский комитет РСДРП рассматривал на своем заседании 2 августа вопрос о развитии белого террора в Мотовилихе и пришел к следующим выводам. Белый террор применяется правительством в самых широких масштабах как средство борьбы с революционными элементами народа. Газеты рисуют картину всевозможных ужасов в этом отношении.

В противовес белому террору правительства наименее сознательные одиночки из среды интеллигенции и пролетариата бросаются в красный террор, вместо планомерной борьбы начинают избиения первых попавших под руку городских и других чинов полиции, что, в свою очередь, ведет к усилению «неистовств со стороны царских башибузуков». В Листовке прямо подчеркивалось, что силу революции РСДРП видит не в выступлениях отдельных партизан, а в сознательном участии самых широких слоев народа в этой борьбе, не в убийстве отдельных городских или старух, которых обвиняют в провокации, а в сознательном отношении широких слоев пролетариата и крестьянской бедноты ко всему происходящему в России, в сознательном отношении ко всем средствам и приемам борьбы, которые применимы против самодержавно-чиновнично-дворянского строя за землю, за политические права, за демократическую республику.

Для достижения этой задачи, для укрепления связей пролетариата и деревенской бедноты Пермские социал-демократы считали необходимым всю агитацию, пропаганду и организацию масс неразрывно увязывать с нуждами и запросами местного населения. Только в этом случае работа будет приносить плодотворные результаты. Пермский комитет РСДРП считал необходимым обратить внимание Мотовилихинского районного комитета на обличение тех безобразий, которые творились в Мотовилихе властями завода и полицией.

Агитация должна быть направлена по двум параллельным путям.

1. Необходимо самым широким слоям населения помочь уяснить сущность способов борьбы, применяемых «лесными братьями», «анархистами-коммунистами» и т.п. Необходимо, чтобы самые широкие слои поняли всю непригодность этих средств борьбы, весь вред, приносимый ими делу развития классового самосознания пролетариата, делу революции. Этой агитацией, — подчеркивалось в Листовке, — будет в корне подорвана моральная сила всех анархических организаций и будет достигнуто прекращение притока свежих сил, видящих в революции не идейную борьбу за счастливое будущее человечества, а способ как бы бесчинствовать и пограбить¹.

2. Необходимо организовать и втянуть в протесты против бесчинств царских башибузуков всю Мотовилиху. Формы протеста заранее определить нельзя: они будут определяться конкретными условиями. Задача прояснения классового самосознания пролетариата в Листовке была поставлена очень четко и ее антилбовская направленность выражена со всей определенностью. Отмежевываясь от Лбова, пермские социал-демократы хотели сохранить свое влияние на массы. Этот шаг был сделан ими очень своевременно. Лбова не было в Мотовилихе, он был в Надеждинске, на севере Пермской губернии. Когда он вернулся в Мотовилиху и узнал об этом, он должен был сопоставить позицию, изложенную в Листовке, с недоброжелательностью населения Мотовилихи по отношению к его отряду, к бесконечным убийствам, экспроприациям, вызывавшим недовольство населения заводского поселка, с одной стороны, и начавшимися грабежами, пьянством и мародерствам внутри его боевого отряда — с другой. Это должно было оказать на него влияние в смысле принятия им решения о роспуске своего отряда *в октябре 1907 года*. Сам акт роспуска может быть поставлен под сомнение: как такового его не было. По свидетельству Н. Чердынцева, собиравшего материал о лбовском движении спустя полтора года после пика этого движения и, следовательно, имевшего большие возможности контактов с очевидцами, Лбов остался один в результате того, что сблизился с людьми, которых ненавидел весь его отряд, и лбовцы уходили из отряда². Моральное разложение лидера движения «лесных братьев» и провокация ускорили разложение и гибель движения.

Мы пытались в этой главе дать краткий обзор взаимоотношений социал-демократов и «лесных братьев», систему их

¹ Листовки Пермских большевиков 1901-1917 гг. Пермское книжное издательство. Пермь, 1958. С. 347-348.

² Чердынцев Н. Указ. соч. С. 219.

взаимоотношений на уровне теории и практики. Если на уровне теории социал-демократы, особенно меньшевики, всегда не соглашались со стратегией и тактикой «лесных братьев», то в области практики у них были интенсивные связи и определенное взаимодействие до тех пор, пока это движение не вылилось в настоящий бандитизм. Во всяком случае, отношение социал-демократов к «лесным братьям» как к неизбежному продукту разложения революционного движения соответствует истине и заслуживает специального анализа в этическом плане. В следующей главе мы опишем бесславный конец нашего героя, окончательно запутавшегося в сетях неразрешимых противоречий, созданных его образом жизни и его деятельностью. Многие в описании конца нашего героя будет не таким, как об этом сообщалось в нашей отечественной литературе. Проблески сознания у Лбова, мысли о том, правильно ли он действовал в течение двух последних лет своей жизни, точно далекие звездочки, заблестевшие на туманном, ночном небосклоне, представляют то новое, на что не обращалось внимания в нашей отечественной историографии. История последнего периода жизни А.М. Лбова представляется более трагичной, чем это изображалось до сих пор.

Глава V. Бесславный конец

В конце лета 1907 года лбовцы потерпели несколько серьезных поражений. Они совпали по времени с целым рядом негативных процессов, которые происходили в рядах «лесных братьев», коснувшихся и самого Лбова. Он бежал в лес от преследования властей и в течение двух лет жил на положении травимого охотниками зверя. И он настолько вошел во вкус, настолько пропитался требованиями ежесекундной настороженности и готовности пустить в дело оружие, что совсем не тяготился своим образом жизни. Во всяком случае, так было в начале 1906 года.

А.А. Миков вспоминал, что он пришел ко Лбову в лес после убийства помощника пристава поселка Мотовилихинского завода Косецкого 10 октября (н. ст.) 1906 года. В это время Лбов почти не выходил из леса, он отвык от нормальной жизни. Он вздрагивал, если пробежит заяц, нервно соскакивал со своего ложа, если треснет сучок. Его жилище в этот период времени представляла не лесная избушка, как было позднее, а «яма, вырытая в косогоре глубокого заросшего лога. При каждом шорохе он хватался за винтовку или маузер»¹. Постепенно его положение улучшилось. По свидетельству Н. Чердынцева, на его стоянки приходило множество гостей из Перми, Мотовилихинского завода, из окружающих завод деревень. В его становищах становилось весело и оживленно. Здесь заходящие социалисты вели свои кружки, члены которых совсем не были лбовцами, а странствующие лекторы и ораторы разных направлений вели социалистическую пропаганду. Здесь читались газеты, обсуждались новости, велись споры по злободневным вопросам российской политики. Среди всего этого шума Лбов, не теряя самообладания, подзывал кого-нибудь из своих наиболее опытных боевиков, которому и отдавал приказание о подготовке следующего «экса» или террористического акта.

Однако постепенно настроение Лбова стало меняться. Особенно заметно это стало к концу лета 1907 года. В нем происходил сложный психический перелом. Роспуск Государственной Думы второго созыва везде произвел «ошеломляющее впечатление». Не прошел он бесследно и для Лбова, хотя определенного отношения к Думе у него не было. Он колебался по отношению к ней между двумя полюсами своих настроений – от резкого отрицания ее ввиду совершенной бесполезности данного

¹ Миков А.А. Указ. соч. С. 132.

учреждения, до совета идти в нее и что-то пытаться делать. Разгром правительством России боевых организаций в Прибалтике, на Кавказе, в армии и во флоте, серьезные поражения, нанесенные различным боевым дружинам и отрядам на Урале, настраивали его на меланхолический лад, и он говорил: «Хоть бы с год еще уцелеть, сделал бы я свое дело! Да нет, не дадут прожить на воле год! Возьмут и вздернут»¹.

В таких трудных условиях постепенно внутри этого, физически крепкого и волевого человека, назревает перелом, который скажется в течение последних месяцев его жизни. Он ломается и отступает от своих принципов: не пить, не курить, вести аскетический образ жизни, все добытые средства справедливо распределять между семьями погибших боевиков, помогать политическим заключенным, а также тем семьям, которые находились, по тогдашним понятиям, за чертой бедности, и себе ничего лишнего, ничего, что было абсолютно необходимо для существования отряда. Разругавшись с автономистами, которые дали ему из хорошей «выручки» на «Анне Степановне» только 1900 рублей, он нащупал почву в Верхотурском уезде в Надеждинске и Туринских рудниках, и из богатой добычи в 60 тыс. рублей все деньги взял себе, выдав боевикам по 20 рублей². Когда ему указали на несправедливость подобного дележа, он оправдывался тем, что большие деньги необходимы для истощившихся запасов оружия и поспешил уехать в Кушву, а затем в Мотовилиху. Такая несправедливая «дележка» заставила часть лбовцев во главе с Дмитрием Худорожковым отделиться от Лбова, составить свой собственный боевой отряд и заняться грабежами на Южном Урале. Еще раньше от Лбова отделился большой отряд Тихомирова-отца, не желавшего мириться с его деспотизмом. Все конкуренты Лбова под ударами полиции, казаков и ингушей, действовавших по указанию агентуры, приехавшей из столиц, погибали. Он остался один – монополист террора. И это способствовало закреплению за ним славы неуловимого экспроприатора.

Однако нравственный перелом, который происходил в нем, привел к тому, что он связался с «пьяной бабой» Апполинарией Беляковой по «прозвищу Маруха» и «отдался с ней беспробудному разгулу». Н. Чердынцев рисует эту сторону жизни Лбова негативными, черными красками. «На укоры товарищей, – пишет он, – Лбов не обращал внимания, лбовцы указывали ему, что Маруха болтает на заводе слишком много.- Он в отместку запре-

¹ Чердынцев Н. Указ. соч. С. 212.

² Там же.

тил им пользоваться лошастью для поездок на завод, став плохо кормить и одевать, мало давал денег. Все более интеллигентное в отряде бесповоротно отошло от него». Дальнейшее изложение событий, происходивших в лбовском лагере, Н. Чердынцев передает схематично, путает и смещает даты, однако основную канву событий излагает верно: «Лбовцы ожидали зимы. Они думали, что зимой Лбов одумается и возьмется за дело. Одному ему в лесу не прожить, а они решили уйти от него, если он не изменит образа жизни. Но к зиме случилось нечто уж совсем скверное. Маруха ввела в организацию одно лицо, назовем его хотя бы Карпом, исключенное социал-демократической партией за шпионство. Это окончательно вывело лбовцев из себя. Шпиона они не желали иметь в своей среде. Они оставили Лбова на произвол судьбы». Таким образом, уцелевшие остатки лбовского отряда *самораспустились*, а не он распустил свою дружину, как это утверждалось в советской историографии. Это казалось настолько невероятным и так расходилось с, казалось бы, общепринятой точкой зрения, что я не поверил. Казалось, что Чердынцев отступает от исторической правды и беллетризирует концовку своего очерка. Однако более углубленное знакомство с архивным материалом показало, что в основном он прав. Апполинария Белякова – «любовница» Лбова, как ее в лбовском лагере «за глаза» называли, реально действующее в то время лицо. Первоначально она занималась поставками продовольствия для лбовского отряда.

Однако фактически для лбовцев, живущих в лесу, она была агентом охраны. За ее действия, за ее влияние на Лбова они ненавидели ее и искали случая с ней расправиться. В то же время авторитет руководителя связывал им руки и мешал в практической реализации террористического акта.

А Белякова время даром не теряла. Первоначально она действовала осторожно, а потом, когда увидела, что ее влияние на Лбова возросло, что он влюбился в нее, стала влиять на него в нужном ей направлении более настойчиво. Она ввела в лбовский отряд провокатора «Карпа» (Егора Мельникова).

Услуги А. Беляковой пермской охранкой оплачивались хорошо. В Пихтовке у пруда она имела два дома¹. Характерно, что когда неосведомленными лицами на нее был сделан донос в пермское охранное отделение, в котором содержалась информация о том, что она связана с «лесными братьями», и содержалось предложение за это ее арестовать, никаких последствий это донесение не имело. Еще бы, охранка знала своих людей и оберегала их в меру своих возможностей, а также своего разума.

¹ ГАПО, ф. 160, оп. 3, ед. хр. 283, л. 304.

Н. Чердынцев понимал, что он говорит очень серьезные вещи, что надо бы их как-то подкрепить документально. Вместе с тем он знал, что если он будет открытым текстом ссылаться на свидетельства лбовцев, уцелевших от ареста, то подведет их. Поэтому он ссылается на письмо одного лбовца, не называя его исходных данных, а также и его адресата, т.е. того, кому оно было адресовано. Этот знакомый анонимного лбовца – «интеллигент». Ему анонимный лбовец пишет о том, что «Длинный (нелегальное прозвище Лбова) сменял нас на Маруху и Карпа. И мы стали отходить. Ничего не говорили. А один за другим уходили. Хотели было освободить его от нее, но на глазах у него не решились сделать это. Черт знает, как он любил Маруху и защищал ее!. А на стороне ни Маруха, ни Карп не попадались нам. И мы уходили, и он остался один». Это настоящая личная трагедия выдающегося экспроприатора. Письмо очень хорошо передает тот дух скованности, нерешительности, который был характерен для лбовского отряда. Без его решения никто не смел ничего делать. Личное чувство у Лбова к А. Беяковой было очень сильным. «Не будь Марухи, – писал Н. Чердынцев, – Лбов, может быть, и прогнал бы Карпа. Но Маруха не позволяла ему сделать это».

Карп был чрезвычайно «грязным» человеком. Лбовцы установили, что если деньги в тюрьмы посылались через него, они доходили по назначению не полностью, а то и вообще не доходили. Если одежда, обувь, продовольственные припасы покупались через Карпа, они всегда оказывались намного дороже, чем были на базаре. Дальнейшее изложение судьбы Лбова Чердынцевым не только страдает неточностями, – оно просто не соответствует действительности. Он не остался с «Марухой» и «Карпом» в «избушке» зимой 1907 года, – по данным вятской охраны, уже 17 октября 1907 года он был в Вятке во время покушения на Вятского губернатора князя С.Д. Горчакова. Ему не было необходимости обращаться к социалистически настроенным интеллигентам с просьбой о предоставлении ему денег. Деньги у него были после экспроприации в Надеждинске. Он действительно разочаровался в прежнем «способе действия», вел переговоры о вступлении в партию эсеров, которые послали к нему Дементьева для переговоров по широкому кругу вопросов. Дементьев справился со своей миссией. Он организовал встречу со Лбовым знаменитого провокатора, руководителя боевой дружины партии эсеров Е.Ф. Азефа. Руководитель боевой дружины эсеров приезжал в Пермь в конце сентября – начале октября 1907 года по заданию Департамента полиции, куда за помощью обращался пермский губернатор А.В. Болотов. Во-

прос о приезде Е.Ф. Азефа в Пермь и о встречах его с Лбовым является дискуссионным в нашей исторической литературе. А.П. Гайдар, имевший возможность опираться на воспоминания живых участников лбовского движения, решал данный вопрос положительно. Более позднее поколение советских историков – И.С. Капцугович и др. – считали, что этой встречи с Лбовым и этой поездки Е.Ф. Азефа в Пермь не было, а Лбов случайно попался в руки полиции в Нолинске.

Однако это не так. Кроме мемуаров Дементьева, на которые ссылается Ф.Е. Мельников¹, в нашем распоряжении имеются письма большевика Б.Е. Шалаева к пермскому журналисту Б.Н. Назаровскому, в которых этот вопрос решается в пользу визита в Пермь Азефа и встречи его со Лбовым, а также последующей, широко поставленной и тщательно разработанной провокации.

В письме Б.Н. Назаровскому 6 ноября 1966 года Б.Е. Шалаев писал: «Александр (Лбов – В.С.) *случайно* (подчеркнуто мной – Б. Шалаев) на одной из улиц прошел мимо дома местного исправника (околоточного надзирателя Сергеева – В.С.). Я имею, – подчеркивает Б.Е. Шалаев, – серьезные основания считать, что произошло это вовсе не *случайно* (подчеркнуто Б.Е. Шалаевым – В.С.), а по провокации Азефа, сведения которого и были сообщены исправнику (околоточному надзирателю Нолинска – В.С.) А сцена случайности разыграна для лучшего заметания следов провокации Азефа». Все это Б.Е. Шалаев слышал в 1910 году от своего брата Викентия Шалаева, бывшего в 1906-1908 г. пермским реалистом и слышавшего это (о провокации Азефа – В.С.) от своих товарищей реалистов с мелкими подробностями².

До своего разоблачения, как провокатора, Азеф пользовался большим авторитетом в партии эсеров. Лбов взял имя Сеньки Леща, не помнящего родства, который бесконечно скитался по улицам Одессы, отсюда его прямо-таки фантастические рассказы на суде о том, как он проводил время в Финляндии и в странах Западной Европы. Вполне возможно, что это плод его собственного «литературного» творчества, однако, более вероятно, что это те «рассказы» Азефа, которыми он его угощал, уговаривая ехать за границу, расписывая, как там хорошо, а в качестве подготовки уговорив его ехать в Вятку, для того чтобы отсидеться там в безопасности зимой, а затем летом эмигрировать.

¹ Мельников Ф.Е. Указ. соч. С. 127-130.

² Шалаев Б.Е. – Назаровскому Б.Н. 6 ноября 1966 года // ГОПАПО, ф. 25, оп. 1, ед. хр. 50, л. 76-76 об.

Объявив тем немногим товарищам из своей боевой дружины, которые к тому времени остались верными ему, что он едет на Южный Урал, Лбов вдвоем с «Карпом» двинулся совсем в другую сторону, а именно в Вятку. Напомним, что Карп, по свидетельству Н. Чердынцева, был исключен за провокаторство из одной из социалистических партий. В Вятке он оказался под пристальным оком вятского жандармского управления. Он оказался в роли подопытного кролика в хорошо освещенной клетке, за каждым шагом его следила местная жандармерия.

Вятская охранка была создана в 1907 году. Она не имела своего губернского управления и была подчинена Пермской охранке. В организационном отношении она была представлена двумя уездными управлениями – Вятским и Сарапульским, которые находились под большим влиянием Вятского губернского жандармского управления, которое, хотя и насчитывало всего 18 жандармов, но имело большой опыт агентурной работы и работало в целом довольно успешно. Свидетельством этого является хотя бы тот факт, что если Пермскому губернатору А.В. Болотову, который жаловался в Департамент полиции на начальника охранного управления подполковника Самойленко, требуя его замены, удалось этого достичь, то Вятскому губернатору князю С.Д. Горчакову, который также требовал замены полковника Н.С. Милюкова, добиться этого не удалось. Милюков в течение 6 лет занимал данный пост (1907-1912) и ушел в отставку генерал-майором.

Первоначально Лбов решил поправить свое расшатанное здоровье, с этой целью он устроился в Вятскую земскую больницу и в течение нескольких недель в сентябре 1907 года «успешно», по свидетельству корреспондента газеты «Пермские губернские ведомости», лечился от мучавшего его ревматизма¹. В больнице, где он находился по «подложному паспорту», он был доволен успехами лечения и «с большой похвалой отзывался о знаниях вятских врачей, способствовавших ему разделаться с последствиями застарелого ревматизма».

После выхода из больницы Лбов проживал в Вятке на квартире у Марии Дмитриевны Зубаревой, пожилой женщины в возрасте 75 лет. Принимая во внимание ее возраст, полиция оставила ее дело без последствий после суда и казни Лбова², хотя начальник Вятского губернского жандармского управления и высказывал предположение о том, что она знала, что ее квартирант – человек нелегальный, а возможно, и знала, кто он такой.

¹ К процессу Лбова // Пермские губернские ведомости, 29 апреля 1908 года, № 93.

² Начальник Вятского губернского жандармского управления в Департамент полиции 27 мая 1908 года // ГОПАПО, ф. 25, оп. 1, ед. хр. 90, л. 71.

Необходимо иметь в виду, что нельзя представлять дело так, будто Лбов в последние месяцы его жизни в Вятке и Нолинске был окружен одними провокаторами. Отнюдь нет. Несмотря на то, что система провокации свила глубокое гнездо в партии эсеров, все-таки в ней было много самоотверженных борцов против царизма.

Это выяснилось после ареста и суда над Лбовым. Я.С. Шмаков, в течение двух месяцев живший со Лбовым на одной квартире, оказывал ему «существенное содействие в укрытельстве от преследования властей». Он пользовался «полным доверием» Лбова, принимал на себя «осуществление некоторых его планов», например, доставку из Финляндии оружия. Шмаков отказался от дачи им «искреннего показания», т.е. не пошел на сотрудничество с полицией и в ответ на угрозы о том, что в случае отказа от дачи «искренних показаний» он разделит судьбу Лбова, заявил, что он готов к этому, но раскрывать что-нибудь, касающееся Лбова, он не будет. Его взгляды начальником Вятского ГЖУ были охарактеризованы «как крайне вредные и опасные для общественного спокойствия». Поэтому он предлагал применить по отношению к Я.С. Шмакову высылку в какую-либо отдаленную местность Сибири на «возможно продолжительный срок», который составил бы пять лет¹.

Павел Тимофеевич Дегтярев, по свидетельству начальника Вятского губернского жандармского управления, уже «значительное время состоял в близких отношениях с политически неблагонадежными людьми, оказывая им посильное содействие в антиправительственной агитации. Поэтому отдачу им своего паспорта Лбову он считал «совершенной им сознательно». Руководитель Вятского жандармского ведомства предлагал директору Департамента Полиции применить по отношению к Дегтяреву административную высылку в какую-либо местность, в которой он мог бы найти средства к существованию, занимаясь земледелием. Эти люди, конечно, не были и не могли быть провокаторами. Поэтому они поплатились за свое сочувствие нелегальному Лбову административной ссылкой.

Другие же уклонились от преследования, как, например, С.З. Унжаков, в отношении которого было предложено установить его местопребывание и начать производство о нем «особой переписки».

Особое значение из людей лбовского окружения последних месяцев его жизни занимает сын Нолинского священника ученик

¹ Начальник Вятского губернского жандармского управления в Департамент полиции 27 мая 1908 года, там же, л. 68.

III класса Вятской духовной семинарии Ипполит Владимирович Мышкин, исключенный из семинарии в 1907 году за бойкот экзаменов. Это во многих отношениях загадочная личность. Он был в определенной степени осведомлен о прошлом Лбова и пытался оказывать ему содействие во время следствия о его нелегальной деятельности. Однако делал это он не столь категорично и последовательно, как Шмаков. Из страха разделить участь Лбова он дал «близкие к истине показания». Они касались не только личности Лбова, но и некоторых его «соучастников» и лбовской «шайки вообще», а также по некоторым известным ему делам «Всероссийского общесеминарского союза».

За «причастность к Семинарскому союзу» А.В. Мышкин в середине июля 1907 года подвергался обыску, на основании которого данных для привлечения его к «дознанию» получено не было, кроме 15 экземпляров брошюр различного содержания. Под стражей он не был и не был отдан под негласное наблюдение полиции. Последствия по делу ареста Лбова для Мышкина, благодаря его «откровенным показаниям», прошли также вполне благополучно: 27 июня 1908 года он был освобожден из Нолинской тюрьмы. Начиная с 30 июня 1908 г., за ним было установлено «негласное наблюдение». Можно высказать предположение, что он стал сотрудничать с охранкой или уже сотрудничал с ней, хотя соответствующих документов, прямо свидетельствующих об этом, в нашем распоряжении не имеется. А если предположить, как это мы и делаем, что Лбов стал жертвой заранее спланированной провокации, то она не могла обойтись без А.В. Мышкина, более того, он играл в ней самую ответственную роль, отсюда становится понятной и такая необычно мягкая мера наказания.

Руководитель Вятского РЖУ полагал, что Мышкин способен подвергаться постороннему влиянию. Поэтому он считал желательным не подвергать его административной высылке, на которой он столкнется с «закоренелыми» революционерами, из общения с которыми он не вынесет ничего для себя полезного, а суровость наказания только ожесточит его. После отсидки в тюрьме с 17 февраля (дата ареста вместе с Лбовым – В.С.) ему была предоставлена возможность продолжения образования. Особого внимания заслуживают слова многоопытного вятского жандарма о том, что «заслуживает внимания отчасти и то обстоятельство, что он может при наличии соответствующего руководства, принести существенную пользу агентуре». Эти слова означают очень многое.

Мышкин после длительных «увещеваний» признал, что задержанный вместе с ним в Нолинске есть А.М. Лбов. Узнал он

это от Шмакова. Он познакомился с ним 4 января 1908 года, приехав из Петербурга в Вятку и оставив его на своей квартире у Марии Зубаревой вместе с Яковом Шмаковым, а сам Мышкин переехал на Пятницкую улицу в дом Нанкиной, продолжая, однако, изредка посещать Шмакова, от которого он узнал настоящую фамилию Лбова, официально именовавшегося Унжаковым, согласно имевшегося у него паспорта. Иногда на квартиру к Марии Зубаревой приходили знакомые Лбова, с которыми он беседовал о своих делах. Показания И.В. Мышкина проливают некоторый свет на деятельность Лбова в Вятке, поэтому они имеют определенную ценность в качестве первоисточника, свидетельствующего о деятельности Лбова в течение последних месяцев его жизни. Первый знакомый Лбова, которого запомнил Мышкин, имел прозвище «Медвежонок» за оригинальный вид своих глаз, напоминающих своим цветом и блеском глаза этого лесного зверя. Он был молодым – 19 лет, небольшого роста, слегка сутуловатый, темно-русый, без растительности на лице, волосы зачесаны назад, одет в теплую черную куртку и валенки, носил он на голове низкую шапку из искусственного барашка. Определенной идентификации его мы предположить не можем. Это, очевидно, один из тех немногих лбовцев, которые остались верными ему до последнего дня и выдвинулись, заняв видное место в его окружении в последние месяцы лбовщины.

Второй неизвестный, которого Мышкин видел у Лбова, был 25 лет, небольшого роста блондин, худощавый, небольшие усы и бородка, расчесанная на две стороны, глаза серые, носил очки в серебряной оправе, на голове носил мерлушковую, черную шляпу с замкнутыми кверху полями. Одет он был в черное драповое пальто с бархатным воротником. Можно высказать предположение, что второй был «Карп», поскольку в последние месяцы деятельности Лбова он был его доверенным лицом по контактам с официальной российской действительностью. В Перми он, в бытность здесь Лбова, выполнял его различные хозяйственные поручения: закупка продовольствия, передача денег политическим заключенным и т.п. К тому же, по свидетельству Н. Чердынцева, Лбов взял его с собой в Вятку. Неограниченная доверенность, которую, благодаря А. Беляковой, в глазах Лбова приобрел «Карп», способствовала этому. Именно через него Лбов хотел закупить оружие для уральских боевиков в Финляндии. По свидетельству Мышкина, приезжий с Урала пробыл в Вятке несколько часов и, получив указания от Лбова, отправился в Петербург и Финляндию за оружием. Подробности поездки, время и способ отправки для Мышкина остались неизвестными,

он в них не был посвящен, он слышал только, что «придется иметь дело с контрабандистами»¹.

Трудно предположить, как это показалось Мышкину, что этот представитель был с Урала, а не из Перми, поскольку пребывание Лбова в Вятке широко не афишировалось и было известно узкому кругу посвященных. В разговорах со своими знакомыми при Мышкине Лбов «выдавал себя за убежденного сторонника террора», называя себя «беспартийным террористом», в противовес партийным террористам-эсерам, с которыми он окончательно не сошелся, заявляя, что в «его шайке» «культурников», то есть идейных пропагандистов и агитаторов, «гонят». В отношении планов своей дальнейшей деятельности Лбов говорил коротко: «Он ничего в Вятской губернии не намерен предпринимать, а предполагает с началом весны организовать свой отряд и явиться снова на Урал»². Эти намерения известного уральского экспроприатора расходятся с другими, о которых мы писали выше, и которые заключались в том, что он намеревался уехать за границу. Противоречия, видимо, объясняются тем, что они относятся к разному времени. Вторые относятся к осени 1907 года, когда под впечатлением поражений «лесных братьев», трудностей из-за морального состояния членов отряда, личных расхождений Лбова с его окружением из-за Апполинарии Беляковой и «Карпа» он пришел к выводу: бросить все и уехать за границу. Отсидевшись в Вятке, Лбов с его деятельной натурой не мог долго находиться в бездействии и, видимо, он намеревался весной повторить свою экспроприаторскую и террористическую деятельность в Пермской губернии. А скорее всего это было выражением внутренней запутанности и опустошенности Лбова, которая со всей отчетливостью сказалась при его задержании в Нолинске, во время суда в Вятке и во время казни. Однако он не сидел, сложа руки. Он пытался действовать.

В начале февраля 1908 года, находясь в Вятке, Лбов действительно послал из Вятки в Пермь Александра Чернова для организации побега попавшей в пермскую тюрьму части лбовцев. Местные ученые высказывают точку зрения, что он хотел захватить в плен пермского губернатора. По мнению И.С. Капцуговича, А. Чернов хотел связаться с отрядом Давыдовых, который действовал по горнозаводской ветке и в районе города Александровска. Однако пермской охранке удалось выследить приезд Чернова в Пермь. При попытке его арестовать, он оказал сопротивление и в завязавшейся перестрелке был убит.

¹ Начальник Вятского губернского жандармского управления в Департамент полиции 16 марта 1908 года // ГОПАПО, ф. 25, оп. 1, ед.хр. 97, л. 63.

² Там же. Л. 64.

Возникает вопрос: каким образом Лбов оказался в Нолинске. Утверждения о том, что Лбов заметил слежку за ним, а в Нолинске у эсеров была крепкая организация, которая обещала ему надежную явку, лишены достаточных оснований и являются неубедительными. Запутанность Лбова, его внутренняя опустошенность, полная теоретическая беспомощность объяснить происходящие в России события привели к тому, что он метался между различными планами, целями, выполнить которые зачастую он не имел возможностей – это так и было. Поэтому его поведение в последние недели перед арестом, а затем и все последующие события могут быть объяснены в понятиях необходимости и случайности. Поражение революции 1905-1907 г., властной столыпинской рукой наводимый в России порядок свидетельствовали о том, что все экспроприаторы будут арестованы. Лбов не понимал, но интуитивно чувствовал это. Однако его властная, эмоционально-волевая натура не хотела примириться с этим, поэтому он мечется среди разных противоречивых проектов и предположений. Лбов должен был быть пойман – это с необходимостью вытекало из общей политической обстановки России того времени. Однако то, где, как и когда это произошло, носило элементы случайности. Этой случайностью была обусловлена и его поездка в Нолинск.

По свидетельству И.В. Мышкина, узнав, что он и Шмаков собираются в Нолинск, первый – чтобы повидаться с родными, а второй – на свадьбу своей сестры, Лбов выразил желание ехать с ними до Нолинска, а оттуда он намеревался ехать в Казань, где у него была «хорошая явка». В ней он был так уверен, что утверждал потом на суде, что из Казани его бы никогда не доставили.

В Нолинск Лбов с Мышкиным и Шмаковым прибыли 11 февраля. В течение недели до своего ареста он находился у Шмакова, выходил на улицу на базар только один раз, в субботу 16 февраля. 17 февраля он с И.В. Мышкиным «без определенной цели» вышел прогуляться и был «задержан».

В самом факте ареста Лбова есть также причудливое сочетание элементов необходимости и случайности. К первым относится то, что это должно было случиться, а ко вторым то, что это произошло 17 февраля и именно таким образом, а не иначе. Случайностью может быть объяснен тот факт, что именно в этот день и в этот час Лбов и Мышкин оказались на улице, напротив дома полицейского надзирателя г. Нолинска Сергеева. Из окон своей квартиры, приподняв штору, Сергеев заметил двух лиц, которые ему показались подозрительными – один высокий представительный брюнет с длинными волосами и бородой,

другой был невысокий молодой блондин. Наружность высокого bruneta показалась ему «подозрительной», и он послал для наблюдения за неизвестными переодетого стражника Д.Ф. Рудина. Здесь перед нами элемент предварительной подготовки для слежки за Лбовым. Можно сделать предположение, что Сергеев заранее знал и был предупрежден о появлении Лбова поблизости от его дома. Стражник Рудин провожал Лбова и Мышкина на протяжении нескольких кварталов, пока не отыскал стоявшего на посту городского Симонова, который обратился к неизвестным «с требованием идти для выяснения личности в полицейское управление». Сначала оба, не возражая, отправились с городским согласно его требованию. Однако пройдя несколько шагов, они бросились бежать в разные стороны: Мышкин по направлению их пути вперед, а Лбов назад. За первым погнался стражник Рудин и вскоре догнал и задержал его. За Лбовым погнался городской Симонов, к которому присоединился стражник Селюнин, а затем и конный стражник Нелюбин. Лбов во время преследования отстреливался из револьвера системы «Маузер» и смертельно ранил в живот стражника Селюнина. Через два дня тот скончался. Всего Лбов сделал десять выстрелов, т.е. выпустил всю обойму маузера. Последние три выстрела он сделал в конного стражника Нелюбина, причем последний выстрел он сделал в него, стреляя почти в упор. Возникает вопрос: как мог такой хороший стрелок промахнуться с такого малого расстояния? Этот вопрос возник на суде. На показании стражника Нелюбина, схватившего Лбова после упорной и долгой борьбы, обвиняемый замечает: «Я могу сказать только одно, что три раза я не мог прометить в стражника Нелюбина. Я хороший стрелок и попадать в цель умею».

— *Председатель суда:* У вас ведь револьвер был не в порядке — вот в чем дело.

Обвиняемый: В этом я уже не виноват. Это уж механизм так действует. А мое правило такое: стрелять, так стрелять, а то не стоит¹. Из приведенного отрывка стенограммы заседания военно-полевого суда, судившего Лбова в Вятке, становится ясно, что он не хотел убивать стражника Нелюбина, а стрелял в воздух сознательно, для того чтобы тот прекратил его преследование. Однако стражник Нелюбин оказался настойчивым человеком, он не прекратил преследования Лбова и тот, расстреляв всю обойму, на бегу попытался зарядить маузер еще двумя патронами, однако в спешке вставил один из них неправильно —

¹ «Вятская речь», 25 апреля 1908 года.

пулей по направлению к ударнику. Маузер заклинило и, воспользовавшись этим, Нелюбин лошадью и ударом руки сбил склонившегося над маузером Лбова с ног, причем он вырвал «револьвер» и надел ему на спину. Вместе с другими стражниками ему связали руки. «Набежавшая толпа приступила, было, к самосуду, нанося «побои» Лбову «главным образом по лицу». Однако урядник Ширяев, оказавшийся в это время на нужном месте, остановил толпу и отправил Лбова в полицейское управление¹.

Перед нами опять картина удивительной непоследовательности Лбова. С одной стороны, он стреляет и смертельно ранит стражника Селюнина, с другой – он несколько раз стреляет почти в упор, и стреляет сознательно мимо стражника Нелюбина. Он не хочет его убивать. Возникает вопрос, почему: или потому, что это бесполезно, надо убивать не только Нелюбина, но и Симонова и Рудина, а это уже слишком много крови. Тогда зачем было убивать Селюнина? Что, он не знал, что по законам того времени за убийство стражника при исполнении им своих служебных обязанностей полагается смертная казнь. Возможно, что и не знал, а вероятно, надеялся на то, что убийство стражника испугает других, и они отстанут, а он, используя свои незаурядные физические возможности, убежит, как это бывало неоднократно в прошлом. Однако факт вопиющей непоследовательности в его действиях при задержании в Нолинске бросается в глаза. Перед нами факт психической неустойчивости Лбова, который повторится на суде и во время казни.

Вятская пресса уделяла процессу задержания Лбова, его содержанию под арестом и суду над ним большое внимание. Консервативная газета «Вятский вестник» 26 февраля поместила большую статью «Убийство стражника», в которой дала подробное изложение событий, развернувшихся на улицах Нолинска 17 февраля.

Вернемся, однако, к тому, что произошло с Лбовым дальше. После того как урядник Ширяев остановил толпу, избивавшую Лбова, он отправил его в полицейское управление города Нолинска, а оттуда, по заключению врача, в земскую больницу. Через несколько дней Лбов был переведен в местную тюрьму². Здесь он вел себя «вызывающе», чем ухудшил свое положение, так как привлек к себе внимание жандармских властей Вятки к своей персоне, что ускорило перевоз его в Вятку и содержание

¹ ГОПАПО, ф. 25, оп. 1, ед. хр. 97, л. 62.

² Государственный архив Кировской области (ГАКО), ф. 714, оп. 1, ед. хр. 855 «б», л. 29.

под усиленным конвоем в Нолинской тюрьме. По свидетельству газеты «Вятская речь» от 19 марта 1908 года, Лбов держал себя в Нолинске перед начальствующими лицами «вызывающе». На допросе следователя он хвалился: «все равно убегу из вашей тюрьмы». Он выражал «досаду», что ему, ускользавшему от полиции во многих местах, «приходится погибать в каком-то паршивом городишке»¹. Побои, нанесенные Лбову толпой жителей во время его задержания, были так значительны, что на допрос к следователю его водили с повязкой на голове и на носу.

В полицейском управлении города Нолинска Лбов пробыл в течение нескольких дней, до 13 марта. У него пытались выяснить, кто он такой, поскольку при обыске было обнаружено два паспорта: на имя крестьянина С.З. Унжакова и на имя крестьянина П.Т. Дектярева. В документах была указана прописка проживания по ним Лбова в Вятке. Он отказался назвать свое настоящее имя и назвался «не помнящим родства» Сенькой Лещем.

Однако обмануть охранку было уже невозможно. Спустя несколько дней в ней знали, что в их сети попала очень «крупная рыба», такой удачи они ждали и упорно добивались ее в течение двух лет. Начальник Вятского губернского жандармского управления полковник Н.С. Милюков 16 марта 1908 года под грифом «совершенно секретно» доносил в Департамент полиции, что 6 марта секретный сотрудник (он не называет его фамилии) сообщил, что им только что «под большим секретом» получены сведения о том, что содержащийся в Нолинской тюрьме, смертельно ранивший при преследовании стражника Селюнина, неизвестный, назвавшийся Сенькой Лещом, есть ни кто иной, как известный атаман разбойничьей шайки, действовавшей в 1906-1907 г. в Пермской губернии, Александр Лбов².

Начальник Вятского ГЖУ, желая уточнить данную информацию, принял меры для собрания более точных сведений о Лбове. С этой целью он сообщил в Пермь «приметы» Сеньки Леща. Они оказались частично подходящими к приметам Лбова, а именно: рост, цвет волос, глаз, возраст. Однако тот же секретный сотрудник на следующий день сообщил ему, что лично видел письмо, в котором говорится о том, что задержан и сидит в Нолинске человек, проживавший у Я.С. Шмакова и носивший в последнее время среди местной социал-революционной органи-

¹ «Вятская речь», 19 марта 1908 г., № 26.

² Начальник Вятского губернского жандармского управления в Департамент полиции 16 марта 1908 года // ГОПАПО, ф. 25, оп. 1, ед. хр. 97, л. 59.

зации (эсеров – В.С.) кличку «Лиза». С полученной информацией начальник Вятского губернского жандармского управления полковник Н.С. Милюков тотчас же «лично и совершенно доверительно» познакомил временно управляющего Вятской губернией вице-губернатора Григорьева. Он просил сделать распоряжение о том, чтобы заковать арестанта в кандалы и доставить его под усиленным конвоем в Вятку. 8 марта начальник Вятского ГЖУ отправился в Нолинск, взяв с собой подполковника Массалитинова для производства переписки на предмет установления личности задержанного и унтер-офицера Пермского жандармского управления Кашина, хорошо знавшего Лбова по прежней совместной работе на Мотовилихинском заводе.

По прибытии на место в г. Нолинск 9 марта «неизвестный» был предъявлен унтер-офицеру Кашину, который с некоторой долей сомнения, связанной с большой черной бородой, которой раньше у Лбова не было, на основании голоса и характерного для него выговора признал, что задержанный есть Александр Лбов. Сенька Лещ заявил, что он никогда в Перми не был, тогда как характерный выговор его «вполне выдавал противное». На основании всего «изложенного» начальник Вятского ГЖУ пришел к выводу о том, что подозреваемый есть действительно известный атаман разбойничьей шайки, терроризировавшей население Пермской губернии.

Желая «точно» удостовериться, что подозреваемый «Сенька Лещ», задержанный 17 февраля 1908 года в Нолинске есть действительно А. Лбов, из Перми прибыли в Вятку командированные начальником Пермского охранного отделения Сизых, обыватель Мотовилихинского завода Иван Михайлович Сыропятов и околоточный надзиратель Иван Алексеевич Крюков, которые, при «предъявлении» им задержанного, «категорически» (обратим внимание на стилистические выверты начальника Вятского ГЖУ) признали в нем А.М. Лбова¹. По приказу начальника Вятского ГЖУ, а он действовал на основе распоряжения Вятского вице-губернатора Григорьева, Лбов был под усиленным конвоем перевезен в Вятку и помещен в исправительно-арестантское отделение Котельнического железнодорожного батальона, ввиду «весьма ненадежных условий содержания в местной тюрьме».

Основания для такого опасения были. Содержание Лбова в Нолинской тюрьме были такими, что он смог связаться с внеш-

¹ Там же. Л. 66.

ним миром и передать «на волю» крупную сумму денег. В «Исповеди» перед казнью он писал: «При арестовании меня со мною были хорошие деньги, зашитые в сапогах под передками. И сравнительно меньшая сумма денег была зашита в брюках. Будучи в Нолинске, я все деньги достал из укромных мест и послал их кому следует, и там же получил сведения, что они поступили по назначению. Ладно, что все это я сделал там, а здесь бы (в Вятке – В.С.) ничего не вышло, и мои денежки пропали бы». Лбов не упускает представившуюся ему возможность, с одной стороны, сказать правду, а с другой – оправдать себя: все, что он имел, он отдал «кому следует», следовательно, он чист перед своей совестью. Это было обычным способом выражения его образа действия.

Готовился громкий политический процесс. Пермский губернатор А.В. Болотов обратился к Вятскому губернатору с просьбой переправить Лбова в Пермь, где должен был состояться суд над ним. Однако дело приняло неожиданное направление: было решено Лбова оставить в Вятке и судить только за убийство стражника Селюнина «при исполнении им служебных обязанностей». За это по указу об учреждении военно-полевых судов полагалась смертная казнь через повешение. Кто в Петербурге распорядился об этом? Несомненно, директор Департамента полиции М.И. Трусевич, возможно, по его докладу, министр внутренних дел П.А. Столыпин. Во всяком случае, политическая шумиха вокруг громкого политического процесса в только что замиренной России правительству была не нужна, а смертная казнь Лбову была уже обеспечена за убийство стражника Селюнина. Это был умный и осторожный шаг – не будоражить общественное мнение только что успокоенной России.

В деле Лбова в Вятском губернском жандармском управлении сохранилась телеграмма директора Департамента полиции, подписанная его заместителем С. Виссарионовым от 15 марта 1908 г. № 825, в которой сообщалось, что распоряжение о том, чтобы предать Лбова военному суду, «состоялось». Виссарионов предлагал Н.С. Милюкову сообщить о времени действительного предания суду и исходе дела. Подчеркивая, что желательно применение статьи 1334, он предлагал: «Задержите Лбова в Вятке»².

¹ ГОПАПО, ф. 25, оп. 1, ед. хр. 85, л. 6.

² Виссарионов С. – Милюкову Н. 15 марта 1908 г. // ГАКО, ф. 714, оп. 1, ед. хр. 855 «б», л. 25. На основании этого распоряжения уже на следующий день пол-

Тщательные меры безопасности по содержанию Лбова в Вятке до суда и во время его были не напрасными.

Вятский полицмейстер М.А. Варнеев 29 марта 1908 года доносил Начальнику Вятского жандармского управления, что по агентурным сведениям, полученным им вчера, лбовские «единомышленники» ввиду хорошей охраны места заключения и надзора за Лбовым решились «прибегнуть к его уничтожению» любым путем, опасаясь, что он на суде раскроет тайны всей лбовской боевой организации и ее членов, для того чтобы заслужить помилование. У единомышленников Лбова были планы «отделаться» от него путем броска бомбы из окон дома, когда его повезут на суд (номер дома полиции был неизвестен – В.С.). А если суд будет отменен на значительное время, то путем подкопа под камеру, в которой сидел Лбов, и взрыва ее и помещения караула¹. Первое возможно, так как от здания суда до арестантского исправительного отделения восемь кварталов. Дальше полицмейстер рассуждал следующим образом: хотя изоляцию от публики во время перевозки Лбова от арестантского отделения до здания суда можно сделать полную, однако трудно предусмотреть опасность броска бомбы «относительно домов», поэтому было бы «желательно» назначить разбор дела в ближайшем здании казарм 231 Котельнического батальона.

Подкоп и взрыв камеры, в которой находился Лбов, М.А. Варнеев считал невозможным. Почва под исправительным отделением и вокруг него на 300 сажен глинистая, и вести «подземную галерею близко к зданию нельзя, потому что охрана заметила бы на ближайших дворах вырытую землю»².

Тревога жандармского ведомства Вятской губернии относительно надежности охраны Лбова имела под собой реальные основания. В деле о Лбове мы находим донесение помощника начальника Вятского Исправительного арестантского отделения Грачевского начальнику Вятского ГЖУ Н.С. Милюкову о нарушении правил военной службы со стороны поручика 231 Котельнического батальона Яковлева, который 15 апреля в 7-ом часу ве-

ковник Н.С. Милюков информировал Н.А. Дмитриева о том, что директором Департамента полиции дано указание о предании Семена Леща военному суду за убийство стражника Селюнина, а также о том, чтобы он оставался в Вятке. Там же. Л. 24, 24 об. 17 марта 1908 г. Начальник Вятского ГЖУ полковник Н.С. Милюков телеграфировал Нолинскому уездному исправнику распоряжение выслать в Вятку на имя начальника Вятского исправительного арестантского отделения деньги, отобранные при аресте Сеньки Леща в сумме 43 рублей, из «коих 35 рублей золотом и 8 рублей кредитными билетами». ГАКО, ф. 714, оп. 1, ед. хр. 855 «б», л. 31.

¹ Там же. ед. хр. 97, л. 66-67.

² Там же. Л. 67.

чера просил открыть дверь, ведущую в камеру Лбова, зашел к нему, поздоровался, поцеловал его и заявил, что судить его будут военно-окружным судом 21 апреля. Затем, когда принесли Лбову ужин, он вышел, нецензурно выругавшись¹.

Все попытки охраны не пустить Яковлева ко Лбову окончились неудачей. Последнее свидетельствовало о ненадежности части офицерского состава охраны.

Предложения вятского полицмейстера были учтены, и Лбова судили в зале, находящемся в здании казарм 231 Котельнического батальона. Зал суда, специально оборудованный для этих целей, находился на 2-м этаже. Поскольку Лбов упорно отрицал свою идентификацию со знаменитым уральским экспроприатором и в то же время отказывался назвать свое прежнее место жительства для того, чтобы снять циркулировавшие в публике слухи о том, что арестованный в Нолинске неизвестный не есть Лбов, губернатор Вятской губернии ходатайствовал перед судом, чтобы на его закрытое заседание «были допущены представители печати»². По свидетельству корреспондента газеты «Пермские губернские ведомости», зал суда был заполнен по «преимуществу» военными чинами вятского гарнизона. Последнее исключало всякую возможность проникновения на процесс сторонников революционного подполья.

Как свидетельствовал корреспондент «Пермских губернских ведомостей»: «Подсудимый производил впечатление человека «тертого», обладающего достаточной волей, но склонного прихвастнуть и позировать»³. Автор корреспонденции, укрывшийся под псевдонимом «П», придерживается умеренно-консервативных политических взглядов, он не уважает Лбова, для него он уголовный преступник, а не политический борец и революционер и своим негативным эмоциональным восприятием он окрашивает информацию о процессе над Лбовым в ведущей пермской газете, не останавливаясь при этом перед прямой фальсификацией и подтасовкой фактов. Так, он приписывает Лбову, что он в ходатайстве о помиловании «высказывал раскаяние в содеянном» и просил предоставить ему возможность «всей последующей своей жизнью загладить перед Богом и людьми совершенные им преступления», что не соответствовало действительности.

Более обстоятельно и подробно содержание судебного процесса над Лбовым изложил корреспондент газеты «Вятская речь», подписавшийся псевдонимом «Кий», Николай Александрович Кромоницкий – вятский журналист, театральные рецен-

¹ ГАКО, ф. 714, оп. 1, ед. хр. 855 «б», л. 99.

² ПГВ, 29 апреля 1908 года. № 93. Заметка «К процессу Лбова».

³ Там же.

зент, сотрудник «Вятской речи». С либерально-народнических позиций он достаточно объективно рисует поведение Лбова на суде, пытается вникнуть в суть тех мотивов, которые обусловили поведение подсудимого в прошлом, понять его психическое состояние на суде¹. Это следование объективности проходит стержневой полосой через всю корреспонденцию «Кия». Он снабдил свою корреспонденцию подзаголовком: «Из заметок (т.е. размышлений – В.С.) и впечатлений (т.е. эмоционального, чувственного восприятия – В.С.) на суде».

Итак, перед нами попытка осмысления феномена Лбова и движения «лесных братьев» на Урале и в то же время один из подходов к анализу душевных переживаний Лбова на суде с позиций общечеловеческой нравственности. Это должно представлять значительный интерес – другое дело, как автор справился с поставленными задачами и какие выводы из них он сделал. Как бы ни относиться к его заметкам и впечатлениям, несомненно одно – это человек, который обладал глубоким аналитическим умом, способным к содержательным обобщениям, хорошим стилем и умением сочувствовать трагедии человеческой жизни. Взглядов Лбова «Кий», конечно, не разделяет. Однако стремление объективно проанализировать причины, породившие движение «лесных братьев», вникнуть и попытаться дать ряд правдивых зарисовок поведения Лбова на суде представляют для нас несомненный интерес.

«Кий» начинает свою корреспонденцию с идентификации Лбова. Он пишет, что несмотря на упорное отрицание своего настоящего имени, а следовательно, и своего прошлого, для всех присутствовавших на суде было ясно, что приговоренный к смерти действительно настоящий, подлинный Лбов, «гроза Урала», неуловимый главарь и организатор «лесных братьев»; сомнений в этом быть не может, особенно после того как им была послана телеграмма о помиловании. Он подписался под ней своим настоящим именем². Прошение о помиловании «Кий» объясняет «жаждой жизни», присущей Лбову в высокой степени. Он пишет об этом в патетическом приподнятом тоне, призванном достойным образом выразить это высокое и естественное человеческое чувство, попытаться хотя бы частично объяснить и снять с Лбова пятно в его слабости перед личиной грозной и неизбежной смерти. Итак, «жребий брошен, рубикон перейден, впереди черная пропасть смерти и Лбов стоит на краю могилы...

¹ «Вятская речь», 27 апреля 1908 года. № 52. К делу Лбова (Из заметок и впечатлений на суде).

² Там же.

– велеречиво и размашисто пишет корреспондент «Вятской речи», – Ему теперь нечего скрывать – ставка проиграна, карты раскрыты. А умирать так не хочется. Жажда жизни захватывает сердце горячей волной! И перед роковым концом, борясь между жизнью и смертью, Лбов открывает свое настоящее имя, хватается как утопающий за соломинку!»

В глазах широкой российской общественности он был широко известен. «Лбов прогремел на всю Россию. Из уст в уста передавались рассказы о его «похождениях», в которых элементы вымысла и правды переплетались между собой в причудливые узоры. В глазах широких слоев населения его имя окружалось ореолом».

Причину данного факта корреспондент видел в сочувствии к нему народа. «Кий» пытается заглянуть в будущее через полное противоречий настоящее. «Будущий историк с интересом остановится на этой типичной для нашего времени всеобщего разрушения и переоценки ценностей «черточке» в настроении и психологии народных масс».

Для корреспонденции «Вятской речи» характерна ярко выраженная источниковедческая дихотомия: все, что видел и слышал на суде, он передает фактически правильно, однако при описании фактов из жизни и деятельности Лбова в прошлом допускает ряд ошибок: например, он считает, что Лбов принимал участие в русско-японской войне, что по своим взглядам он в 1905 году принадлежал к социал-демократической партии. Зато как убедительно и ярко описывает он гипнотизирующую внешность руководителя пермских «лесных братьев», как высоко оценивает его умение «твердой рукой наводить порядок среди уральских экспроприаторов. «Среди «лесных братьев» он ввел железную дисциплину, – писал Кий. – Его слову, приказанию подчинялись беспрекословно. Его обаяние среди дружинников было чрезвычайно велико. Сама наружность его imponировала. Высокий, черный, с красивым энергичным лицом, с черными глубоко сидящими, подернутыми дымкой задумчивости глазами, с повелительной фигурой – Лбов выглядит настоящим атаманом и производит неотразимое впечатление. Пишущему эти строки, – продолжает Кий, – пришлось видеть Лбова на суде. Под его взглядом трудно устоять. Когда он смотрит на вас исподлобья – его взгляд нервирует вас, вы стараетесь скорее отвести глаза в сторону, невольно подчиняясь какому-то безотчетному чувству

неловкости»¹. Внешность Лбова составляла основу его харизмы, его влияния на «лесных братьев».

По мнению корреспондента, анархистские воззрения Лбова являются типичным отражением тех взглядов рабочих Урала, которые формируются уральской действительностью. Как считает Кий, Лбов есть следствие и результат развития социальной действительности Урала начала XX века. Для корреспондента «Вятской речи» ясно, что перед судом находится незаурядная фигура – человек храбрый и неустрашимый, с одной стороны, и в то же время индивид «с сильно подорванными нервами». «Нервы поистрепались сильно», – признавался сам Лбов. Поэтому его поведение на суде характеризовалось нервозностью и непоследовательностью. Это нашло выражение в том, что подчеркивая, что он «храбрый воин», «не как Стессель», не сдающий оружия без боя, с другой – он «густо покраснел», когда услышал смертный приговор. Последнее свидетельствует о том, что он внутренне переживал судебный процесс тяжело и только огромным усилием воли держал себя в «рамках», очерченных его представлениями о чести, которые сформировались у него под влиянием условий последних лет его жизни.

Результатом этого явились заметные колебания в настроении и в поведении Лбова на суде. С одной стороны, он «смело» и с достоинством держался на суде, а с другой – чего стоят его признания о том, что всевозможные лишения, скитальческая жизнь, а главное – постоянная опасность для жизни «сильно подорвали его нервы». Он говорил: «Я думал еще поработать годика два, а потом и на отдых». Подобное признание со стороны человека в возрасте 32 лет симптоматично. Оно представляет убедительное свидетельство духовной подорванности данной «незаурядной» личности. Эта непоследовательность Лбова проявилась и в его отношении к ходатайству о помиловании. С одной стороны, вначале он не хотел подавать прошения о помиловании. А с другой – подал его в такой форме, которая так контрастировала с общепринятыми формами этого документа, что никаких шансов на помилование быть не могло.

С одной стороны, он был твердо уверен в том, что погибает за правое дело, а с другой – когда он был не на людях, на него тяжелым бременем наваливалась тоска, страх смерти, желание еще пожить хотя бы немного. На людях, во время суда он крепился, он принуждал своею протестующую натуру вести себя как полагается борцу за правое дело, за счастье народа. Во время

¹ «Вятская речь», 27 апреля 1908 года. № 52. К делу Лбова (Из заметок и впечатлений на суде).

перерыва в судебном заседании кто-то задал ему вопрос: боитесь ли вы смерти? Лбов, нервно усмехнувшись, выразил удивление и спросил: «Как это бояться смерти? Разве может бояться смерти тот, кто погибает за правое дело? Я сам на себя петлю надену без страха». «Очевидно, те дела, за которые он попал на скамью подсудимых, для него настолько бесспорны, — писал Кий, — что у него не возникает никакого сомнения в своей правоте. Он непоколебимо верит, что работал якобы на пользу трудящихся и шел правильным путем для достижения этой цели». В свете этого положения возникает вопрос: а как массы относились к нему? Отвечая на этот вопрос, корреспондент «Вятской речи» высказывает следующие суждения, которые не лишены серьезных оснований. «Он был настроен протестующее и имел достаточно сил, чтобы своим настроением заразить своих дружинников, слепо повиновавшихся ему. Но нет никаких признаков, даже слабого намека на то, чтобы обаяние его личности, чтобы сила его властной натуры могла поднять и повести за собою рабочую массу. Дальше пассивного сочувствия, которое иногда, может быть, переходило в укрывательство, дальше молчаливого любования своим героем отношение масс не шло». И в основе такого отношения народа ко Лбову лежало неприятие им его методов, форм и приемов борьбы за народное счастье, которые он применял.

Причины личной трагедии жизненной судьбы Лбова Кий видел в ненормальных условиях российской действительности, которые обусловили его вступление на «ложный путь», на ошибочную и тупиковую траекторию жизни и погубили это «недюжинное дарование».

Такова либерально-народническая позиция объяснения данного социального феномена, данная корреспондентом «Вятской речи». Здесь нет презрения и оценки Лбова как своеобразного удачливого бандита, который в течение двух лет терроризировал население Перми и Мотовилихи, да и всей Пермской губернии, что довольно отчетливо прослеживается в описании процесса над Лбовым в официальной газете «Пермские губернские ведомости».

Лбов под пером корреспондента «Вятской речи» предстает как жертва неразвитости российских и в особенности уральских условий развития рабочего движения, недостатки и родимые пятна которого породили экспроприации и «боевой анархизм». Автор заметки выражает уверенность в том, что пока будут сохраняться соответствующие социальные и экономические условия, будут появляться и новые лбовы, хотя, с другой стороны, их судьба будет такой же, ибо при отсутствии массового движения

победа новых общественных отношений невозможна. Данной мысли в серьезности и фундаментальности постановки вопроса о движущих силах революции отказать невозможно.

Более основательное и подробное описание военно-окружного суда над А.М. Лбовым дал корреспондент газеты «Вятский вестник» Константин Михайлович Антропов, подписавшийся инициалами «А.К.» В большой подвальной статье, опубликованной в газете 25 апреля под названием «С процесса Лбова», он с правых консервативных позиций дал обстоятельное освещение хода судебного процесса, поведения Лбова, отношения к нему корреспондента и публики, аргументацию обвинения и адвокатуры. Отношение К.М. Антропова к Лбову иное, чем у Н.А. Кромоницкого. Он смотрит на него не как на жертву социальных условий, которые погубили эту, в общем-то, незаурядную личность, а как на матерого преступника, злодея, который по счастливому стечению обстоятельств в течение продолжительного времени не был задержан полицией и держал в страхе население ряда уездов Пермской губернии. Всероссийскую славу и известность Лбов получил потому, что о его «похождениях» чуть ли не ежедневно сообщалось прессой, «бывали случаи, когда он уходил» от преследования полиции «в условиях положительно трудно объяснимых», его имя стало нарицательным именем, синонимом беззакония и разбоя, его разбойничья слава быстро росла¹.

Занимая отстраненную позицию от разбойного атамана, рисуя его подвиги негативными красками, К.М. Антропов тем не менее отдает определенную дань талантливости и неординарности личности героя своего судебного очерка. «Все чаще и чаще, — писал он, — приходили известия о его новых разбойных подвигах, в которых пресловутый атаман проявлял невероятную дерзость, самообладание и находчивость». В результате простые грабители, попадаясь в руки властей, чтобы обратить на себя внимание, стали выдавать себя за Лбова. Однако каждый раз слухи о поимке Лбова не подтверждались, так как личность Лбова была хорошо известна. Простые грабители с их неповоротливостью и стандартностью грабительских акций, часто попадавшие в руки полицейских властей, создавали Лбову славу неуловимого героя. Лбовская шайка, насчитывавшая от 50 до 100 человек, «снужа по всем направлениям Приуральского края, вселяла ужас в население посещаемых ею местностей». Скрываясь в глухих селах и бродяжничая под видом простых рабочих и крестьян, они рисовали Лбова как народного героя.

¹ А.К. С процесса Лбова // «Вятский вестник», 25 апреля 1908 года, № 86.

Как всякий обстоятельно мыслящий консерватор, К.М. Антропов емкими и вместе с тем эконоными чертами рисует практическую значимость темы его судебного очерка для читателей газеты «Вятский вестник». Ее актуальность он усматривает в том, что весной нынешнего 1908 года пошли темные и маловероятные слухи о том, что Лбов предполагает перенести свою преступную деятельность в Поволжье и организовать там движение, подобное тому, какое было при Стеньке Разине. Слухи эти частично подтверждаются. В Самарской губернии появился какой-то разбойник – новый самарский Лбов, который успел навести «ужас» в пределах губернии, оставаясь до настоящего времени, т.е. до 24 апреля 1908 года, момента написания статьи, неуловимым.

К.М. Антропов слышал о том, что громкую славу Лбова хотели использовать русские революционеры, отчаявшись в тех способах борьбы, которые практиковались ими до настоящего времени. Вот почему, когда появилось известие, что Лбов арестован, революционные кружки стали распускать слухи о том, что это не настоящий Лбов, и что знаменитый атаман гуляет на свободе.

К.М. Антропов имел в виду хроникальную заметку «Лбов ли?», напечатанную в 46-м номере газеты «Вятская речь» от 20 апреля 1908 года. В ней со ссылкой на 16-й номер «Пермских губернских ведомостей» за 10 апреля в рубрике «О розыске лиц» значится, что разыскивается сельский обыватель Пермской губернии Мотовилихинского завода и волости А.М. Лбов, 32 лет отроду и т.д.

Как известно, Пермская полиция переловила целые десятки Лбовых, полиция соседних губерний – также. Теперь наконец, когда нолинская полиция изловила настоящего Лбова, тогда зачем же эти публикации по официальным арестам и розыскам Лбова, уже давно пойманного и сидящего под крепким караулом в Вятке? Не знать о том, что Лбов пойман в Вятке, пермские власти не могут. Следовательно, остается одно предположение, что «у них нет уверенности, что в Нолинске пойман действительно Лбов, а не кто-либо другой»¹. Этой уверенности у пермской и вятской полиции не было вплоть до военно-окружного суда, который 23 апреля 1908 года установил, что «случайно» пойманный в Нолинске 17 февраля «неизвестный», выдающий себя за не помнящего родства и именующий себя кличкой Сенька Лещ, есть в действительности ни кто иной, как известный разбойник А.М. Лбов.

¹ Хроника. Лбов ли? // «Вятская речь», 20 апреля 1908 года, № 46.

К.М. Антропов подробно описывает процедуру начала заседаний военно-окружного суда, который открылся 22 апреля ровно в 3 часа дня в помещении учебной команды Котельнического батальона. Судебный процесс был закрытым. Однако председатель суда генерал-майор Иваненко, понимая, что закрытость судебного процесса может только подогреть нездоровый ажиотаж к нему, решил допустить в небольшой зал на втором этаже помещения учебной команды Котельнического батальона несколько десятков человек. Это были, прежде всего представители местного офицерства, несколько частных лиц, а также с разрешения председателя суда три корреспондента от местной и иногородней прессы – два от вятских газет и один от газеты «Пермские губернские ведомости». Фамилии последнего нам установить не удалось. К началу процесса приехал управляющий губернией Д.Д. Григорьев. Корреспондент консервативной газеты тщательно описывает все детали того процесса, на котором должно было проявиться торжество военно-судебной фемиды. Особое внимание он обратил на личность подсудимого. Он рисует ее отстраненно. Для него Лбов – это заматерелый злодей и убийца, преступник, стяжавший своими преступлениями громкую и скандальную славу на всю Россию.

Эмоциональное неприятие личности Лбова корреспондентом «Вятского вестника» зашло так далеко, что он не только почеловечески не сочувствует ему, но и рисует непривлекательными чертами его внешность, его походку, не говоря уже о его поведении на суде. В отличие от корреспондента «Вятской речи» здесь не только нет какого-то человеческого сочувствия Лбову, наоборот, в подтексте описаний наружности знаменитого пермского экспроприатора сквозит чувство какой-то внутренней брезгливости и гадливости по отношению к Лбову. К.М. Антропов как бы хочет сказать между строк своей подробной корреспонденции: «Ну вот, перед вами это чудовище, этот монстр, этот образчик человеческой природы, о котором так много писали российские газеты. Смотрите на него, что в нем хорошего, и какие были основания для таких необъективных восхвалений».

«Закованный в ручные и ножные кандалы, Лбов был введен под конвоем нижних чинов Котельнического батальона в зал судебного заседания. Медленно и неуклюже вошел он в зал и неловко опустился на подсунутую ему табуретку. Взоры всех присутствующих были невольно обращены на входную дверь, всех интересовала личность знаменитого разбойника». В каждом признаке описания наружности Лбова сквозит отчетливое недоброжелательство к нему корреспондента. Размашистыми и

грубыми мазками рисует он наружность пермского экспроприатора. «Это был здоровый малый, роста выше среднего, на короткой толстой грубой шее голова, покрытая черными, коротко стриженными волосами, плохо поддающимися воздействию гребешка. Широкое полное лицо с большими и не особенно выдающимися скулами обрамлено черной окладистой бородой средних размеров. Не особенно крутой нос с выемкой посередине и глубоко сидящие темные глаза»¹. Посадка глаз, особенность взгляда, цвет белков служат корреспонденту «Вятского вестника» дополнительным материалом для характеристики личности преступника. Он пишет о том, что белки глаз Лбова «вопреки обыкновению темного цвета» и при больших нависших бровях, которые грузно нависли над глазными впадинами, это придает его взгляду «мрачный и угрюмый характер». Это сатанинское нутро Лбова, по свидетельству корреспондента «Вятского вестника», сохранялось даже тогда, когда он смеется. «Во время перерыва» в заседаниях суда, когда сидящего под конвоем на деревянной табуретке Лбова окружили любопытные из присутствующих и вызвали на разговоры, он смеялся. «Рот широко открывался и крупные, белые зубы придавали выражению лица довольно добродушный взгляд». При этом «глаза уходили куда-то вглубь, суживались, но в них просвечивало что-то недоброе, злое; даже в минуты веселья в нем сохраняется что-то злодейское».

Описание наружности Лбова для К.М. Антропова не самоцель, а форма построения суждений, хода мысли от внешнего к внутреннему миру пермского разбойника. «По внешнему виду Лбов, — писал К.М. Антропов, — скорее всего напоминает нелюдимаго мельника, который жил в глуши, пользуясь недоброй славой среди окрестного населения. Его мельница мрачна, к ней никто не решается подъехать темной ночью, так как зловещие крики спящих сов и филинов указывают на присутствие здесь нечистой силы, с которой живет видно в ладах единственный обыватель этого мрачного жилища».

Однако, выказав удачное литературное сравнение внешности Лбова с «нелюдимым мельником», корреспондент «Вятского вестника» тут же высказывает сомнение, как мог такой человек вершить такие дела. «Трудно представить себе, — писал он, — чтобы этот неинтеллигентный с виду, мрачный, с грубым и неуклюжим голосом, бессвязной и нескладной речью человек мог быть организатором тех разбойничьих набегов, о которых знают

¹ А.К. С процесса Лбова // «Вятский вестник», 25 апреля 1908 года, № 86.

теперь всюду». По его мнению, это «скорее суровый и неумолимо строгий исполнитель разработанных кем-то другим, умнее его планов, жестокий в деле и не останавливающийся ни перед какими препятствиями. Его можно бояться, с ним можно идти на ответственное дело, но быть под постоянным его влиянием нельзя», для этого у знаменитого пермского разбойника нет соответствующих интеллектуальных качеств.

Эту линию, направленную на то, чтобы подчеркнуть грубость и неинтеллигентность Лбова, корреспондент последовательно проводит и по ходу судебного заседания. После зачитания обвинительного акта председатель военно-окружного суда генерал-майор Иваненко задает подсудимому Лбову вопрос: признает ли он себя виновным в умышленном убийстве стражника Селюнина?

Грубым голосом, почти крича, Лбов заявляет, что намерения убить кого-либо у него не было. Испугавшись, что его задержат, он побежал. Стрелял ли он первым, или раньше его стреляли, он не помнит, а из материалов следствия не видно, что стражник погиб от пули его револьвера. Он не может себя признать убийцей Селюнина. Он говорил: «Может, и пуля не моя. Не сами ли они его застрелили... Я не пришел на место, чтобы его убить...»¹. Поскольку Селюнин был ранен в живот на вылет, пулю не нашли и, следовательно, Лбов, с подачи своего адвоката Круликовского, наученный им, утверждал на суде, что он, во-первых, не хотел убивать стражника Селюнина, а, во-вторых, что его, возможно, застрелили стражники в процессе перестрелки с ним при его задержании в Нолинске. Маузер, по его словам, был приобретен им в Казани вместе с 200 патронами за 38 рублей с целью перепродать его дороже.

Председателя суда очень интересовал вопрос об идентификации подсудимого, называющего себя «не помнящим родства Семеном Лещем», с мотовилихинским обывателем Александром Михайловичем Лбовым, и он неоднократно по ходу судебного разбирательства возвращался к этому вопросу и спрашивал у подсудимого: не мотовилихинский ли он обыватель А.М. Лбов?

Подсудимый отвечал: «За Лбова себя не признаю... Объяснить, кто я – не желаю». Введенные в зал судебного заседания свидетели подтвердили, что они признают в подсудимом А.М. Лбова. Свидетель М. служил вместе с Лбовым в гвардии... На вопрос председателя суда: «Признаете ли вы в подсудимом Лбова?». Свидетель заявил: «Безошибочно говорю, что это – Лбов».

¹ А.К. С процесса Лбова // «Вятский вестник», 25 апреля 1908 года, № 86.

Подсудимый Лбов: «Какой он мне товарищ, если бы товарищем был, то был бы со мной вместе».

Председатель суда: «Не признаете себя Лбовым?».

– Не могу признать. Сызмальства документов не имел и без них жил везде и за границей бывал.

Председатель суда: «Где же были за границей?»

Лбов: «Был в Финляндии, во Франции...»

Председатель суда: «Где же были во Франции, в каких городах?».

Лбов: «Путем не рассказать, в каком городе...»

Вся эта часть судебного заседания показывает, что неисренность Лбова соответствующим образом настраивает суд.

После этого начался допрос свидетелей, бывших очевидцами убийства стражника и присутствовавших при задержании Лбова. Выясняются некоторые детали, не имеющие никакого значения с точки юридической, но интересные в смысле характеристики знаменитого атамана.

Они заключались в том, что полицейский надзиратель г. Нолинска Сергеев, заметивший первым Лбова из окна своей квартиры, видел, как он шептался о чем-то с Мышкиным и после того стал заряжать револьвер.

Лбов: «Мышкин на уху мне ничего не говорил, а что было потом, он ничего не видел. Мышкин не знал даже, что у меня оружие есть, я с ним ничего не имел и не говорил».

Подсудимому говорят, что это существенного значения не имеет. Лбов настойчиво продолжал твердить: «Мышкин ничего не знал. Могут его обвинить, а он ничего не знает, так как я с ним ничего не имел. Где Шмаков находился – я не знал. Из дома он ушел к теще». Таким путем Лбов пытался защитить своих товарищей от усугубления их вины перед судом. Корреспондент «Вятского вестника» такое поведение Лбова понял, как попытку показать на деле криминальный лозунг «все за одного – один за всех».

Мотивы высоконравственного поведения были так далеки от пермского экспроприатора, по мнению корреспондента вятской консервативной газеты, что они не могли придти ему в голову.

40-летний богатырь, конный стражник Григорий Прокопьевич Нелюбин, раскрыл на суде некоторые подробности ареста Лбова в Нолинске 17 февраля 1908 года. Он в своих показаниях отметил, что Лбов успел убежать далеко, и его удалось догнать только через несколько кварталов. Стражник даже «успел» потерять его из виду, так как он ехал по середине улицы, а Лбов бежал по тротуару, отделенному от дороги высокой грудой сне-

га, из-за которой его едва было видно. Однако когда стражник поехал в противоположную от Лбова сторону, то ему указали на это находившиеся на улице люди из толпы. При погоне Лбов успел трижды выстрелить в стражника Нелюбина, но каждый раз давал промахи. При попытке перезарядить маузер Нелюбин сбил Лбова лошадью, бросился на него и сел ему на шею. Лбов схватил с земли маузер, который у него выпал при ударе лошадью стражника, за рукоятку, а стражник – за ствол, подбежавшая толпа народа, гнавшаяся за Лбовым, остановилась в нерешительности.

– У кого револьвер? – спрашивали из толпы.

– У меня, – отвечал стражник.

Тогда толпа набросилась на лежавшего разбойника и стала его избивать.

Председатель суда: «Много били?»

Стражник Нелюбин: «Вся морда была в крови».

Председатель суда: «Почему же морда?»

Стражник Нелюбин: «Ну, лицо. Виноват, Ваше превосходительство».

Публика улыбается, улыбается и Лбов, медленно качая головой.

На показания Нелюбина Лбов говорит, что трижды сделать промах он не мог.

– На ходу оружие не заряжаю... Как честный воин, заряжаю его всегда заранее.

Председатель суда: «А разве вы воин?»

– Значит воин, когда всегда хожу с оружием.

– Почему вы называете себя честным воином?...

– А потому что без боя оружие никому не сдам... Стрелять так уж стрелять...

– Почему у вас последний выстрел был так неудачен?

– Так уж машина сдействовала, а я в этом не виноват.

– Не подумали ли вы, что пробил ваш час?

– Не знаю... У меня так не бывало...

Последнее подводит Лбова к черте обреченности. Почти дословное повторение диалога между председателем суда и Лбовым, данное К.М. Антроповым и Н.А. Кромоницким, все же дает существенное различие их подходов к описанию позиции Лбова и его поведения. Несколько раз повторяемые Лбовым слова «я честный воин» снимают с его образа налет романтической приподнятости, сочувствия к нему, что характерно для зарисовки его образа «Кием». В то же время создается привкус какой-то нарочитой нескромности и бахвальства в корреспонденции консервативного «Вятского вестника».

Лбову предъявили фотокарточку, на которой он был снят с женой. Фотографию жены, Е.В. Лбовой, отрезали. На вопрос председателя суда, не признает ли он, кто изображен на этой фотографии, Лбов ответил, что эту фотографию ему предъявляли во время следствия, однако он не знает, кто снят на ней.

Начинаются прения сторон. Прокурор в своей речи сказал, что поскольку личность подсудимого «вполне выяснена» – это знаменитый разбойник Александр Лбов, – он просил ввиду ясности самого дела применить к подсудимому 279-ю статью 22 кн. Свода воинских постановлений, карающих смертной казнью за убийство стражника во время исполнения им служебных обязанностей.

Адвокат Лбова, известный вятский присяжный поверенный Иван Константинович Круликовский, просил суд «отрешиться от мысли, что здесь сидит знаменитый разбойник А.М. Лбов и судить подсудимого лишь на основании данных следствия. Может быть и всякий другой, – подчеркнул он, – при обстоятельствах, в которых оказался Лбов, – таже испугался бы. Всем хорошо известно, что в руки полиции попадаться не хочется. Тем более, что при обвиняемом было оружие без установленного свидетельства и ему все равно грозило наказание». Адвокат подчеркнул, что Лбов стрелял, отбиваясь от преследования и к тому же в ответ на выстрелы, производимые ему вдогонку. Адвокат напирал на то, что убийство Лбовым стражника Селюнина было неумышленным, а было произведено «в смятении, испуге», что и дает ему право ходатайствовать о смягчении участи подсудимого.

В своем последнем слове А.М. Лбов говорил о том, что из следствия не видно, что стражник убит пулей из его револьвера, и что он виновным себя не признает. «Стрелял как честный воин» – повторил он, плохо понимая, что его слова противоречат тому, о чем он говорил ранее...

После долгого совещания суд вынес подсудимому смертный приговор через повешение.

При последних словах, заметил корреспондент «Вятского вестника», ноги стоявшего Лбова «заметно дрогнули», хотя по лицу и не было видно следов испуга или отчаяния. «Он улыбался, – писал К.М. Антропов, – но улыбка была нервная, спазматическая»¹.

Сопоставление версий двух журналистов, представлявших разные по общественно-политической ориентации газеты Вят-

¹ А.К. С процесса Лбова // «Вятский вестник», 25 апреля 1908 года, № 86.

ского края, свидетельствует о том, что корреспондент либерально-народнической «Вятской речи» Н.А. Кромоницкий прав в том отношении, что Лбов – это продукт нездоровых общественных отношений в России того времени, и как таковой он заслуживает человеческого сочувствия.

Корреспондент консервативного «Вятского вестника» К.М. Антропов был более строг по отношению к герою своего судебного очерка. Он считал, что Лбов сам сформировал себя как разбойника и атамана, сам сделал себя таким, и, следовательно, сам должен нести ответственность за свои деяния. С точки зрения подробностей, фактов, деталей, освещения общего хода судебного процесса он более конкретен, содержателен и объективен. Его корреспонденция дает лучшее изложение суда над Лбовым, которое было дано в то время.

Нам остается осветить последние дни жизни Лбова. Они свидетельствуют так же о его непоследовательности, как и во время суда. Сейчас же после оглашения приговора защитник спросил Лбова, не желает ли он подать прошение о помиловании на Высочайшее имя. А. Лбов, немного поколебавшись и густо покраснев, махнул рукой. Раздалась команда, и окруженный конвоем, гремя кандалами, осужденный направился в тюрьму. Обернувшись по пути в зале, он спросил защитника, видимо, колеблясь: «Как же насчет прошения?» Но конвой повел его дальше и не дал ему договорить. На следующий день Лбов обратился к администрации тюрьмы с просьбой послать от него на имя Государыни Императрицы следующую телеграмму: «По поводу Вашего Тезоименитства прошу даровать мне жизнь. Известный разбойник Александр Лбов». В основе данного колебания Лбова и окончательного его решения все-таки обратиться к российской императрице с просьбой о помиловании лежит его желание хотя бы на некоторое время продлить свою жизнь. Дело в том, что подсудимому было объявлено, что приговор входит в законную силу сегодня (т.е. 22 апреля 1908 г. – В.С.) в 6 часов вечера. «Александр Лбову, – писала газета «Вятская речь» 23 апреля, – было предоставлено право подать кассационную жалобу в главный военный суд до вступления приговора в законную силу»¹. Естественно, что на просьбу о помиловании, написанную в таком стиле, поступил отказ. Однако сама процедура подачи прошения на Высочайшее Имя позволила Лбову прожить еще 10 дней. Его казнили в ночь с 1-го на 2 мая 1908 года. Казнь произошла в тюремной ограде, куда Лбов был пере-

¹ «Вятская речь», 23 апреля 1908 года. Раздел «Хроника»

веден из исправительного арестантского отделения, в котором он содержался с момента его привоза из Нолинска в Вятку и до самой смерти.

Казнь произошла, по рассказам очевидцев, следующим образом. В первом часу ночи в камеру Лбова вошло несколько солдат Котельнического батальона. Увидев их, Лбов побледнел и глухо сказал: «Значит, уже... Готово?... Значит, конец?..»

Его вывели из камеры во двор и вместе с несколькими конвойными усадили в карету. Были приняты меры предосторожности. Тюремная карета со всех сторон была оцеплена драгунами. Везли его по Острожной улице. Проходившая поблизости публика принуждена была останавливаться, так как стражники никого к этой улице не допускали.

По свидетельству очевидце Лбов сначала очень волновался, но потом понемногу успокоился и на место казни прибыл совершенно спокойный, как человек, покорившийся неизбежности... Что значит «очень волновался», а потом «совершенно успокоился», точно об этом мы уже никогда не узнаем, однако набор действий для выражения беспокойства достаточно ограничен – это или слезы, или рыдания, или мольбы о пощаде. Поскольку последнее мало вероятно, то остается признать, что слезы сопровождали Лбова в его пути на виселицу. Казнь произошла в тюремной ограде.

Лбова высадили из кареты и подвели к роковому месту. На вопрос священника – не желает ли осужденный перед смертью исповедаться, Лбов ответил отрицательно, заявив, что он чувствует себя правым и исповедаться ему не в чем...

Когда на Лбова хотели надеть саван, он резко произнес: «Уж если давить, – так хотя бы так просто и давили, а то еще какой-то мешок тут!»...

И савана не надели...

Однако и тут Лбов допускает непоследовательность. Нет, он не покорился неизбежности... Он хоть на несколько минут попытался продлить свою жизнь.

Когда ему надели на шею петлю и выбили точку опоры из-под ног, он, собравшись с силами, вскинулся ногами на воздух, намереваясь поймать ими веревку (руки у него были связаны сзади) и таким образом повисеть хотя бы несколько минут вниз головой. Однако маневр не удался, и в ту же минуту петля туго затянула ему шею¹.

¹ «Вятская речь», 9 мая 1908 года. Заметка «К казни Лбова».

Так закончилась эта внешне эффектная и героическая жизнь, в тоже время не освещенная светом знания путей, ведущих человечество к его лучшему будущему. Александр Лбов хотел этого будущего в такой форме, добивался его такими путями, которые были характерны для мировоззрения наиболее люмпенизированных и отсталых слоев российского пролетариата. И вполне естественно, что даже экстремистское крыло российской социал-демократии (большевики) были не согласны с ним, хотя и использовали иногда, по нужде, его средства и методы. Они понимали, что без привлечения масс, без использования легальной работы, на одном терроре и экспроприациях социалистический переворот не совершить и власти не завоевать. А в использовании «изредка» и по нужде лбовских методов работы и даже лбовских денег сказывалась их нравственная неразборчивость и презрение к ценности человеческой жизни, которые таким отрицательным образом скажутся после прихода их к власти.

Лбов не оставил после себя дела, требовавшего продолжения. Со Лбовым умерла и лбовщина, которая в последние месяцы ее существования вылилась в настоящую вакханалию грабежей и убийств, против которых сам Лбов был бессилен что-либо предпринять. Ни при жизни Лбова, ни после его смерти у него не появилось ни одного самостоятельного подражателя. Вернее, они были, но так быстро сходили со сцены, словно цветы-однодневки, что не оставили о себе сколько-нибудь отчетливых следов своей деятельности. В том, что Лбов в течение почти двух лет, в условиях крепнущей в России стабилизации смог продержаться и вести борьбу против мощного правительственного аппарата, сказывается незаурядность, неординарность его натуры. С одной стороны, по уровню своего образования, по своим мировоззренческим установкам, по средствам разрешения противоречий общественной жизни он соответствовал уровню простого народа, притом его наиболее отсталой в политическом отношении части. В этом смысле для мотовилихинских рабочих он был «свой», что обуславливало его понимание и поддержку с их стороны. С другой стороны - его личностные качества: его воля, его умение обращаться с оружием, знание им местных лесов, различных военных хитростей, наконец, его властная фигура, рост, голос, физическая сила, личная храбрость делали его героем среди люмпенов и обеспечивали ему в течение продолжительного времени успех.

Думал ли он о жизни тех, кого он сам лишал жизни, или о жизни тех, кого убивали по его приказу или действуя по его инициативе, — нам представляется, что да, в последние месяцы его

жизни он об этом напряженно размышлял. Об этом свидетельствует его поведение в Нолинске во время задержания, его поведение на суде и его, сохранившаяся в фонде Б.Н. Назаровского, малоизвестная тюремная фотография. На ней он снят в профиль. Во всем облике Лбова не чувствуется никакой властности, никакой свирепости. Наоборот, задумчивое выражение лица прославленного экспроприатора резко контрастирует с фотографиями других молодых лбовцев, которые сохранились в данной единице хранения¹. Арестант в серой тюремной куртке с черными, плохо причесанными волосами, с задумчивым взглядом темных глаз, с устало опущенными плечами – все это, объективно отраженное на фотографии, невольно подводит к мысли: волевой в прошлом человек чем-то угнетен, о чем-то напряженно размышляет – о жизни, о смерти, о семье... Мы никогда не узнаем, о чем. Но только не о новых экспроприациях, о новых грабежах и убийствах. Человеческая мысль, запечатленная на фотографии, заставляет думать об этом... А фотография – это объективный слепок с действительности.

Уже после смерти Лбова Нолинский мещанин, 19-летний Василий Иванович Кокин, обратился к Вятскому губернатору князю С.Д. Горчакову с просьбой о награде за участие в задержании Лбова. Нолинский исправник, отвечая на запрос С.Н. Милюкова, проинформировал его о том, что В.И. Кокин отца не имеет, живет с матерью Анастасией Александровной, окончил ремесленное училище, однако слесарным ремеслом не занимается. Личного участия в задержании Лбова он не принимал, но оказал свое содействие, которое выразилось в том, что он не отставал от стражников и городских, преследовавших Лбова по улицам города Нолинска. Он все время свистел в свисток, переданный ему городовым Симоновым. Этот свист вызвал у местных мещан желание принять участие в дальнейшем задержании Лбова. Нолинский исправник считал, что В.И. Кокин заслуживает «какого-либо поощрения». Это мнение исправника было доведено начальником Вятского губернского жандармского управления до сведения вятского губернатора^{26а}.

Теперь нам остается сказать несколько слов о судьбе вещей Лбова. Здесь вятская жандармерия проявила удивительную пунктуальность, и предусмотрительность. Еще большую услужливость проявил Екатеринбургский судебный следователь, ко-

¹ ГОПАПО, ф. 25, оп. 1, ед. хр. 98, л. 1. ср. фото на листах.

^{26а} Начальник Вятского губернского жандармского управления полковник Милюков Н.С. – Вятскому губернатору князю Горчакову С.Д. 1 июня 1908 г. // ГАКО, ф. 714, оп. 1, ед. хр. 855 «б», л. 139.

торый за перепечатку отчета о судебном деле Лбова из «Вятской речи» привлек редактора газеты «Уральский край» к судебной ответственности. Осуждая судебного следователя г. Екатеринбурга, чарушинская «Вятская речь» писала: «В настоящее время екатеринбургский судебный следователь обратился к вятскому с предложением: допросить вятского полицмейстера и редактора «Вятской речи» и выяснить: был ли разбор дела Лбова в военном суде при открытых или закрытых дверях, присутствовал ли представитель газеты на суде лично, или же отчет составлен по рассказам, если был лично, то по чьему распоряжению». Отвечая судебному следователю г. Екатеринбурга, Н.А. Кромоницкий писал: «Можем констатировать, что хотя разбор дела и происходил не при открытых дверях, но представитель газеты (да еще и не одной) был на суде самым легальным образом, по особому пропускному билету, а отчеты о процессе или в гранках, или в рукописи были просмотрены самим председателем военного суда, им подписаны и разрешены к печати». Казалось бы, что может быть легальнее?» – иронично спрашивал журналист¹.

Сразу же после суда 23 апреля 1908 года, приговорившего Лбова к смертной казни, начальник Вятского губернского жандармского управления полковник Милюков запрашивает начальника пермской охранки ротмистра Сизых об адресе проживания семьи Лбова. 27 апреля последний телеграфирует в Вятку, сообщая, что Елизавета Васильевна Лбова живет на Висиме и имеет свой дом № 1223².

После казни Лбова в начале мая, по свидетельству старшего сына Лбова Михаила, перед их домом появился конный стражник, в руке которого имелся какой-то пакет. Он осведомился, где тут живет семья Лбова. И удостоверившись, что его семья живет именно здесь, он швырнул пакет к ногам Елизаветы Васильевны, заявив, что разбойника Лбова казнили в Вятке, а это его вещи. Это все то, что от него осталось. По свидетельству сына Лбова Михаила, тогда бывшего шестилетним мальчиком, его мать припала к свертку и зарыдала. Это была зимняя одежда ее мужа.

Однако детская память удержала в сознании только один этот факт. В 1908 году Михаилу – старшему сыну Лбова – было всего 6 лет, и он мог запомнить только то, что он видел, а ви-

¹ «Вятская речь», 24 мая 1908 года, № 71.

² Начальник Вятского губернского жандармского управления полковник Милюков Н.С. – Начальнику Пермского охранного отделения Сизых и его ответ см. // ГАПО, ф. 160, оп. 3, ед. хр. 283, л. 117.

деть всего и знать все о последствиях казни своего отца он не мог. Дело в том, что после казни Лбова его имущество по определению Вятского окружного суда подлежало описи и продаже в пользу казны для возмещения судебных издержек в размере 90 рублей 21 копейки. На основании данного постановления приставом Мотовилихинского завода была произведена опись имущества семьи А.М. Лбова, и на 9 октября 1910 года назначены торги.

Жена Лбова обратилась в Пермский окружной суд с заявлением об исключении из описи принадлежащего лично ей имущества, попавшего в опись, и о выдаче свидетельства на предмет назначения опекуна над имуществом, оставшимся после смерти сельского обывателя Александра Михайловича Лбова. Рассмотрев это дело 12 октября 1910 года, Пермский окружной суд постановил: свидетельство о назначении опеки над имуществом, оставшимся после смерти А.М. Лбова выдать, а в иске же Лбовой Е.В. об исключении из описи ее имущества из имущества ее мужа отказать, как не вполне доказанном. Судейским чиновникам показалось подозрительным: на какие средства приобретались вещи жены Лбова и его детей, в семье, в которой А.М. Лбов был главным кормильцем¹.

Судьба 43 рублей, которые были изъяты у Лбова при аресте в Нолинске, нам неизвестна. Вероятно, они были переданы Е.В. Лбовой и пошли на оплату адвоката и судебных издержек по тому делу, о котором мы говорили выше.

¹ Пермская жизнь (От нашего корреспондента) // «Вятская речь», 31 октября 1910 г., № 231.

Глава VI. Революционная мораль (Вместо заключения)

Революция трансформирует все стороны общественной жизни, — не только материально-производственные отношения, но и искусство, литературу, идеологию в целом, право и мораль. В периоды революций, особенно в тех случаях, когда они доводятся до победного конца, система права и морали меняется радикальным образом. Однако это происходит и в том случае, если революция не решила всех поставленных перед нею ходом исторического развития задач, как это было, например, с революцией 1905-1907 г. в России. Она, тем не менее, оказала существенное влияние на резкое, скачкообразное изменение норм права и морали. Не касаясь первых, мы должны будем сконцентрировать наше внимание на вторых. Нравственные ценности были поставлены революцией под сомнение, т.е. поколеблены в своих основаниях.

Анализируя их, мы должны будем отметить, что революция, прежде всего, привела к падению ценности человеческой жизни и соответственно к возрастанию роли идей и идеалов общественного развития, которые стали в некоторых отношениях более ценными, чем человеческая жизнь.

В периоды революций происходит коренное изменение между ближайшими и перспективными (отдаленными) интересами индивидов. Необычность этого изменения заключается в том, что происходит возрастание значения сиюминутных текущих интересов сегодняшнего дня и отдаленных перспективных интересов, выраженных в революционном социалистическом идеале. На основе этого происходит жесткая групповая и социальная поляризация общества по классовому и партийному признаку. Эта поляриность принимала наиболее резкие формы в годы гражданской войны, когда колчаковцы расстреливали попавших в плен красноармейцев, если они были коммунистами, и соответственно, пленные офицеры колчаковской армии уничтожались красной армией.

В годы Первой русской революции такой жесткой конфронтации между классами и партиями не было. Однако революция вплотную подвела к этому некоторые социальные группы населения. Например, торговцы и промышленники, с одной стороны, а организации маргинальных люмпенских слоев населения, выразителем интересов и идеалов которых на Урале на закате революции 1905-1907 годов был отряд Лбова, с другой. Ненависть лбовцев к членам «Союза русского народа» была так велика,

что они так же, как боевые дружины эсеров и социал-демократов, очень часто физически уничтожали их. И соответственно, имели место убийства по политическим мотивам людей противоположного лагеря (Бауман, Иоллос, Герценштейн и другие). Мы называем только наиболее известных.

Перед нами стоит задача: раскрыть причины данного социального феномена, выяснить, почему так происходит в обществе в периоды революции? Определить, какие детерминанты общественного развития ставят человеческую жизнь, в силу ее определенной социальной обусловленности, в связь с невозможностью достижения общественного согласия определенных политических партий и социальных групп.

Наиболее жесткая конфронтация устанавливается между представителями определенных политических партий и общественных движений, поскольку люди входят в них добровольно и осознанно, в то время как социальная идентификация, как правило, связана с социальным статусом родителей. И, следовательно, она является менее определенной, чем политическая. И, кроме того, социальные группы населения бывают такими значительными по численности, что физическое уничтожение их невозможно, в виду разжигания гражданской войны и углубления конфронтации, когда все представители данного социального слоя, все как один встали бы перед фактом физического уничтожения и защищали бы мужественно свою жизнь.

Данное положение рассматривается в книге на основании изучения той конфронтации, которая сформировалась локально в окрестностях Перми и Мотовилихи, между отрядом Лбова и чиновниками государственного аппарата, его полицейских органов и черносотенцев, которые занимались борьбой с ним. Лбовцы уничтожали этих людей как защитников ненавистного им царского самодержавия.

Возникает вопрос: как они представляли будущее общество, во имя каких конкретных идеалов они совершали это «снятие» или убийство людей, которые стояли на страже того порядка, против которого они боролись?

Своих собственных, теоретически отрефлектированных, соображений о будущем российского социума у лбовцев не было. Это была «шайка» грабителей, нападавших на государственные учреждения, винные лавки, почты и банки, а также на состоятельных людей, купцов и промышленников, которых они, в случае их черносотенной деятельности, облагали произвольными поборами. Это был самый настоящий грабег и перераспределение государственного и частного имущества во имя их неопределенных идеалов, а скорее всего, потому, что им не нравились существующие общественные отношения в России, и им хотелось, чтобы они соответствовали их представлениям.

Они делали это, исходя из своих расплывчатых анархо-коммунистических представлений.

Грабежи казенных винных лавок, о которых мы уже говорили, являясь таковыми и по форме, и по существу, в то же время были прикрыты внешним социалистическим покровом. По показаниям свидетелей, лбовцы, идя в село Сенькино, «имели при себе красный флаг с какой-то надписью». Один из свидетелей операции в селе Сенькино, А.В. Плюснин, добавил, что «у одного из грабителей в руках был красный флаг с надписью белыми буквами: «Война за землю и волю». В селе Кольцово во время ограбления винной лавки на улице развевался красный флаг с надписью «Война за свободу и землю». Такой социалистический антураж сопровождал многие лбовские экспроприации и был составной частью их внешнего оформления. При ограблении винной лавки в селе Коптяки Верхотурского уезда Кашаульской волости был выкинут красный флаг, а после экспроприации имеющихся в ней финансовых средств грабители несли по улице знамя с надписью «Вы жертвою пали в борьбе роковой» и пели песню, начинающуюся этими же словами. Демонстрация «лесных братьев» надежно охранялась, около знамени шел Николай Барышников с бомбой в руках¹.

Социалистическая имитация экспроприаций не ограничивалась несением красного флага с разными надписями, пением революционных песен; она включала в себя и социалистическую фразеологию, что хорошо видно по тем запискам с угрозами, в которых излагались требования лбовцев к администрации. Во время операции на Мухлининской драге Верхотурского платино-и золотопромышленного товарищества 26 августа 1907 года лбовцы взяли золото, платину и несколько рублей. Они выдали жене Мурзина, — управляющего драгой, — расписку за подписью «Социалисты-террористы. Лесные братья», в которой было изложено требование: директору управления «Платино-золото промышленного товарищества» Савицкому под угрозой смерти уплатить Мурзину деньги за взятые у него вещи.

Записка была следующего содержания: «г. либералу Савицкому. 26 августа в 11 часов дня здесь была экспроприрована (так в подлиннике — В.С.), что взяли хозяйское отдайте им деньги, или ваша жизнь в наших руках. Социалисты-террористы. Лесные братья». И вот эти безграмотные «социалисты-террористы» на несколько часов оказывались полными хозяевами не только над имуществом, но и над жизнью представителей администрации ряда промышленных предприятий².

¹ ГОПАПО, ф. 25., оп. 1, ед. хр. 87, л. 112-113

² Там же.

При нападении на контору Туринских рудников лбовцы разбрасывали печатные листки с «Крестьянской марсельезой», текст которой был напечатан на узеньком листке писчей бумаги. Сверху над текстом был помещен девиз: «В борьбе обрешь ты право свое». Снизу под стихотворением было отпечатано: М.Р.К.П. Социалистов-революционеров¹. Последнее свидетельствует о тех тесных связях «лесных братьев» с местными отделениями партии эсеров, которые установились к началу осени 1907 года. Эти связи зашли так далеко, что лбовцы распространяли эсеровскую пропагандистскую литературу².

О предельной аполитичности Лбова, о его беззаботности относительно революционной теории сохранилось свидетельство Мотовилихинского рабочего П.Н. Перминова. Он пробыл «непродолжительное время» в шайке Лбова и попал в руки жандармов на станции Гороблагодатской. На предварительном следствии он показал, что письменного устава «лесных братьев» у Лбова «не существовало», «а когда был принесен какой-то письменный устав, то Лбов не обратил на него никакого внимания»³. В то же время он, понимая необходимость политической фразеологии, употреблял отдельные фразы из революционного лексикона. Об этом свидетельствует тот факт, что когда Перминова принимали в дружину Лбова, последний, после проверки его умения стрелять, сказал ему: «Ты теперь будешь у нас настоящий красный»⁴.

Пермские социал-демократы, особенно меньшевики, правильно понимали характер лбовского движения. Они видели его вред для развития социал-демократического движения. Данная проблема приобретала особую остроту в связи с тем, что у отдельных товарищей в Пермской организации РСДРП существовал анархистско-коммунистический уклон, близкий по взглядам к идеологии «лесных братьев». Конференция РСДРП, состоявшаяся летом 1907 года за Камой, твердо и последовательно стояла на позициях осуждения стратегии и тактики лбовского движения. «Лесные братья» просили устроителей конференции напечатать их программу в типографии социал-демократов. В ней те социал-демократы, которые входили во лбовскую дружину «Лесные братья», призывали своих коллег по партии (социал-демократов – В.С.) порвать с ней, вооружиться и поднять вооруженное восстание. В этом им, конечно, было отказано. И тут же

¹ Там же. ГОПАПО, ф. 25., оп. 1, ед. хр. 87, л. 114.

² Там же. Л. 109.

³ Там же.

⁴ Там же.

была вынесена резолюция, которая категорически предлагала порвать отношения с членами партии, которые присоединились к лбовцам. Было выпущено воззвание о разрыве с этой группой, как с гниющими продуктами русской революции, которые создавали ряд трудностей в деятельности Пермских социал-демократов.

Летом 1907 года Мотовилихинский райком рассматривал вопрос о борьбе с «революционным» бандитизмом, с вымогательством денег у зажиточных граждан и мелких торговцев путем подброски писем от имени революционных организаций. Эти бандитские письма граждане передавали отдельным членам райкома. И райком охотился за такими экспроприаторами. Члены Мотовилихинского райкома РСДРП устраивали засаду у торговца Рассолова, и им удалось установить, что экспроприатором оказался ни кто иной, как Алферов, член РСДРП, вскоре после этого ставший провокатором и в начале 1908 года убитый у себя на квартире¹.

Некоторых членов Пермского комитета РСДРП – К.И. Кирсанову и др. – привлекала романтика вооруженной борьбы, связанная с преодолением постоянных опасностей, с преследованиями полицией. К тому же здесь быстрее достигался практический результат, например, в случае удачного террористического акта. Вести занятия в качестве пропагандиста в рабочем кружке К.И. Кирсановой, по ее собственному признанию, не хотелось. Здесь требовалась длительная и систематическая работа с рабочими по повышению их политического и общественного уровня. А молодость и отсутствие жизненного опыта в значительной мере снимали вопрос о ценности человеческой жизни. Однако, если у социал-демократов движение сторонников партизанских действий было представлено несколькими экстремистами, то у лбовцев это была повседневная практика их деятельности, причем сама процедура приема в лбовскую дружину была связана с совершением террористического акта.

Лбов согласился принять в «свою шайку» крестьянина Кунгурского уезда И.Г. Солодова, но с условием совершения предварительного убийства, указав на трех человек, в отношении которых такой террористический акт являлся бы для него особенно желательным, а именно – начальника Мотовилихинского пушечного завода, старшего городского и жандарма. Последнее очень напоминает чисто бандитскую организацию уголовного характера, для которой основную сферу деятельности состав-

¹ Борьба за власть. Годы реакции. Часть 1. Пермский Окружком РКП(б). Отдел ... Пермь, 1924. С. 70-71.

ляли грабежи и убийства. По свидетельству И.Г. Солодова, для совершения убийства начальника Мотовилихинского пушечного завода «ему велели находиться в засаде у дома бывшего волостного старшины, живущего на главной улице, по которой ездит начальник завода».

Однако через некоторое время ему «велели сказать, что это неудобно, так как в указанном доме лежат раненые из их шайки, но сколько именно человек, не говорили. На приведение в исполнение данного поручения «длинный» (Лбов – В.С.) дал десятидневный срок, но разрешил и более продолжительное время, смотря по обстоятельствам. Лбов выдал И.Г. Солодову на финансовые расходы по подготовке террористического акта 6 рублей, а также 20 патронов к револьверу. Подготовка к террористическому акту была основательной и серьезной, и не вина Солодова в том, что намеченное «снятие» пришлось отменить по независящим от него обстоятельствам. Аналогичные мероприятия были в духе грозного руководителя «лесных братьев».

В свете вышесказанного возникает вопрос: какую ценность имела человеческая жизнь в глазах «лесных братьев» и их грозного руководителя? Никакой. На исходе Первой русской революции на Урале и в некоторых других местностях России объективным ходом общественного развития были созданы объективные и субъективные условия для возникновения «партизанских действий», которые в Пермской губернии были наиболее ярко выражены в деятельности «лесных братьев» под руководством А.М. Лбова.

В чем конкретно выражались эти условия?

Начнем с объективных причин. Они заключались в особенностях развития уральской горной промышленности, в ее отсталой технической базе, во множестве крепостнических пережитков, в ее низкой конкурентоспособности по сравнению с молодым горно-металлургическим регионом Юга России. В условиях застоя уральской горной промышленности, возникновения скрытой безработицы, невысокой культуры населения, его бесправия в результате поражения первой русской революции создались условия отчаяния и отсутствия перспективы на лучшее будущее, особенно для молодежи Урала.

В этих объективных условиях у части уральских маргинальных элементов на волне безнадежности и отчаяния возникло желание просто хорошо пожить и пограбить. Отсюда лбовщина, как форма выражения интересов этих людей, отсюда первоначальная поддержка Лбова довольно многочисленными представителями рабочего населения Мотовилихи и других населенных пунктов Пермской губернии. Однако из многочисленных отрядов

анархистов никто не смог продержаться так долго и совершить так много экспроприаций, как Лбов.

Последнее объясняется его субъективными качествами как руководителя «лесных братьев». Эти субъективные качества Лбова как незаурядного руководителя заключались, во-первых, в том, что он отлично знал военное дело, усвоенное им в результате годичной службы в Петербурге. Он был отличным стрелком, и это помогало ему во время многочисленных стычек и перестрелок с войсками и полицией. Во-вторых, он обладал незаурядными организаторскими способностями, мог и умел спросить и заставить своих боевиков делать именно то, что он считал нужным. Он, обладая «личной харизмой», умел относительно продолжительное время «держат» дисциплину и порядок в отряде, предохраняя отряд от «скатывания на крайнюю степень деградации и мародерства». В-третьих, Лбову очень помогало отличное знание местности, особенно лесов, расположенных за Мотовилихой, поскольку раньше в течение ряда лет он работал старшим лесообъездчиком Мотовилихинской лесной дачи пушечного завода. Хорошо зная леса, он умело уходил от преследования войсками и полицией. В-четвертых, в результате особо жесткого характера, обусловленного, видимо, наследственностью, Лбов не боялся идти на преступления уголовного характера, на убийство чинов полиции и солдат. И эта жестокость и смелость создавали ему непререкаемый авторитет среди «лесных братьев». В конечном счете, когда он «устал» от подпольной деятельности, когда нервы у него, по его собственному признанию, «расшатались», он стал посылать на это своих наиболее надежных сподвижников. Однако с этого и началась утрата им харизматического влияния на «лесных братьев», обусловленная и его личной привязанностью к «Марухе» (А. Беляковой) и ее дружку «Карпу» (Егору Мельникову), которого лбовцы не без оснований считали провокатором.

Частые убийства «лесными братьями» полицейских, черносотенцев и провокаторов ставят вопрос о той форме морали, которой они придерживались, совершая эти «революционные действия». Нравственные основы общественных отношений в годы первой русской революции приковали к себе широкое внимание российской общественности. Тысячи террористических актов, совершенных эсерами и представителями других экстремистских партий, совершаемых иногда, казалось бы, без достаточных оснований, за свою беспардонность и свой максимализм вызвали осуждение на страницах печати.

Официальная газета края «Пермские губернские ведомости» по случаю убийства председателя Красноуфимского уезд-

ного съезда «Союза русского народа» напечатала специальную статью одного из общественных деятелей Сибири А.Т. Колосова¹. В ней автор ставит вопрос о причинах убийства эсером Рагозниковым Сергея Абрамовича Свиридова, который был одним из видных общественных деятелей Красноуфимского уезда. Его возмущает то, что террористический акт представляет настоящее убийство и как таковое оно не может быть объяснено никакими сколько-нибудь убедительными причинами.

Если убийство совершено за то, – пишет он, – что покойный был истинный христианин и истинный монархист, то где же память у этих «освободителей» насчет того, что ими проповедуется народу на митингах и в печати. Где хваленая ими свобода, – риторически вопрошает автор статьи.

Где неприкосновенность личности и жилища? Куда же делась заповедь «не убий»... Последнее является положением христианской морали, и его в годы первой русской революции не придерживались ни представители левых экстремистских кругов революционеров, ни представители карательных органов русского правительства.

Продолжая в риторической форме газетной статьи поиски причин, приведших к убийству С.А. Свиридова, негодуя и возмущаясь несправедливостью поступка эсера Рагозникова, А.Т. Колосов продолжал: «Если же это убийство совершенно в порядке аффекта, – то где же к тому неустрашимый повод, как побудительная причина со стороны жертвы. Почему же убийца, придя на преступление, во время совершения его и после того скрывал и не называл свое имя? Почему он ни разу не ударил своею головою об стену, а напротив, сопротивлялся задержанию и убежал? Почему же он, заранее подготовившись к убийству, никому об этом не говорил? А просто-напросто пришел в чужой дом и... лишил жизни человека, человека представляющего собой притом главу семейства, всегдашнего труженика на служебном и общественном поприще, а главное опытного и заслуженного деятеля, каковые качества убитого отлично были известны убийце».

В заключении статьи А.Т. Колосов приходил к выводу о том, что «слова у революционеров расходятся с их делами», что «для них на свете нет ничего святого, ничего дорогого, ибо у них окончательно помрачен разум и совершенно притупилось человеческое чувство»², подчеркивая этим лживый характер ценностей революционной морали.

¹ Колосов А.Т. Скорбный голос по поводу убийства Свиридова // Пермские губернские ведомости, 31 января 1908 года, № 26.

² Там же.

Действительно, в число убитых боевиками монархистов попадали иногда достойные люди, к числу которых принадлежал и С.А. Свиридов. Убедительным свидетельством этого является публичный плач матери Рагозникова над телом убитого монархиста в церкви. Она охарактеризовала его не только как достойного и хорошего человека, но и как благодетеля их семьи, неоднократно оказывавшего семье Рагозниковых материальную помощь. Но что мог сделать ее сын, от поступка которого она отмежеввалась, если С.А. Свиридов был приговорен к смерти местной организацией эсеров, и если этот жребий – приведение приговора в исполнение – пал именно на него. Это была своеобразная внесудебная форма расправы революционеров над деятелями «Союза русского народа».

Проблема легитимности таких расправ приобретала в годы первой русской революции, вследствие их массовости, особую остроту и актуальность. Она обсуждалась в высших учебных заведениях и на страницах печати. 29 января 1908 года «Пермские губернские ведомости» поместили на своих страницах заметку «В высших учебных заведениях», в которой газета информировала своих читателей о том, что 15 января 1908 года на последнем собрании богословского студенческого кружка при Санкт-Петербургской духовной академии одним из членов кружка был прочитан доклад на тему «Этические проблемы в современном социализме». Характерно, однако, уже то, что газета не называет имени студента, опасаясь, видимо, за его безопасность. А это является свидетельством того морально-психологического климата, который установился к началу 1908 года в Пермском обществе.

Докладчик попытался дать анализ современного состояния морали в концепциях современного социализма. Он говорил о том, что моральные добродетели в современном социализме «суть лишь социальные инстинкты», так как человек ничем не отличается от животного. Отсюда он делал вывод о том, что побуждения к нравственной жизни, к добродетелям кроются в материалистических, желудочных интересах людей. И с точки зрения социалистов этика всегда и везде зависит от экономики. С точки зрения Маркса и Энгельса духовное развитие человека надо рассматривать как продукт социально-экономического прогресса. Выяснение недостаточности данного объяснения составило, по свидетельству Пермской газеты, «одни из блестящих пунктов всего реферата», который заслужил «шумное одобрение слушавшей докладчика аудитории».

Примерами из истории и литературы, собственными сообщениями референт «вполне основательно доказал», что мо-

раль вполне самостоятельна и «не нуждается в экономике», а если она иногда частично и определяется последней, то это отнюдь не говорит о ее зависимости от экономики. И наоборот, в некоторых случаях несомненно влияние морали на экономику. По свидетельству газеты, это положение референт богато иллюстрировал примерами и выдержками из литературных произведений и из истории. По мнению референта, общечеловеческое сознание долга – одно из важнейших доказательств независимости морали от экономики.

В заключение референт указал на неприемлемость, несостоятельность социалистической морали с православно-христианской точки зрения. Если последняя является общечеловеческой, то есть справедливой, то социалистическая мораль представляет выражение различных групповых интересов. Ее справедливость определяется шириной рамок той социальной группы, интересы и нравственную парадигму которых она выражает. Чем более узки социальные рамки данного типа социалистической морали, тем меньший заряд справедливости она в себе заключает¹. Качество научных трудов, посвященных изучению современной социалистической морали, обратно пропорционально их количеству. По мнению референта, они не обладают ни объективностью изложения, ни спокойствием тона, которые бы дали населению России возможность самому разобраться в подлинных достоинствах социалистической морали. Референт вызвал одобрительную оценку ряда профессоров Петербургской духовной академии. И это понятно, поскольку его реферат был проникнут идеями общечеловеческой морали. В реферате осуждалась корпоративная социалистическая мораль за ее грубо материалистический характер, позволяющий в случае несовпадения материальных экономических интересов вести жизнь, как борьбу за существование, т.е. уничтожать людей с противоположными социальными интересами, не считаясь с формально-судебными процедурами типа революционного суда и т.п.

Данное положение наиболее адекватным образом отражало интересы «лесных братьев» и их руководителя Александра Лбова. Рассматривая этику «лесных братьев», как этику предельно узкой, групповой корпоративности, мы, прежде всего, должны подчеркнуть ее несамостоятельность. Она более всего тяготела к этике партии социалистов-революционеров (способы и формы решения аграрного вопроса, общественные свободы, демократизация общественной жизни и т.д.). Из последнего по-

¹ Пермские губернские ведомости, 29 января 1908 года.

ложения вытекало, что наибольшую ценность имели интересы узкой корпоративной группы «лесных братьев», то есть то, что соответствовало ее интересам. Если конкретизировать это положение, то это, прежде всего, выполнение всех приказов командира, касающихся экспроприаций, террористических актов, организация приобретения, а иногда и уничтожения материальных и вещественных ценностей.

И наоборот, отрицательной ценностью, не благом, а злом является все, что направлено против корпоративных ценностей «лесных братьев». В этих условиях существенное значение приобретало отношение Лбова к своим поступкам, его совесть, которую как понятие Гегель определял как неявно выраженный гнев человека, обращенный на самого себя. Совесть – это субъективное осознание личностью своего долга и ответственности перед обществом. Однако форма этого сознания такова, что она выступает как долг и ответственность человека перед самим собой. Руководствуясь личной совестью, человек судит свои поступки как бы от своего собственного имени. И для человека мало образованного, с низким уровнем культурного развития, существенное значение для функционирования таких нравственных понятий, как «совесть» и «стыд», имеет религия.

Лбов никогда не афишировал своего отношения к религии, никогда не проявлял к ней какого-то особого внимания. Его отказ от исповеди перед казнью объясняется тем, как он заявил, что ему не в чем каяться, что он в своей жизни делал все правильно. И в то же время в источниках нет никаких данных о том, что он считал себя атеистом. Думается, на основании анализа его поведения можно сделать вывод о том, что он придерживался особого понимания религии в форме пантеизма, которая не требовала от него исполнения религиозных обрядов и в то же время создавала душевный комфорт и оставляла его совесть спокойной. Простые люди с узким культурным горизонтом все в большей мере допускают единство мира. Старые деления на дух и материю для них отпадают, они не имеют для них никакого значения. Человек признается фрагментом мировой архитектуры. Он создает целое, частью которого является. Он чувствует, что среда «обнимает» его, но в то же время он сам творит ее и господствует над нею. И это приносит ему нравственное удовлетворение.

Являясь рабочим большого завода, Лбов присматривался к движению народа. Массы в их ежесекундной жизни, в их традиционных вековых проявлениях казались ему громадными существами, а только потом уже личностями.

Город, улица, группа людей. Даже пара их кажутся Лбову замыкающими в себе индивидуальность, целостными организациями высшего порядка. Чем больше пытался Лбов проанализировать взаимоотношения между разного рода коллективами и единицей, то есть конкретной личностью, чем больше он вживался в душу коллектива, стараясь сделать свою душу его частью, тем более ясным становилось ему, что личность вообще явление кажущееся, что границы ее зыбки и неопределенны, что она – бегущая волна вечного моря жизни. И в этой связи становится понятным выход Лбова из среды своего «я», его порыв почувствовать непосредственно коллективные переживания стал первым содержанием религии Лбова, но вместе с тем он явился ключом к новому разрушению природы и общества, что вытекало из их пантеистического объяснения.

Грубость Лбовского пантеизма, его зацикленность на материальных объектах и невнимание к тонким, уникальным, структурным душевным ценностям отдельного человека создавали опорную точку для обоснования террора. Если человек – не уникальная ценность, а всего лишь часть массы, то и уничтожение его вполне допустимо в случае, если он мешает реализации его (Лбова) интересов. Свои личные интересы он ассоциировал с интересами «лесных братьев». С этой точки зрения жизнь полицейских, жандармов и солдат не имела никакой ценности – чем больше их убивали, тем лучше. И если лбовцы не убивали их десятками и сотнями, то только потому, что руководствовались принципом целесообразности.

Они знали, что за такие потери неизбежно последует месть: новые, более многочисленные, облавы, в которых примут участие новые воинские части, следовательно, новые потери со стороны «лесных братьев». Поэтому они в деле террора придерживались принципа рациональной необходимости. Размеры этой необходимости определялись лично Лбовым. Они зависели от оптимальных условий сохранения целостности «революционного отряда».

Незрелость и неразработанность идеологии «лесных братьев» может быть проанализирована через соотношение тех целей, которых они стремились достичь, и тех средств, с помощью которых они этих целей добивались.

У «лесных братьев» эти философские понятия в их мировоззрении явно не соответствовали друг другу. Эта противоречивость их постановки, способов их решения и полученных результатов является итогом неконкретности их постановки и несоответствия результатов поставленным целям.

Ошибочность постановки целей движения «лесных братьев» заключалась в том, что данное движение Лбов рассматривал как локальное. Он в течение двух лет сидел со своим отрядом под Мотовилихой и, за исключением двух-трех рейдов (Надеждинск и др.), никуда не шел, не хотел распространять свое движение на другие части Урала и на другие регионы России. И уже это обрекало движение «лесных братьев» на поражение в борьбе с российским правительством. Соотношение общего и частного было не в пользу Лбова.

С другой стороны, он не хотел играть руководящую роль в этом широком движении, он с негодованием ее отвергал, если ему это предлагали. В то же время, казалось бы, в прямом противоречии с этим, он прочно держал власть в отряде в своих руках и не терпел никаких попыток ее ущемления.

Возникла парадоксальная ситуация: самая выдающаяся личность в отряде, человек с большими организаторскими способностями не хочет расширения движения и распространения его на другие регионы и в то же время цепко держится за власть в отряде и не выпускает ее из своих рук. Думается, что это являлось результатом политической малограмотности Лбова, его беззаботности относительно революционной теории и преувеличения значения боевого экстремизма и своей личности. Лбов считал, что без него «лесные братья» пропадут, они не смогут справиться и отразить преследования полиции и таким образом отстоять свое существование, как боевого партизанского отряда.

Насколько можно судить по отдельным отрывочным высказываниям, распоряжениям Лбова, у него не было понимания объективного соотношения между целями-намерениями и целями-действиями. Отсутствие четкой демаркации по этому вопросу с неизбежностью вело отряд к трансформации в шайку грабителей и мародеров. Цель-намерение – это, с одной стороны, отвлеченная цель-пожелание. Она не конкретизируется ни по средствам, ни по содержанию действия. С другой стороны, определяя мотивы деятельности, она выявляет, как относится индивид к ожидаемым в будущем событиям, по каким причинам они желаемы ему или, наоборот, не желаемы для него.

Цель-намерение определяет субъект деятельности, а не ее результат. Намерение, естественно, не расскажет всего о ценности того социального слоя, той группы людей, того класса или, наконец, отдельно взятой личности с точки зрения позитивного и негативного содержания, которое в ней содержится. Цель-намерение есть лишь отвлеченное устремление. Чтобы стать действительностью, она должна превратиться в твердую волю,

в решение. Поэтому действенная воля должна поставить на место отвлеченной цели-намерения конкретную цель-деятельность, то есть, надо выявить конкретную цель деятельности и в соответствии с этим выбрать средства, необходимые для ее достижения.

Для того, чтобы выявить цели-деятельности и определить адекватные средства для их достижения, необходимы соответствующие волевые и интеллектуальные способности, большие знания и образованность. Действительная взаимосвязь между целью и средством выявляется не на уровне субъективных отношений, а на уровне объективного содержания этих взаимосвязей.

Ничего этого у Лбова не было. Цели-намерения, которые он представлял довольно смутно и туманно – это достижение справедливого общества. «Земля и воля» – вот что было написано на его знаменах, которые лбовцы «выкидывали» в селах при грабеже казенных винных лавок; а также справедливость и свобода, которые постулировались в отдельных документах «лесных братьев». В совокупности эти идеалы давали противоречивое амбивалентное представление, которое поддается идентификации в рамках буржуазного либерального государства, решившего аграрный вопрос, а с другой – в рамках анархистского союза, представляющего федерацию самоуправляющихся общин. В силу крайнего прагматизма и беззаботности Лбова в вопросах теории более точно определить и градуализировать эту цель – эту цель-намерение руководителя «лесных братьев» – не представляется возможным. Решения цели-намерения Лбов ожидал от будущей революции в России, которая вспыхнет в недалеком будущем в форме вооруженного восстания, в котором весь народ должен принять участие. Следовательно, он ждал освобождения России от народной революции, а не от действий своего отряда. Таким образом, действия «лесных братьев» не решали основную цель народного освобождения. В чем же тогда заключалась и какую задачу решала цель-действие лбовского отряда? Это экспроприации и террор, а средства их реализации – вооружение и нападения на винные лавки, перестрелки с полицией и войсками и убийство особо опасных провокаторов. Соотношение между ними было неоднозначным, достаточно сложным и противоречивым. Эта противоречивость выражалась в том, что цель-действие и средство ее реализации практически совпадали по времени их замысла и практической реализации. Во всяком случае, временной разрыв был ничтожным, составляя иногда несколько суток, иногда несколько часов (экспроприации банков и почтовых учреждений).

В этой быстроте и оперативности выполнения цели-действия заключался один из источников неуловимости и легендарности лбовского отряда, его влияния на симпатии местного населения. При экспроприациях государственных учреждений и у частных лиц цели и средства соответствовали друг другу. Экспроприации могли быть осуществляемы только путем внезапных налетов отрядов «лесных братьев» на эти объекты. Здесь дело заключалось не в том, что цели и средства не соответствовали друг другу, а в том, что цели-деятельности лбовцев не соответствовали целям-намерениям и не вели к ним. Именно поэтому данное движение было движением обреченных, и сам Лбов в конце концов стал понимать это, что и обусловило его трагический конец.

Цели-деятельности «лесных братьев» могут быть классифицированы с точки зрения их значения для лбовцев как главные и не главные, второстепенные. Главными целями для лбовцев были экспроприации, потому что именно они давали средства на содержание отряда, на его питание, вооружение, расходы на перемещения, на благотворительную деятельность, на помощь заключенным и жертвам правительственного террора и т.п. В главной цели деятельности «лесных братьев» выражалось содержание их деятельности.

В терроре выражалось средство достижения цели-деятельности. Террор, это, во-первых, убийство тех, кто мешал актам экспроприации. Во-вторых, это убийство или угроза убийства тех, кто был провокатором и своей деятельностью вызывал угрозу существованию отряда. Цель деятельности лбовского отряда не существовала изолированно от общественного целого — это, во-первых, и от средств ее выполнения — вооруженные нападения и угроза расправы с помощью оружия, во-вторых.

В один и тот же временной интервал действующий субъект Лбов, как руководитель отряда «лесных братьев», одновременно ставил перед собой несколько частных целей, скажем, в течение суток ограбить винные лавки в трех селах. Реализация данной цели должна была привести к финансовому благополучию отряда, к его безопасности. Пока полиция будет разбираться с тем, что произошло, опрашивать свидетелей, искать лбовцев в окрестностях сел, в которых были совершены экспроприации, они будут в безопасности.

Трагедия движения «лесных братьев» заключалась в том, что даже успешная реализация частичных целей не вела к достижению общей цели, к свободе России, к разрешению всех, стоявших перед ней, сложных социальных проблем, которые должна была разрешить революция. И это, в конце концов, ста-

ло ясно населению Мотовилихи и Перми, которое первоначально поддерживало Лбова и «лесных братьев». Цели-деятельности у Лбова не соответствовали целям-намерениям. Никакого выявления структуры и шкалы ценностей у него не было, а был «голый» прагматизм. Средство по отношению к цели не является чем-то внешним, «безразличным», наоборот, благодаря цели оно находится во внутренней объективной взаимосвязи с ней. Средства достижения целей в действиях лбовцев – террор и вооруженное насилие – существовали сами по себе, как самостоятельные институциональные образования, но вместе с тем, находясь во взаимосвязи с различными формами экспроприаций, они определяли их различные формы в зависимости от конкретных обстоятельств, складывающихся в той или иной местности.

Выбор средств реализации связки «цель-действие» возможен благодаря их многообразию. У «лесных братьев» этот выбор был, в конечном счете, ограниченным. Он сводился к двум формам: или применение вооруженной силы – убийство определенных лиц правопорядка и служащих предприятий, которые мешали совершить экспроприацию, или угроза применения оружия и достижение целей «мирным путем» без убийства соответствующих работников, если они добровольно согласились отдать то, что от них «лесные братья» требовали.

Моральные требования таковы, что они постоянно требуют переоценки средств достижения целей, их постоянной критики и изменения, исходя из процесса практики, ее изменения по мере необходимости.

Цель и средства объективно связаны друг с другом в двух отношениях. Цель определяет средства, поскольку в процессе ее осуществления происходит внутреннее объективное взаимодействие между целью и средством. Лбов был прагматиком, для него имело какое-либо значение только то средство, которое быстро вело к достижению поставленной цели. Для него соответствие между поставленной целью и средством означало то, что реальной целью являлась та цель, которая объективно располагала средствами осуществления, средства же признавались и применялись такие (вооруженное насилие и террор), которые способствовали претворению цели в жизнь, а не препятствовали этому, не искажали ее. Между целью и средством существуют расхождения, напряженность, и это обуславливается тем, что цель представляет картину ожидаемого будущего (в данном случае это результат удачно проведенной экспроприации), а средство – это реальность сегодняшнего дня, то есть момента проведения экска; она задается и определяется не только целью, но и возможностями настоящего дня (численностью отряда

лбовцев, количеством или отсутствием охраны объекта у винной лавки, почты, банка и т.п.).

Цель представляет нечто большее, чем те средства, посредством которых она реализуется. Лбов требовал и добивался точного соответствия применяемых средств поставленной цели действия. В силу соответствия целей-действий и применяемых для их достижения адекватных средств у него не было несоответствия целей и результатов, не было такого положения, когда действия не вели к достижению поставленной цели.

Результаты были бы сразу же не достижимыми, если бы механизм государственной власти был строго и обдуманно отрегулирован и не позволял бы проводить экспроприации в условиях отсутствия охраны винных лавок и симпатий к лбовцам местного населения.

Когда же к осени 1907 года служба охраны государственных учреждений и порядка в стране была более или менее отрегулирована, неадекватность целей и средств, применяемых лбовцами, стала давать сбои и, в конечном счете, привела к поражению движения.

Последнее было обусловлено несоответствием целей и средств, применяемых «лесными братьями» для решения вопроса подвода народных масс России к социальной революции. Экспроприации и террор не вели и не могли привести народ к достижению общества, действующего на новых, более справедливых, началах. У Лбова цель оправдывала средства, экспроприации могли быть достигнуты только с помощью вооруженного насилия и террора, а с другой стороны, мы можем сказать, что «средства» у него определяли «цель» – террор и вооруженное насилие могли определять только экспроприации и грабежи. Здесь есть соответствие цели, средства и результата, но все они поставлены неправильно. И эта неадекватность вытекала из целей-действий и средств, применяемых для их осуществления. В том виде, в каком они применялись Лбовым, они не вели и не могли привести народ к подготовке вооруженного восстания, наоборот, они озлобили народ, и даже пермские социал-демократы вынуждены были отмежеваться от «лесных братьев».

В рамках соотношения целей, средств и результатов рассмотрим влияние, оказываемое ими на моральные качества революционера. Лбов, как руководитель движения «лесных братьев», реализуя на практике цели и средства движения, испытал на себе моральные последствия этой диады, хотя, с другой стороны, необходимо отметить, что он был таким, что позволил поставить, а вернее, сам поставил перед отрядом такие цели и

средства для их достижения. Возникает вопрос: как он мог пойти на такие насильственные действия? Это вытекало из ограниченности его индивидуализма. Он был малообразованным человеком. Трехклассная школа в Мотовилихе не дала ему широкого кругозора. Отсюда вытекала узость его подхода к способу и формам реализации собственных интересов и интересов тех индивидов, которые входили в его отряд. Для него с раннего детства было характерно то, что классики марксизма называли «чванливой воинственностью», абсолютизацией таких радикальных действий, которые немедленно дают конкретный и осязаемый материальный результат. Для Лбова были характерны выдержка, последовательность и твердость характера. Ему, вплоть до последнего времени существования отряда, до осени 1907 года, были чужды мелочность, тщеславие, стремление к личной выгоде. И это сдерживало развитие негативных тенденций в нем, препятствовало превращению его отряда в шайку грабителей и мародеров на начальном этапе.

Революционер – это тот человек, который изменяет окружающие социальные условия жизни общества, в том числе и самого себя. Он должен быть способным учиться и учить других. У Лбова так оно и было до встречи с Апполинарией Беляковой, высокой, красивой женщиной, которую он полюбил, и которая, будучи провокатором, оказала негативное влияние на самого Лбова¹ и на дисциплину в отряде, введя в него своего друга «Карпа». После этого начался отход боевиков от Лбова и распад его отряда. Утрата Лбовым моральной твердости, концентрация у себя финансовых средств, доставшихся в результате экспроприаций в Надеждинске, привели к подрыву его авторитета. С ним стали происходить изменения и в личном плане. Он устал и духовно надломился в результате двухлетней жизни, полной тревог, опасностей, облав, побегов из окружения, отходов и уходов от полиции, казаков, ингушей. Особенно тяжело он переживал нарастание беспорядка в стране, разгон II Государственной Думы и т.п.

Признание бесперспективности дальнейшей борьбы, однако, не сопровождалось у Лбова с переоценкой ценностей и средств борьбы против российского правительства. Оно носило характер личностной подавленности от сознания бесплодности предпринимаемых им террористических акций. Внешне он остался прежним Лбовым, решительным и монолитным, казался цельным человеком. Однако так только казалось тем, кто его

¹ ГАПО, ф. 160, оп. 3, ед. хр. 283, л. 128 об.

мало знал. Внутренне это был расколотый и раздираемый сомнениями человек.

Болезненная совесть, придавленная в прошлом железной волей и не имеющая права голоса, выступила теперь у него на авансцену его личной индивидуальной жизни и потребовала права голоса при решении всех вопросов, которыми он теперь занимался. Совесть стала внедряться в понимание принципов тех действий, которые нужны были для обновления жизни, она выражала готовность принимать, поддерживать и отстаивать те из них, которые носили благородный человеческий характер. И это не сентиментальные «бредни», которые пришли в голову автору книги на основании субъективной оценки некоторых документов, свидетельствующих о поведении Лбова во время его ареста и характеризующих его поведение на суде. Это объективное состояние его духовности, подтвержденное его собственными свидетельствами, а также вытекающими из показаний очевидцев. Отрицать достоверность их невозможно. Взвешенная оценка этих объективных фактов свидетельствует о том, что в последние месяцы жизни Лбов пережил своеобразную, нравственную трансформацию.

Самооценка его поведения, начиная с осени 1907 года, меняется. Она становится неопределенной: он стоит перед выбором и не знает, что делать. С одной стороны, он крепкий боевик, который строит планы террористических покушений в Вятке и «в других местах», а с другой, наедине с самим собой он задумывается над тем, правильно ли он все делал в эти годы: может быть, жертвы были напрасны, может быть, надо было поступать как-то иначе, какими-то иными путями действовать. Но если другими, то какими именно... Во всяком случае недовольство собой, чувство стыда за свое поведение выразилось в том, что во время задержания в Нолинске, убив одного стражника, он «почти в упор» расстрелял всю обойму маузера и сознательно не попал в конного стражника Нелюбина, потому что не хотел его убивать. Об этом он прямо говорил на суде. Вот в этой-то непоследовательности – в том, что одного стражника он убил, вернее, смертельно ранил, а другого не захотел убивать, – он и был схвачен. В этом весь Лбов последних дней его жизни.

Он был одним из видных представителей крайне-экстремистского направления в революции 1905-1907 годов на Урале. Конечно, мы не можем на основе анализа его морали делать обобщения о революционной морали вообще. Однако мы можем зафиксировать и с соответствующими изменениями выразить несколько черт революционной морали вообще, независимо от ее конкретной групповой принадлежности. Она носит

переходный характер с точки зрения тех жизненных ценностей, которые в ней выражаются. Переход осуществляется от традиционных жизненных ценностей индивида, принадлежавших к разным классам общества, к новым ценностям, приобретенным ими в период революции.

Для характеристики адекватности новых нравственных ценностей, которые несет с собой революция действительным интересам людей, существенное значение имеет социальное время, которое течет очень быстро и зачастую не позволяет значительной части народа разобраться в тех нравственных ценностях, которые несет с собой революция. В этих условиях невозможно проверить насколько нравственные, да и другие ценности, провозглашаемые революцией, соответствуют не только действительным интересам народных масс, но и насколько они соответствуют поступательному развитию общества. Проверка «на соответствие» производится уже после революции и при этом иногда обнаруживается, что какие-то революционные ценности оказались ложными.

Носителями революционных ценностей в большинстве случаев являются молодые люди. Отсутствие жизненного опыта, с одной стороны, и чувство безответственности (до собственной смерти еще далеко), с другой – приводит к тому, что жажда деятельности, желание сделать для общества много, сразу все изменить и прославить себя является доминирующим и накладывающим неизгладимую печать на характер деятельности людей в периоды революций, в особенности на моральную сторону, то есть на ту сторону, которая объясняет, во имя чего данная революция совершается.

В результате получается разрыв между революционным словом и делом, происходит рост противоречий между идеальными мотивами деятельности масс и их объективными результатами. Революции совершаются во имя реализации принципов добра, свободы, равенства, социальной справедливости, а на деле они фактически приводят к отсутствию свободы, жестокому единоначалию, падению ценности человеческой жизни. В период действия «лесных братьев» под Мотовилихой в 1907 году жизнь человека была совершенно обесценена. В этот период лбовщина смыкалась с политическим бандитизмом и грабежом, с системой произвольных контрибуций, налагаемых на состоятельных лиц, с совершенным произволом и полнейшим отсутствием социальных институтов, действующих во имя справедливости. Те из них, которые представляли официальное российское общество, могли функционировать только с большими ссорами или в режиме чрезвычайных полномочий.

Когда революция берется решать те вопросы общественно-го развития, для разрешения которых условия еще не созрели, последствия получаются прямо противоположными тем, которые объективно ожидались. Более определенно и резко выраженная направленность общественного развития в периоды революций создает и формирует общественный поток, который движется в определенном революцией заданном направлении. В нем личности труднее реализовать принципы своей личной свободы и индивидуальности.

Захваченная массовым движением, личность вынуждена действовать в том же направлении, что и масса народа, реализующая идеалы революции. Поэтому получается противоречивая ситуация: с одной стороны, провозглашаются свобода, равенство, братство, справедливость, а фактически эти принципы в период революций сведены к возможности действовать в том же духе и в том же направлении, что и революционные массы.

В этих условиях человек становится винтиком в революционном действии, которое он должен одобрять, опасаясь расправы. Он становится безгласным духом, способным выражать только те идеи, которые совпадают с общим мнением революционной массы. Поэтому падает ценность человеческой личности и ее жизни, хотя формально революция совершается во имя практической реализации этих принципов. Революция – это нецивилизованная форма разрешения объективных противоречий, стоящих перед обществом. И анализ лбовщины, как экстремистского направления в революционном движении России 1905-1907 г., убедительно свидетельствует об этом.

Сущностным качеством революции является расширение свободы. В этом случае жертвы, которые погибают безвинно, имеют какой-то смысл, который может быть оценен с точки зрения перспектив общественного развития. Однако социалистические революции в России и странах народной демократии, которые характеризовались многократным увеличением жертв, по сравнению с буржуазными революциями, привели не к расширению свободы, а к ее фактической ликвидации, к пониманию ее с «классовой точки зрения». Как и куда, по какой рубрике записать эти миллионы «безвинно убиенных» – это вопрос, на который должна дать ответ история, получившая в условиях свободы возможность объективных исследований.

Содержание

Введение	3
Глава I. Историография и источники	16
Лбовское движение на страницах современной ему печати	16
А.П. Гайдар и его повести об уральских революционерах	29
Б.Н. Назаровский о Лбове	36
Историография лбовского движения в 40-80-е годы 20 века	42
Источники	49
Глава II. Жизненный путь анархиста	55
Глава III. Знаменитый экспроприатор (Социальный портрет без ретуширования)	73
Глава IV. Отношение социал-демократов к лбовщине	137
Глава V. Бесславный конец	166
Глава VI. Революционная мораль (Вместо заключения)	202

Семенов В. Л.

Революция и мораль (Лбовщина на Урале)

Издатель	Богатырев П. Г.
Лицензия	ЛР № 066145

Научный редактор	профессор М.Г. Суслов
------------------	-----------------------

Редактор	Богатырева Л.Г.
Технический редактор	Богатырев Г. П.
Корректор	Рождественская А. Н.

Подписано в печать 25.04.2003.

Отпечатано с оригинал-макета на ризографе.

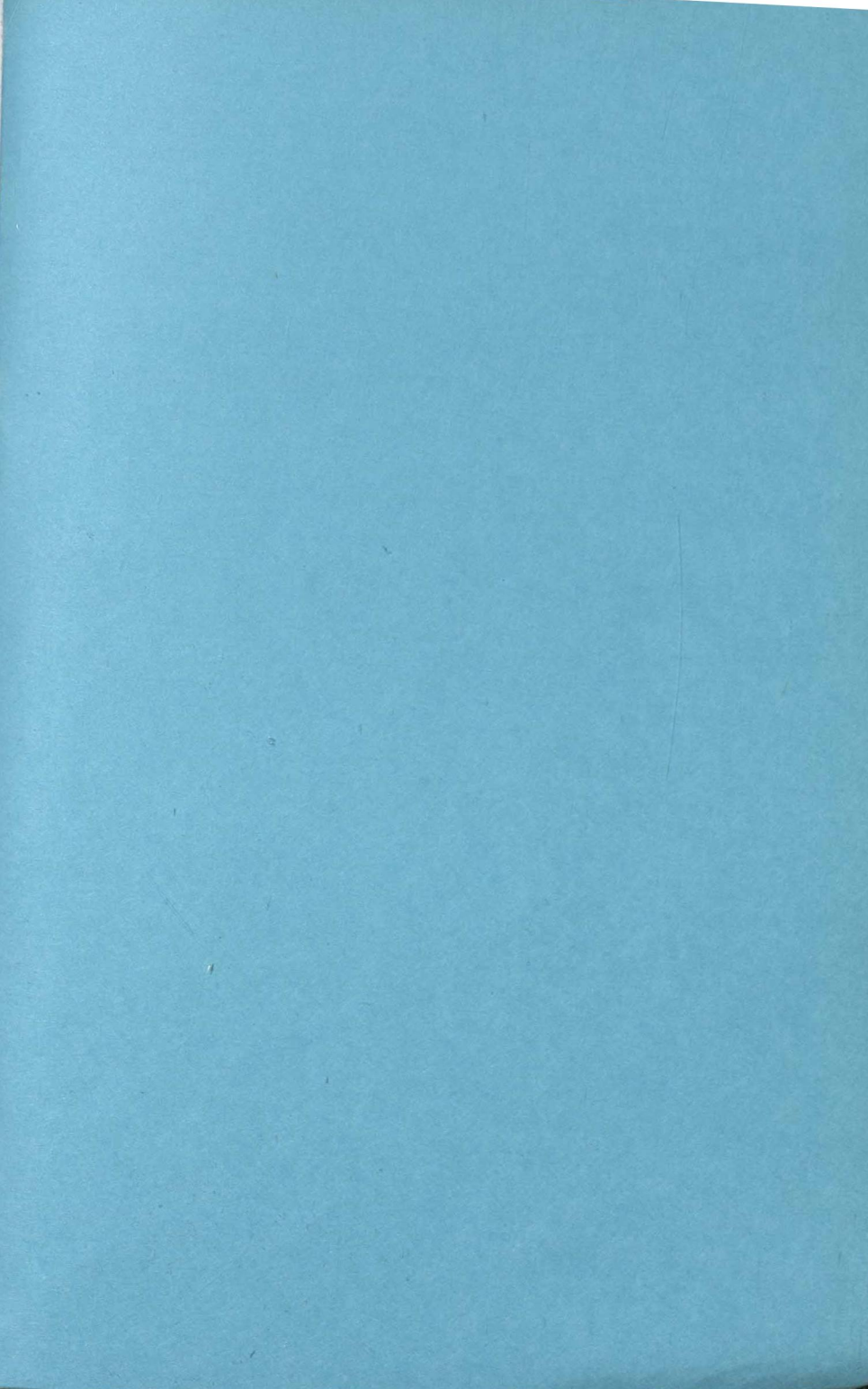
Формат 60х84 1/16. Печ. л. 14.0 Бумага ВХИ.

Издатель - Богатырев П.Г. Свидетельство ВГ № 16396 от
06. 08. 98., выданное адм. Свердловского района г. Перми.

Тираж 200 экз.

Принимаем заказы на издание книг и брошюр.
Тиражируем печатную продукцию.

Адрес: г. Пермь, ул. Пушкина, 110, офис 122.
Тел. 33-38-73, 98-31-74.
Тел./факс 33-85-03.

50